

ПОСВЯЩЕНИЕ

Сборник «Посвящение» завершает трилогию, посвященную жизни и творчеству профессора Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили Константина Сергеевича Герасимова (1924-1996) и изданную по сохранившимся материалам архива легендарного ученого, поэта, педагога, библиофила.

В первую книгу трилогии «Возвращение» (2011) вошли большей частью ранее не публиковавшиеся материалы из архива К.С. Герасимова – поэтические произведения, записные книжки, научные статьи, а также воспоминания ряда его коллег и учеников, многие из которых ныне являются гордостью филологической науки.

Вторая книга трилогии «Из глубины» (2011) является репринтным изданием одноименного сборника, вышедшего в 1992 году, составленного и прокомментированного самим автором.

Оба издания были презентованы в Пушкинской гостиной Московского государственного университета им. Ломоносова (сентябрь, 2011) и в Тбилисском государственном академическом русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова (октябрь, 2011).

«Посвящение» включает в себя воспоминания авторов-составителей сборника о К.С. Герасимове, поэму-феерию «Посвящение» (публикуется впервые), описание архива и комментарии к нему, а также полный каталог архива.

Трилогия «Возвращение» - «Из глубины» - «Посвящение» издана по благословению Католикос-Патриарха всея Грузии, Святейшего и Блаженнейшего Илии II.

Издание приурочено к 90-летию со дня рождения К.С. Герасимова.

Владимир САРИШВИЛИ

КОНСТАНТИН ГЕРАСИМОВ. UNO SOLO

К личности и научно-творческому наследию профессора кафедры русской литературы Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили Константина Сергеевича Герасимова (1924-1996) гуманитарно эрудированная общественность не теряет интереса. Как известно, в 2011 г. тбилисский Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» к 15-летию со дня кончины ученого и поэта осуществил репринтное издание его единственного прижизненного сборника «Из глубины», в комплекте с книгой «Константин Герасимов. Возвращение». В этот том вошли эксклюзивные материалы из личного архива К.С. Герасимова – поэтические произведения, записные книжки, научные статьи, наряду с ними - и воспоминания ряда его коллег и учеников, многие из которых ныне являются гордостью филологической науки.

Авторы-составители этого резонансного издания - ученики К.С. Герасимова Н.Т. Зардалишвили и автор этих строк. Именно мне душеприказчики Константина Сергеевича вручили его архив со словами: «Вы были единственным из его ближнего круга, кто не участвовал в мышинной возне и крысиной грызне возле гроба. Поэтому мы оставляем архив Константина Сергеевича в ваше владение».

«Когда-нибудь я его опубликую», - выпалил я в ту минуту. Но тогда это казалось совершенно ирреальным. Опубликовать архив? Где?! В разоренном городе, нищем и темном, с горящими по ночам кострами, вокруг которых собирались семейные добытки в ожидании фурунгов с хлебом?

Шли годы. Время от времени я извлекал на свет божий, или на свет керосиновой лампы, или (все чаще и чаще) на свет электрического торшера старинные клеёнчатые тетради, соединённые скрепками листы с таблицами, набросками, пометками и... цельными, бисерным почерком переписанными стихами и циклами стихов, прозаическими и драматическими произведениями. Я вчитывался в строки своего учителя, мечтая, что когда-нибудь они станут достоянием пытливого исследователя.

Впрочем, первым таким исследователем был сам ваш покорный слуга, использовавший (разумеется, со ссылкой на автора), фрагмент из рукописного наследия профессора Герасимова в своей диссертации «Сонеты К.Д. Бальмонта». Диссертация была защищена в 1999 году, в Кубанском государственном университете, под руководством ещё одного ученика Константина Сергеевича, из поколения начала 1970-х, ныне академика Владимира Чередниченко.

Вот этот фрагмент:

«Сонет = двуединство аполлонического и дионисийского начал (формула К.С. Герасимова). Этому же исследователю принадлежат и следующие (не публиковавшиеся) находки в области значения чисел сонета: $4 + 3$ (катрен + терцет) = 7 (дух = тело). Согласно одной из составленных учёным схем, катрены символизируют 4 времени года, 4 стороны света, 4

периода человеческой жизни (детство, юность, зрелость, старость); терцеты – триаду времён (прошрое, настоящее, будущее).

Апостольское начало содержит формула $4 \times 3 = 12$ ».

В четырёх Евангелиях К.С. Герасимов отмечает следующие доминанты:

«человек- рождение (от Матфея)	телец- жертва (от Луки)	лев- воскрешение (от Марка)	орёл- вознесение (от Иоанна)
--------------------------------------	-------------------------------	-----------------------------------	------------------------------------

Здесь следует сказать, что это четверичность восходит к видению пророка Иезекииля о херувимах – существах, наиболее приближенных к Богу. Согласно «Толковой Библии» под редакцией профессора А.П. Лопухина и его преемников, «Появление таких лиц в образе херувимов объясняют обыкновенно так, что лице человека выражает разумность явившихся существ, лице льва – их силу, вола (теляца) – крепость, и орла – выпренность». (Разумеется, не в ироническом толковании, а в подразумевающем возвышенную торжественность). Выбор животных сделан так, чтобы сюда вошли представители всего живого мира. «Четыре существа имеют первенство в сем мире: между тварями человек, между птицами орёл, между скотами вол (телец) и между зверями лев (Sthemoth rabba 23). Исключено царство пресмыкающихся по понятной причине. Если...неизбежно требовалось для возможно полного выражения идеи херувима присоединение к человеческому образу формы животных, то поистине нельзя было дать лучшего соединения, чем здесь. С этими благородными животными не стыдится сравнивать себя сам Бог (Ос. XI, 10. Исх. XIX, 11. Вт. XXXII, 11. и др.). Множественность же и разнообразие здесь животных форм потребовались «полнотою идеи, которая едва допускает чувственное выражение» (Гаферник) подобно тому, как египетские боги «имели вид не скота, не птицы, не зверя, ни даже самого человека, но форму, особенно искусственно составленную и возбуждающую благоволение своею новизною» (Апулей, Metam. XI), сообщает толковник, вновь подтверждая тезис о наибольшей близости к христианству древнеегипетской культуры и религии, которую глубокий исследователь религиозной философии и истории церкви В.А. Никитин назвал «прологом христианской религии и культуры». (См. об этом Никитин В.А. «Основы православной культуры» М., «Просвещение». 2004).

Мы привели здесь лишь небольшую часть своеобразной переклички философии чисел с композицией и диалектикой сонета...».

Следует сказать, что эта цитата вызвала большое оживление и послужила поводом для весьма содержательной дискуссии, разгоревшейся во время защиты между оппонентами, диссертантом и членами учёного совета КубГУ.

О четверичности, о числе 4 как символе пространственной полноты, законченности, завершения, наполнения, исчерпанности, как и о числе 7, символизирующем вечность, бесконечность, объединяющем пространство и время, мы с Константином Сергеевичем

говорили не раз. Записи этих бесед, после соответствующего научного анализа, легли в основу ряда глав упомянутой моей диссертации.

В богословских исследованиях звучит мысль о том, что благодаря четырёхличию херувимы могли идти не оборачиваясь в каждую сторону света, что давало им исключительную власть и над пространственными ограничениями, напоминающую всеприсутствие Божие. (Мотивы проникновения сквозь стены, передвижения со скоростью мысли, нещадно эксплуатируемые писателями-фантастами, были, как видно, известны и в ветхозаветные времена).

И если цель движения херувима (устремлённого всегда вперёд), лежала не на радиусах (хордах), направленных к пункту назначения, то к этой цели херувимы могли продвинуться не кратчайшим путём, а окольным (по катетам, а не гипотенузе прямоугольного треугольника).

Однажды я заметил, что эти комментарии пересекаются с идеями шахматных этюдов, где также победоносная цель достигается путём непрямого наступления, а движения по катетам и гипотенузе напоминают ходы слона, ладьи и ферзя. Но Константин Сергеевич тему не поддержал и неожиданно для меня, большого любителя и поклонника этой божественной игры, сообщил, что не любит шахматы. «Не сложился роман. Нельзя любить всё на свете», - сухо констатировал он.

Но я не сдавался и утверждал, что сонет сопоставим с шахматной партией, являясь, как и шахматы, загадкой неисчерпаемых возможностей. Он обманчив внешней простотой правил. Но простота эта оказывается, как и в сонетной композиции, иллюзией, поскольку требует не просто стихийного таланта, но и умения подчинять этот талант жёсткой логике. Подобно шахматной партии, сонет проходит три стадии развития. В сонете – катрен+катрен+секстет (терцет+терцет), в шахматах – дебют, миттельшпиль, эндшпиль. Тезис-антитезис-синтез – композиционные требования к сонету. В шахматах это: ход белых – ход чёрных – результат. Известны три канонические сонетные конструкции – итальянская, французская и английская. Шахматные фигуры ходят в трёх направлениях: вертикаль-горизонталь-диагональ.

Но и к этим доводам и числовым хитросплетениям-совпадениям Константин Сергеевич оставался холоден.

Зато с каким упоением «улавливал» он другие параллели. «Ведь четверично-третичная (4+4+3+3) структура сонета является ничем иным, как числовым символом триединства Божества в связи с земными стихиями огня, воды, земли и воздуха», - вдохновенно вещал пожилой профессор.

«Но это лишь одно из возможных толкований, - замечал Владимир Саришвили, его молодой собеседник-аспирант. – Если обратиться к семантике чисел в связи с конструкцией сонета, то может сложиться примерно такая картина: 1 – сонет как единое целое, как микрокосм. Единица и есть обозначение некоей целостности, единства. 2 – бинарность мира, контраст (свет – тень, мужчина – женщина, добро – зло и т.д.) – применительно к сонету выполняет организующую роль. Это – 2 катрена + 2 терцета – элемент конструкции. Это тезис и антитезис, элемент конфликта – композиционная составляющая в сонете. 3 – основная константа мироздания («Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа»), находит

отражение как в терцетах, так и в дополняющем и венчающем тезис и антитезис синтезе. Число 3 утверждает в сонете поэтическое совершенство и динамическую целостность».

По другой схеме К.С. Герасимова катрены символизируют четыре времени года, четыре стороны света, четыре периода человеческой жизни (детство, юность, зрелость, старость). А терцеты – триаду времён (прошлое, настоящее, будущее).

Константин Сергеевич дополнял эти выводы интереснейшими параллелями со взглядами пифагорейцев, рассматривавших числа как реальные существа и посвящавших единицу Аполлону. Мужскому числу, единице, как отмечал профессор, противопоставлялось женское – диада, или двойка. Тройка – триада обладала таинственным значением, потому что в ней одновременно заключается единство и двойственность.

Собеседники сходились во мнениях в том, что мужское (аполлоническое) начало сосуществует в сонете с женским (дионисийским), поскольку композиция сонета как нельзя лучше позволяет отобразить темы глобального, космического размаха, воплощая их «камерными», а не «симфоническими», средствами. Согласно заключению К.С. Герасимова, аполлоническое начало в сонете присутствует в виде формы, канона, а дионисийское – стихии, алогизма.

Также мы согласились в том, что магическое число 7 можно соотнести со структурой сонета с некоторой натяжкой. Число строк катренов и терцетов составляет две семёрки, образующие единство – четырнадцатистрочие. Круг, таким образом, замыкается, возвращаясь к начальной единице. Другое магическое число – девятка – попадает точно на «золотое сечение» сонета – на переход в девятую строку, от катренов к терцетам.

Но любимой «параллелью» Константина Герасимова была сравнительная характеристика сонета и готического собора. Наизусть цитировал он (а я тщательно записывал) фрагменты из статьи И. Рукавишникова в редкой (ныне доступной в интернете, а в то время чуть ли не уникальной) «Литературной энциклопедии» 1925 года:

«В XIII веке из романского архитектурного стиля родился готический. Конечно, не сонет повлиял на готику, но романо-готическое миропонимание вылилось в соответствующие формы, наиболее могуче в архитектурные. Архитектура готическая победила романскую, в грандиозном размахе подчинила себе скульптуру, живопись, прикладные искусства. Точно и мудро копируя архитектурные достижения, поэзия откликнулась сонетом.

Понятно, что в это неповторимое время архитектурная готическая схема жила сознательно и бессознательно во всех умах. Основная эта схема (западного фасада) такова: прямоугольник, чаще удлинённый вверх, и на нём по бокам – два удлинённых прямоугольника башен (северной и южной), завершённые равнобедренными треугольниками шпилей – крыш.

Схема сонета: прямоугольник двух четверостиший (катренов) и завершающие его тело два трёхстишия (терцеты)».

«Нетрудно убедиться, даже без графической «подсказки», что в каноническом виде (2 катрена + 2 терцета) сонет являет собой перевёрнутый собор, или наоборот: собор – перевёрнутый сонет», – заметил однажды Константин Сергеевич.

Все эти «премудрости для посвящённых» легли в основу моих многочисленных литературоведческих статей о сонете, опубликованных в различных научных сборниках в Грузии и за её пределами. Но особый резонанс приобрели статьи «Реформы и новации в микрокосме сонета» и «Образ храма в европейской культуре и литературе». Первый был озвучен на научно-практической конференции «Страны постсоветского пространства: взаимопроникновение культур», в рамках проекта «Культура и литература на пространстве Южного Кавказа» (Тбилиси, 2011). Этот проект осуществила возглавляемая автором этих строк Ассоциация русскоязычных литераторов и деятелей культуры «Новый современник» при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ. А второй прозвучал в польской религиозной столице – Ченстохове, сакральном центре, по своей значимости для страны напоминающем древнюю столицу Грузии Мцхета. В Ченстохове, на родине одного из величайших в истории понтификов Иоанна Павла II, в 2000 году, доклад «Структура сонета и архитектура готического храма» был назван «пиршеством интеллекта», на что я поспешил известить просвещённое сообщество участников II Международного Интердисциплинарного Научного Симпозиума, что многие постулаты этого доклада – не что иное как облечённые в научную форму фрагменты бесед с покойным профессором Константином Сергеевичем Герасимовым.

«Счастливый парадокс: именно Тбилиси, а не какой-либо из западноевропейских культурных центров стал *alma mater* нового развития сонетологии, реформаторского подхода к этой области литературоведения, а духовным предводителем её *Vita nova* стал профессор Тбилисского государственного университета Константин Сергеевич Герасимов», - пишет автор статьи.

«Константин Сергеевич Герасимов писал по большей части сонеты, особенно на закате жизни... Он является автором нескольких новых форм циклов сонетов... а именно:

1) венец сонетов (цикл из четырёх английских сонетов, последний из которых состоит из трёх «сонетных ключей» - заключительных двустийных первых трёх сонетов); 2) созвездие сонетов (цикл из семи сонетов – трёх «французских и трёх «английских», чередующихся друг с другом, и седьмого, состоящего из шести заключительных терцетов предыдущих сонетов и одной дополнительной строки – в отличие от классического понимания короны как венка венков)», - пишет Н. Зардалишвили.

За этими сухими теоретическими выкладками стоит колоссальная работа духа и мысли, несколько десятилетий трудов, проб и ошибок, разочарований, но в конечном итоге - победы в виде великого вклада в циклическое развитие сонета, этой воистину королевской формы – нет, как доказал Константин Сергеевич, не формы, а жанра мировой поэзии. Доказательств в пользу своего утверждения К.С. Герасимов приводил немало. В единое целое они собраны в статье О. И. Федотова «Сонет Серебряного века».

Для того, чтобы составить представление о глубине, плотности и плодотворности теоретической мысли К.С. Герасимова, достаточно обратиться к его же примечаниям к сборнику «Из глубины», где учёный и поэт открывает тайны своей «мастерской».

«В книге сонетов «*Ars moriendi*» - семь (число сакральное) разделов: *Ars hermetica*, *Ars moriendi*, *Ars magna*, *Ars sacra*, *Ars amandi*; в каждом разделе от одного до четырёх циклов... всего циклов... семнадцать; в каждом цикле девять (число Беатриче, см. *Vita Nova*, гл.

XXVIII-XXIX) сонетов; всего в книге «Ars moriendi» 154 сонета, что, разумеется, проявление не дерзости автора, но его любви к сонетам Шекспира».

Даже контурное описание проблем, предложенных профессором Герасимовым для изучения, глубоко впечатляет. Так, он обозначил общность феномена «золотого сечения» для готического собора и сонета, ведь ещё на заре существования готики были определены пропорции фасада в смысле отношения высоты к основанию, приблизительно соответствующие принципу «золотого сечения». В свою очередь, Данте и Петрарка закрепили за сонетным стихом определённую длину по количеству стихов (10-12), что, по замечанию Константина Сергеевича, в сочетании с четырнадцатистрочным (2 катрена + 2 терцета) объёмом (высотой) также возымело эффект «золотого сечения» (в особенности это касается отношения катренной части к терцетной (8:6) при идеальном 8:5).

Теоретический подход моего учителя к сонету был начисто лишён не только симпатий, но и простого любопытства ко всякого рода «циркачеству». Он не признавал никаких «фокусов» вроде сонетов в 14 односложных слов или тому подобных трюков. Но, с другой стороны, он никогда не увлекался слепым подражанием архаическим средневековым правилам с требованием, к примеру, каждую строку делать самостоятельным законченным предложением, не допуская синтаксических «перетеканий».

И это умение чётко определить путь «по волосяному мосту», необыкновенная эстетическая интуиция, позволили профессору Константину Сергеевичу Герасимову выявить здоровую природу сонета и возделывать его благодатную почву, не давая воли «сорнякам», но и не превращая гибкую органическую цельность конструкции в удушливую «теплицу» догмы.

(Выше приведены цитаты из статьи «Реформы и новации в микрокосме сонета» - В.С.)

Что же касается доклада о сравнительной характеристике сонета и готического собора, озвученного и опубликованного в Польше, было бы уместным привести два его фрагмента, также навеянных вечерними беседами в доме мэтра Константина Герасимова:

«Коллега Юрий Линник говорил, что «стройность сонета, как и готического собора, словно бы моделирует, воспроизводит на знаковом уровне стройность мироздания. Для своих создателей сонет был своеобразной моделью мира, словесным микрокосмом». Очевидно, что и для создателей готических соборов их творения являлись оплотом Вселенной. Эта традиция восходит ещё к глубокой древности, когда архитектурное творчество воспринималось как своеобразное моделирование Космоса. Поэтому соборную готику, как и сонет, во всём их разнообразии и целостности можно назвать условной моделью мира».

«Триединство «гармония, симметрия, инвариантность» сосуществуют как в соборной готике, так и в сонете.

Они в полной мере соответствуют сформулированному И.В. Гёте постулату: «Удовлетворение, которое мы испытываем, глядя на прекрасное произведение искусства, проистекает от того, что в нём соблюдены правила и мера, ибо удовольствие в нас вызывают единственно лишь пропорции. Если же они отсутствуют, то сколько бы мы ни украшали здание, эти наружные украшения не заменят нам внутреннюю красоту и привлекательность». Но совершенство архитектурных пропорций сонета и соборной готики не пребывает в отрыве от внутренней, спиритуальной сути этих явлений. Иными словами, в них гармонирует

форма и содержание, подобно тому, как в структуре элементарной частицы потенциально содержится всё многообразие других элементарных частиц. Здесь можно упомянуть о скрытой идее «креста» (cdc dcd) или «треугольника» (cde cde) в терцетах итальянского сонета.

Интересно, что из всех твёрдых литературных форм только сонет диалектическое развитие и перерос в циклы и венки, так же как соборная готика получила ансамблевое развитие».

Моему поколению выпала на долю большая удача – быть студентами кафедры русской литературы Тбилисского государственного университета, считавшейся одной из сильнейших на всём мировом русскоязычном пространстве.

Счастьем было для нас учиться у великих мэтров, уже открывших свои университеты в Царстве Вечности – это Вано Семёнович Шадури, Георгий Михайлович Гиголов, Мария Григорьевна Байсоголова, Игорь Семёнович Богомоллов, Лина Дмитриевна Хихадзе, Соломон Георгиевич Хуцишвили, Вахтанг Варламович Чедия, Дмитрий Сиоевич Чантуришвили Дмитрий Александрович Тухарели... Счастьем было учиться у ныне здравствующей «старой гвардии» Натальи Константиновны Орловской, Нодара Левановича Поракишвили...

Но даже на фоне этого блистательного созвездия учёных и педагогов Константин Сергеевич Герасимов выделялся не только глубочайшими познаниями – в этой области у него в лице вышеперечисленных выдающихся личностей было достаточно конкурентов. Он выделялся манерой подачи материала – глубокой, артистичной и аристократичной. В нём не было спеси, но было столько не привнесённого, а врождённого благородства, что даже близких друзей не тянуло фривольно похлопывать его по плечу.

Записные книжки К.С. Герасимова («Books», как их называл сам автор) – это уникальный драгоценный сплав набросков замыслов и впечатлений, тонких и метких ремарок и замечательных по глубине и лаконичности примечаний. Всё это вкупе с пометками, приоткрывающими личные пристрастия и антипатии профессора, так и хочется назвать «романом в комментариях». Если бы... подобный жанр уже не был бы создан, правда, не на документальном, а на художественном уровне. Кем? Возможно, пальма первенства принадлежит современному шведскому писателю Петеру Корнелю, сумевшему заинтересовать просвещённый мир своим произведением «Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи».

Критики в своих отзывах на роман «Пути к раю» отмечают, что для этого произведения Петер Корнель выбрал очень оригинальную форму, а именно - комментарии к роману, текст которого отсутствует. Умберто Эко называл подобный подход открытой литературой. То есть, литературой, не имеющей фиксированного сюжета, где читателю самому надлежит напрячь фантазию и выступить соавтором.

Темы, которые затрагиваются в подобной, получившей в науке определение интерактивной, нелинейной литературе, пестрят многообразием. В нашем случае мы, рискуя быть неоднократно дополненными, позволим себе всё же контурно очертить круг интересов автора «Books»: история и теория литературы, этика и эстетика, философия искусства и философия как таковая, архитектура, музыка, изобразительное искусство, религия,

психология творчества и социальная психология... И даже спорт, хотя активным спортсменом, насколько мне известно, Константин Сергеевич никогда не был.

Константин Сергеевич Герасимов вёл уникальные спецкурсы – «Русская философская поэзия», «История научной фантастики», «Психология художественного творчества». Цикл лекций по «Истории книги» профессор Герасимов читал более четверти века. В одной из опубликованных наших бесед он говорил:

- Эти спецкурсы я очень люблю. Конечно, кроме них я читаю и основной курс – историю русской литературы. Но о четвертьвековом юбилее «Истории книги» хочется сказать особо. Прекрасно, что Тбилисский университет – единственный (других не знаю), где филологам читается курс по истории книгопечатания. Нам мало что известно о величайшем открытии цивилизации – начале книгопечатания в Европе. Так же мало известно и о книгопечатании в Грузии, непочатый край работы – и в области исследования грузинских рукописных книг. Это – пласт культуры, подлежащий изучению. А знать культуру страны, где бросил якорь, должен каждый.

В другой беседе он говорил:

- Мы сталкиваемся с чудовищной уродливостью школьных и вузовских учебных программ. Вся мировая литература непостижима без знания вершины вершин – Библии... А её не видно ни на школьных партах, ни в студенческих аудиториях. Не только с точки зрения здравого смысла, но и как преподаватель Тбилисской духовной академии, где я веду историю книги, а в семинарии – историю русской литературы, я убеждён в благотворном влиянии евангелистских истин на формирование личности. Наши же учебные программы создают искажённое представление о мире, в котором мы живём.

Хорошо, что профессор Герасимов не имел удовольствия ознакомиться с современными учебниками и учебными программами, этого удара его утончённая интеллектуальная природа могла бы не вынести.

В издании, которое вышло в свет благодаря Союзу «Русский клуб» и Фонду «Русский мир», личность Константина Герасимова представлена в самых различных ипостасях – поэта, интеллектуала, мастера учёной беседы, глубокого остролова.

А в данном издании, за которое мы так же благодарим «Русский клуб» и «Русский мир», будет сделан ещё один акцент - на таланте архивариуса, которым профессор Герасимов был наделён в высокой степени (здесь, впрочем, сказалось и семейное воспитание, не допускавшее разгильдяйства, да и влияние самой государственной системы, с её дисциплинарной доминантой).

Достаточно открыть любую архивную тетрадь, пролистать любые блокноты или бумажные скрепления – и станет ясно, сколь бурная творческая и умственная энергия изливалась в эти записи. Причём в них нет ничего от крохоборства поражённых манией величия гуманитариев, в записях которых словно бы слышится отчаянный призыв: «Не теряйте, это для вечности!». Записи Константина Сергеевича – своего рода школа бережного и делового отношения к собственному творческому наследию. Антиподом его был, как помнится, поэт Александр Полежаев, ведший (не по своей воле) походную жизнь на Кавказе и при этом забывавший стихи на прежнем привале и вспоминая о них лишь по дороге к следующему...

Аккуратно соблюдаемые поля, рукописные образцы культуры письма если не каллиграфическим, то вполне разборчивым, чётким мелким почерком. Ссылки и отсылки, по которым нетрудно ориентироваться в этом море художественных произведений и теоретических набросков, – вот какова «визитная карточка» архива Константина Сергеевича Герасимова.

Нельзя обойти вниманием школу, которую создал профессор Герасимов – это большое счастье для любого учёного и ещё большее счастье для нас, учеников Константина Сергеевича.

Давний и верный поклонник сонета, он с грустью замечал, что поэзия XX века стала аморфной, приобретает расплывчатые строфические очертания. Сонет же он считал идеальным синтезом формы и содержания, пробным камнем мастерства.

Не только поклонник, но и пропагандист сонета, Константин Сергеевич был инициатором двух всесоюзных симпозиумов в ТГУ, посвящённых теории и истории сонета. И пусть не все его ученики продолжили традиции изучения сонета – но «их есть» в школе Герасимова. Это работающие в России Татьяна Кошемчук и Светлана Титаренко, Галина Подольская – в Израиле, в Штатах, в Атланте, – Сергей Хангулян, в родном Тбилиси – Татьяна Мегрелишвили, Ирэна Кескюль, Михаил Ананов и ваш покорный слуга.

В числе соавторов и организаторов различных связанных с деятельностью Константина Герасимова акций его ученики – Олег Клинг и Мария Михайлова, Захар Давыдов из Канады, университета Торонто, Ефим Курганов из парижской Сорбонны, Владимир Чередниченко из Краснодара, Валентин Никитин из Москвы, и многие другие.

Все они проходили свои ранние университеты в особняке Константина Герасимова, в старинном Верийском квартале Тбилиси, откуда он ушёл в вечность...

АРИСТОКРАТ ЯМБИЧЕСКИХ КРОВЕЙ *

Огромный котище, пожилой и усатый, возлеза на подоконнике, протягивает толстую лапу в открытую дверцу клетки, где подпрыгивает в притворном испуге такой же старенький чиж. Но вот плешивый чижики по-хозяйски устраивается на лапе старого друга, которого, по правде говоря, никогда не страшился, да и не с чего – станет ли Кот унижаться до мелкого хулиганства и рисковать своим авторитетом важнейшей в доме персоны – Хранителя Великой Библиотеки...

И пусть читателю не покажется фантазией сказочника этот кусочек Библейского рая. Всё описанное относится к разряду невыдуманных историй, и Великая библиотека – тоже реальность, хотя, увы, реальность бывшая.

Эта домашняя картинка – своего рода экспозиция к рассказу о легендарном профессоре Тбилисского Государственного университета Константине Сергеевиче Герасимове.

**полная версия статьи, частично опубликованной в журнале «Русский клуб» №4 за 2006 г. и сборнике «Константин Герасимов. Возвращение».*

Итак, слегка перефразируя Р.Л. Стивенсона (к слову, «Остров сокровищ» Константин Сергеевич считал лучшим романом для юношества), «в нынешнем, 20... году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда»... зимним вечером 1980 года я, 17-летний первокурсник факультета русской филологии ТГУ, впервые переступил порог уютного дома профессора Герасимова.

«Я помню, словно это было вчера», как Константин Сергеевич взял на руки своего Котофея и попросил: «А ну, покажи, какой ты большой!» - и котяра, довольно жмурясь, вытянулся во весь свой богатырский рост. А потом вопросительно уставился на меня – мол, впечатлился ли гость?

Да, в добрый час вошёл я под сень этого Храма Книги, ибо не прошло и месяца, как я почувствовал себя включённым в тот узкий круг приближённых единомышленников, которым Константин Сергеевич открывал, пусть и не все, но сокровенные уголки своего духовного мира, потаённые клады «города мертвецов», как он называл свою уникальную библиотеку.

Когда профессора Герасимова, поэта, тончайшего знатока литературы и культуры, исследователя-сонетолога, эссеиста, спрашивали: «Чем отличается библиофил от книголюбца?», Константин Сергеевич, в свойственном ему притчево-метафорическом стиле, отвечал:

«Представьте себе, что у вас разваливаются туфли, и вы с превеликим трудом накопили денег на новую пару. Идёте в обувной магазин, а по дороге, на витрине у букиниста, видите прижизненное издание... Ну, скажем, Гумилёва... Любитель почешет в затылке и пойдёт за обувкой, а библиофил купит книгу и вернётся домой босиком»...

Библиотека Константина Герасимова была одним из богатейших частных собраний на территории бывшего СССР. Более 15 тысяч жемчужин мирового литературного, культурного, научного наследия (Чейза, Хэммета, Маринину и иже с ними профессор никогда не беспокоил).

- Я начинал с малого, почти что на голом месте. Отец, многоопытный инженер Сергей Авдеевич, читал вслух по вечерам римских классиков в оригинале, это были семейные чтения – традиция, ныне окончательно почившая в бозе, - рассказывал Константин Сергеевич во время одной из бесед середины 90-х гг. – А дед мой, Авдей Яковлевич, был страстным библиофилом. После революции он работал в типографии. Так что процесс рождения книги я запомнил и полюбил с детских лет.

А юность моя выпала на Великую Отечественную войну. Не до книг тогда было, стояла одна задача – выжить. И маме, чтобы не уморить нас голодом, пришлось распродать собрание Авдея Яковлевича. Вот когда во мне проснулся настоящий библиофильский азарт, и пока я не вернул роскошное издание «Пиковой дамы» с иллюстрациями Александра Бенуа, покоя не обрёл.

С тех пор начали формироваться мои библиофильские вкусы. По окончании войны букинистические магазины России, Прибалтики и других республик буквально ломились от раритетов и редких изданий; в те времена все были заняты мыслями «о хлебе насущном»; иностранцам в СССР пути были заказаны, конкурировать они с нами, как в нынешние

времена, не могли, прежде всего обеспечивая финансовое преимущество. Таким образом, как писал Руставели, «поле и мяч – твои». Увы, порода истинных букинистов в наши дни вымерла. Не осталось таких, каким был, к примеру, Серго Мдивани и иже с ним – рыцари книги, книгочеи и книговеды, знавшие – кому какой «лакомый кусок» припрятать «по назначению». Редкие книги – дорогой товар, но в те времена за них просили гроши...

С 1964 года преподаю в ТГУ историю книги и книгопечатания. На эту тему у меня есть всё основное, выходившее из печати. С детства собираю мировую классику. Причём не случайные издания, а снабжённые научным комментарием. Ещё одна сфера интересов – литературоведение, история и теория стиха. И здесь «не счесть алмазов» на книжных полках. Особенно это касается литературы по сонету.

Любовь к сонету Константин Сергеевич пронёс через всю жизнь, в чём можно убедиться, внимательно изучив его записные книжки. Но и без них автор этих строк не раз был свидетелем упоённых рассуждений Константина Сергеевича о природе сонета, его сходстве с принципами готической архитектуры; не раз доводилось и в буквальном смысле успокаивать профессора Герасимова, когда он слышал или читал о сонетах, не подчиняющихся строгим канонам жанра (а Константин Сергеевич считал сонет именно жанром, а не просто твёрдой стихотворной формой). Такие неправильные сонеты он называл «жалкими калекми, достойными сбрасывания в пропасть, как это делали с увечными младенцами в Спарте». Подробнее о великом романе профессора Герасимова с сонетом читатель узнает из его программной статьи «Диалектика канонов сонета», публикуемой в настоящем издании.

О задачах, которые он ставит себе как библиофил, Константин Сергеевич рассказал в другой беседе, состоявшейся в 1996 году.

- Я задался целью собрать всю римскую классику на латинском языке, причём изданную не позднее XVII в. Изданий XVIII в. у меня много, но тогда уже началось массовое книгопечатание, а я больше ценю подлинные раритеты. Книгоиздательство до XVII в. – это всегда произведение искусства, имеющее особый аромат. Я составил список из 30 авторов, и плюс после каждой фамилии ставил лишь тогда, когда добывал полное собрание сочинений. всего пока собрал 300 книг.

Спецкурс по истории книги навёл меня на мысль коллекционировать фирменные экземпляры выдающихся книгоиздателей средневековой Европы. В моей коллекции, кроме изданий первопечатника Иоганна Гуттенберга, представлена практически вся «галерея великих книжников. Это: венецианцы Мануции (XV-XVI вв.), французы Плантен, Этьен, Фробен (XVI в.), итальянец Джунта (XVI в.), француз Дидо, итальянец Бодони ди Парма, англичанин Баскервиль (XVIII в.), голландцы Эльзевиры (XVII в.), русские духовные книги XVII в., первое прижизненное издание «Телемахиады» Тредиаковского, прижизненные издания Ломоносова, Державина...

Особый раздел в библиотеке отведён изданиям Библии на различных языках мира. Ещё один раздел посвящён миниатюрным изданиям.

Любя книгу, я стал немного алхимиком. Изобрёл растворы, способы излечения раритетов от всякой нечисти. Книги в моих руках дышат спокойно, особенно те, которые

попали ко мне из трущоб. Мне кажется, они знают, что здесь будут излечены, и они благодарят меня.

Есть в библиотеке и рукописи – тибетские молитвы, лютеранские свитки с карикатурами на папу римского, грузинские рукописи... Но самый забавный и уникальный раритет – новгородская берестяная грамота XV в., гласящая: «Челобитная от Иосифа брату своему Фоме. Переслеживай о Таньке и чтоб не блудила чего зря».

Мою встречу с Нелли Манафоновой Гусейновой, сестрой убиенной супруги Константина Сергеевича, Нателы (Софьи) Манафовны, иначе как мистической назвать нельзя. Буквально накануне мы обошли кладбище в поисках могилы Константина Сергеевича, чтобы запечатлеть её для нашего издания. Но, несмотря на то, что место для погребения выбирал я, Владимир Саришвили, свежих могил оказалось столько, что не помогли даже визиты к директору кладбища и «прочёсывание» регистрационных книг.

- Как вы меня узнали?! – изумилась Нелли Манафовна.

Я ответил, что образ Константина Сергеевича и всего его окружения никогда не стирался в моей памяти.

Разумеется, Нелли Манафовна, несмотря на очень тяжёлое самочувствие, согласилась сопроводить нас к месту погребения Константина Сергеевича, известному на тот день, как оказалось, только ей одной.

Спустя неделю мы встретились дома у Нелли Манафовны, которая передала нам хранившийся у неё фотоархив и бесценную Библию с дарственной надписью Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II со словами: «Заберите всё. Это ваше. Я боюсь хранить у себя эту книгу, не имеющую цены». Далее мы, с разрешения Нелли Манафовны, записали нашу беседу на диктофон. Запись эта оказалась исторической – как последняя живая связь с земным микрокосмом Константина Сергеевича. Поскольку спустя несколько дней после нашей встречи Нелли Манафовна перестала отвечать на звонки. Зная, что иногда она ночует у близких, мы не особенно встревожились. Но через несколько дней из Патриархии Грузии, опекавшей Нелли Манафовну, узнали, что она скончалась и уже похоронена на Кукийском кладбище. Патриархия взяла на себя все расходы по погребению Нелли Манафовны, а отпевал её сам Католикос-Патриарх Илия II. Далее мы приводим запись беседы с некоторыми сокращениями, касающимися обвинений в нечистоплотности людей из окружения Константина Сергеевича, имён которых, за неимением юридических доказательств, мы не называем.

Н.Г. – Константин Сергеевич был необыкновенный человек, необыкновенный. Он был моим другом. Не потому, что он был мужем моей сестры. Мы с ним очень дружили. И нашелся человек, который продолжит его дело, ведь Константин Сергеевич многого не доработал, не успел. Я очень рада, что Володя Саришвили взялся за это. Господь вознаградит его за все его деяния. Но все решил мой сын. Зная Володю, он решил подарить ему архив. И благодаря моему сыну, Гарри Константиновичу Бабаяну, делается такое доброе дело.

В.С. – А вы помогли найти могилу Константина Сергеевича...

Н.З. – Благодаря вам мы выяснили, что значительная часть библиотеки была передана в Духовную семинарию.

Н.Г. – Да, об этом была статья. Но я ее потеряла.

Н.З. – В какой газете?

Н.Г. – По-моему, название было связано со словом «журналистика». Точно не могу сказать. Она редко выходила. Мы отдали библиотеку очень скоро после смерти Котика.

Н.З. – Кто именно передал библиотеку?

Н.Г. – Я лично. Сестры уже не было в живых. Натела очень быстро после Котика скончалась – через год и пять месяцев. Он – в июле 96-го, она – в декабре 97-го. Она прожила без него очень мало, но в этот период она очень много книг отдала ... (Нелли Манафовна называет имя и фамилию – В.С.). Но Натела была женщина с характером, и я, к сожалению, не имела права вмешиваться.

Н.З. – Мы обнаружили, что исчез научный архив.

Н.Г. – Наверное, кто-то приложил руку.

Н.З. – Расскажите о его судьбе, семье.

Н.Г. – Мне как-то не приходилось об этом слышать. Я мало об этом знаю. Натела позже меня вышла замуж, у меня уже была семья, я была занята, очень много работала, даже мой сын вырос благодаря моей свекрови. (Передаёт книгу с автографом Патриарха и фотографии). Все берите. Все. Я вам абсолютно доверяю. То, что я могла найти, я нашла. Но куда делось все остальное? Патриарх подарил Константину Сергеевичу несколько книг, но я нашла лишь одну. Есть люди, которые метят забрать у меня эту книгу. Она бесценна. Я даже боюсь, что живу одна... А ваша книга будет, будет. Я буду молиться за вас. Значительную часть библиотеки Гарри передал в Публичную библиотеку. А может, продал. Натела показывала тогдашнему руководству Публичной библиотеки книги голландцев Эльзевиров, но это очень дорогие раритеты, и у них тогда не было возможности купить. Я нашла девять этих книг. А у кого они сейчас? Благодаря Константину Сергеевичу я дружу с Патриархом. Он не знает моей фамилии, говорит: «Пропустите Герасимову!» Я несколько раз ему говорила, что я не Герасимова, но он все равно называет меня так. Он хорошо помнит Константина и говорит: «У меня очень хорошая память». Последний раз я была у Патриарха 6 марта, обедала с ним, были профессора из университета... Мне Котика очень жалко. Как он относился к нашим родным! Я говорила Нателе: «Зачем ты его ругаешь? Не всякий родственник сделает то, что делает Котик для твоих родных». Ирочка и Марина, дочери нашей третьей сестры Тины, переводчицы с турецкого, обе закончили университет. Потом сестра с дочерьми переехала с мужем, полковником Али Ишмурадовым, в Ташкент. Котик умолял оставить их в Тбилиси. Ирочка была очень способная.

Н.З. – Простите, но задаём мы этот вопрос не из праздного любопытства - почему у Константина Сергеевича и вашей сестры не было детей?

Н.Г. – Не знаю. Натела очень долго лечилась... Он очень любил племянниц Нателы, говорил: «Это мои дети». Спросите, почему они уехали? Они удрали от него. Он преследовал их своим контролем – чувствовал очень большую ответственность, контролировал каждый шаг – куда идёте, когда встретить... То, что он делал для моих племянниц, родной отец не сделал. Даже когда они учились в школе, его все там знали, с ним считались.

Н.З. – Вы знали родственников Константина Сергеевича?

Н.Г. – У него были родственники в Москве – двоюродный брат, Олег (Олег Герасимов (1929-1997) – сын Георгия Авдеевича Герасимова, актер, режиссер, педагог, профессор, декан актерского факультета Школы-студии МХАТ, сценарист и режиссер диско-спектакля «Алиса в стране чудес» - В.С.). И двоюродный брат в Сухуми, мы к нему ездили отдыхать. Где они сейчас?

Н.З. – А кто были его друзьями?

Н.Г. – Бендукидзе Отар. Гиви. Васильев, преподаватель физкультуры. Еще один кругленький из университета. Они все пили. Константин любил выпить, это не секрет. На это Натела злилась – всегда компании устраивал у себя. Хотя он так красиво накрывал стол – редкая женщина так делает.

Н.З. – Они с Нателой дружно жили?

Н.Г. – Вначале – да. А в конце отношения разладились.

Н.З. – Виной этому был Константин Сергеевич?

Н.Г. – Нет, не думаю... Он очень часто приходил ко мне, он дружил с моим мужем, тоже Котиком. Я ему в сердцах сказала – вы ссоритесь, она за тобой не смотрит, в каком ты виде, ты не должен так ходить, у вас разлад, ну так брось ее! А он ответил: «Нелли, вы подумали, когда сказали это? Я ее люблю, я не могу без нее жить». Я была удивлена... Потом Натела жила у мамы. Он приходил к ней, приносил подарки, деньги, она не брала, были скандалы... В Духовной семинарии преподает русский язык Нана Геловани. Она была его студенткой и как-то мне рассказала: «Ни одного подобного Константину Сергеевичу лектора, педагога, у нас не было. Это было что-то редкое. Мы слушали его с раскрытыми ртами»...

Н.З. – Ну, мы сами – его ученики.

В.С. – И сами сидели с раскрытыми ртами...

Так завершилось наше первое и последнее посещение дома Нелли Манафовны. А теперь вернёмся к прерванному рассказу Константина Сергеевича.

- Книгособиительство, литературоведческая страсть свели меня с великими библиофилами, подлинными чемпионами – Павлом Берковым – 28 000 книг, Михаилом Алексеевым – 30 000 книг. Нам приходилось соблюдать осторожность, ведь далеко не все попытки приобрести редкую книгу поощрялись всемогущими советскими идеологами. Но, к чести книжной братии, донощиков на нашем «Олимпе» не было.

Здесь надо заметить, что до горбачёвской перестройки информация о редкостных и запрещённых книгах предназначалась лишь для ушей уже упомянутых особо приближённых. Константин Сергеевич тщательно скрывал в те годы от посторонних глаз драгоценные раритеты, хранимые им в подвале при особом температурном режиме. Мало ли на свете лихих людей, да и с КГБ дело иметь не хотелось, ведь профессор Герасимов получал по различным неафишируемым каналам книги запрещённых авторов из-за границы. Он знакомил нас, избранных, с этими изданиями, но одалживать не только запрещённые, но и просто книги, не любил, хотя хозяином был щедрым и гостеприимным. И мы его понимали –

ведь оторвать от себя книгу, пусть даже на время – это значит поколебать устоявшийся, взлелеянный тобою мир.

По до конца непонятым мною причинам скрывал Константин Сергеевич от широкой общественности и свои великолепные стихотворения, лишь в конце жизни издав восхитительный сборник «De profundis» («Из глубины»). Выдающиеся профессора-филологи, учёные с мировой известностью, Сергей Иванович Кормилов и Олег Иванович Федотов трогательно благодарили меня за доставленные в Москву на конференцию, в которой я принимал участие, сборники (чуть ли не последние из сохранившихся у меня) поэзии Константина Сергеевича.

- В возрасте 7 лет я прочитал сонеты Жозе Мария де Эредиа, - продолжает свой рассказ Константин Сергеевич. - Это стало связующим звеном моего знакомства с Игорем Стефановичем Поступальским, переросшего в дружбу, о которой хочу сказать особо. Это был человек, не имевший никаких учёных степеней, но на конференциях к его гостиничному номеру выстраивалась очередь из докторов и академиков, желавших с ним побеседовать или проконсультироваться. Игорь Стефанович, соллагерник Мандельштама, был свидетелем последних дней великого поэта. Поступальским собрана уникальная библиотека, начало которой было положено в разорённой усадьбе Набокова, отца автора «Приглашения на казнь» и «Лолиты». Десятилетним ребёнком Игорь Поступальский выуживал из пруда и со свалки книги, выброшенные пролетариями, и таскал их домой. Поступальский подарил русскому читателю многих французских символистов – под его редакцией выходили книги Эредиа, Леконта де Лиля, Рембо... работу над изданием Верлена прервала смерть... И этот, не побоюсь громкого слова, великий человек, всю жизнь нуждался. У меня слёзы наворачивались на глаза, когда в качестве ответного жеста пригласив меня в московский ресторан, он, расплачиваясь, достал узелок с мелочью и принялся отсчитывать монетки презрительно скривившему губы официанту.

Тёплые воспоминания остались у меня от дружбы со знаменитым тбилисским библиофилом Владимиром Эльснером. В своё время он работал специальным корреспондентом журнала «Аполлон», где публиковались циклы стихотворений Черубины де Габриа, Анны Ахматовой, Николая Гумилёва и других классиков Серебряного века русской поэзии.

Диссертацию я защитил по творчеству Валерия Брюсова. (Разумеется, это был не случайный выбор, ведь творчество Брюсова представляет собой наиболее яркий в истории русской литературы синтез науки и поэзии, что так соответствовало духу творчества самого Константина Сергеевича – В.С.). Судьба свела меня с его вдовой – Иоанной Матвеевной. Она была женщиной своеобразной. Скажем, Маяковского не любила за то, что «он был такой высокий, и когда входил в комнату, мне становилось неудобно за невытертую на шкафах пыль». Не жаловала она и Зинаиду Гиппиус – за брюки и декольте. Я получил доступ к библиотеке Брюсова, величайшей сокровищнице. Особенно впечатлён я был книгами о магии, которые поэт выписывал из Нюрнберга во время работы над романом «Огненный ангел». Диссертацию на тему «Научные интересы В.Я. Брюсова в его поэтическом творчестве» я защищал в 1964 году, в Тбилисском государственном педагогическом

институте им. А.С. Пушкина, под руководством блестящего, легендарного литературоведа, доктора филологических наук Вано Семёновича Шадури.

Горжусь дружбой с сыном Вячеслава Иванова Дмитрием Вячеславовичем, кавалером Ордена Почётного легиона. На днях отослал ему письмо. Он работает над пятым томом собрания сочинений отца, и я надеюсь пополнить свою библиотеку этим изданием.

Я верю, что книгу не заменишь никаким телевизором и видео. Книга бессмертна, а жизнь, отданная книге, прожита не зря.

И – ещё фрагменты, на этот раз из нашего интервью 1990 года, т.е. ещё до эпохи поголовного Интернета.

- Константин Сергеевич, на вчерашней лекции вы сетовали, что студенты стали меньше читать...

- Конечно, телевидение незаменимо как источник информации. Но оно общедоступно. А беря в руки книгу, только подготовленный читатель может стать собеседником Платона, Данте, Пруста... Но не всегда ослабление интереса к чтению – целиком на совести подрастающего поколения. Не представляю, как можно заинтересовать подростка «социалистическим реализмом», тем более что никто толком не может объяснить – что же это такое. И почему есть «социалистический», но нет «капиталистического», «феодального», «рабовладельческого» или «первобытного» реализма? Или взять, хотя бы, понятие «классового гуманизма». Что это означает? Можно убивать детей кулаков, расстреливать царских детей, но нельзя трогать «социально близких»?! Если бы это был просто абсурд!.. А ведь это абсурд воинствующий. Он пропагандирует «положительного» героя, стреляющего в «классового врага». Гуманизм – это человеколюбие, и для нас нет иной системы моральных ценностей, кроме христианской.

- Константин Сергеевич, Вы – один из ведущих брюсоведов страны. Почему вы увлеклись именно творчеством Брюсова?

- Этот человек пытался «объять необъятное». Может быть, он «последний из могикан» в век информационного взрыва, когда универсализм Леонардо или Ломоносова уже недостижим, поскольку мозг не успевает обрабатывать лавинообразно нарастающий поток информации. Вот почему мне близок Брюсов, чей пытливый взор проникал во многие тайны науки. Я тоже не сторонник «узкой» специализации; готовясь к чтению спецкурса по научной фантастике и научно-философской поэзии, серьёзно изучал естественные науки: биологию, астрономию, физику. Думаю, что «узкая» специализация неизбежно ведёт к ограничению мировосприятия в целом.

- Соединение интереса к двум сферам интеллектуального бытия человечества – естественной и гуманитарной – сказалось и на ваших поэтических пристрастиях?

- Да, я давний и верный поклонник сонета. И вот почему. Поэзия XX века стала аморфной, приобретает, к сожалению, расплывчатые строфические очертания. Сонет же – идеальный синтез формы и содержания, пробный камень мастерства.

- Вы не только поклонник, но и пропагандист сонета. Ведь именно по Вашей инициативе состоялось уже два всесоюзных симпозиума в ТГУ, посвящённых теории и истории сонета. Сборник трудов участников первого симпозиума «Гармония противоположностей» вышел в

свет, труды участников второго симпозиума, проведённого в прошлом году, ждут своего часа.

- Мне хочется вспомнить два вечера, проведённых в рамках прошлогоднего симпозиума. Вечер сонетов Шекспира, на котором в числе других был прочитан, как ты помнишь, блестящий доклад профессора Гейдельбергского университета Хорста Меллера. Его версии, связанные с многими загадками гениального цикла сонетов Шекспира, кажутся более чем убедительными, и не только мне.

В Доме-музее Тициана Табидзе, одного из самых ярких грузинских сонетистов, был проведён вечер грузинского сонета... Форма сонета, привившаяся к стволу грузинской поэзии, обрела неповторимое воплощение в творчестве многих видных художников слова, но прежде всего – поэтов из объединения «Голубые роги». При сохранении своеобразия, искони свойственного грузинской поэзии, это движение к сонету я считаю движением от системы изобразительных средств, характерных для восточного искусства художественного слова – к образному миру европейской поэзии.

- Константин Сергеевич, в нашу эпоху стал чрезвычайно актуальным вопрос взаимопроникновения литератур. Пожалуйста, несколько слов о Ваших взглядах на проблему художественного перевода...

- Однажды у меня с великим мэтром филологии Михаилом Леоновичем Гаспаровым состоялся интересный диалог:

- Как вы думаете, удачен ли брюсовский перевод «Энеиды» Вергилия?

- Об этом трудно судить, не владея латынью.

- Да, но если вы владеете латынью, то зачем вам перевод?

- Это из области парадоксов?

- Разумеется. Ведь не могут все люди знать все языки. И поэтому талант переводчика, равный таланту поэта (а такое, хоть и редко, но случалось) – неоценимый подарок национальной литературе. К сожалению, мы всё ещё подчас грешим отношением к переводчику как к проводнику в поезд, следующим из Языка в Язык. А это не так. Переводчик – соавтор. Иногда (крайне редко, правда), перевод даже может превосходить оригинал. Вспомним, хотя бы, песни Беранже в «исполнении» Василия Курочкина. И всё-таки моя исходная точка – поэзия «непереводима, родному языку верна».

- Константин Сергеевич, многое в вашей жизни связано с Йенским, Тюбингенским и Гейдельбергским университетами...

- Да, у нашего университета хорошие контакты с этими научными центрами, с учёными-филологами, работающими в них. Недавно я принял участие в Гейдельбергском симпозиуме, посвящённом творчеству Вячеслава Иванова. Моя работа, прочитанная на симпозиуме, будет опубликована на немецком языке.

- И последний вопрос. Имидж современного учёного – каким он должен быть? Согласны Вы с тезисом, что быть слишком серьёзным – несерьёзно?

- Учёный должен быть академичным. Однако хранить достоинство – не значит заносчиво сжимать губы и не отвечать на приветствия. Наоборот, открыто идти навстречу людской любознательности – наш долг. И приобщать к прекрасному, бездонному в своей глубине миру литературы – тоже.

Неповторимый, аристократический юмор профессора Герасимова был в университетских кругах притчей во языцех.

Однажды студенты задали ему провокационный вопрос - в чём величие романа Чернышевского "Что делать?"

Что делать - надо отвечать. Сказать правду, что роман бездарный, так ведь стукачи в аудитории сидят и ждут, и мы знали - кто именно. А Чернышевский - из стада "священных коров" советской идеологии. Его трогать низ-зя, сослуж. И Константин Сергеевич нашёл достойный выход.

- Владимир Ильич Ленин считал этот роман выдающимся явлением литературы, - многозначительно заявил профессор, - а вот Надежда Константиновна Крупская придерживалась противоположной точки зрения. Я же не охотник вмешиваться в споры между мужем и женой.

Константин Сергеевич не любил советских властей. С неподражаемым юмором рассказывал он, как на чехословацкой границе хмурый красноармеец так долго вглядывался в фотографию жизнерадостной девушки-туристки, что та сначала встревожилась, а потом с перепугу разревелась. Потекла косметика, исказились черты лица... После чего доблестный воин заявил, чеканя слог: «Э-то-не-вы». На помощь пришла вся сердобольная «группа выезжающих за рубеж», и несчастную девицу после долгих уговоров и вмешательства начальства перетащили-таки «по ту сторону». Где «наших» встретил краснощёкий бодрячок-«швейк», шлёпнул печать, козырнул и пожелал счастливого пути.

«А ещё мне рассказывал ленинградский коллега, как они задержались на границе Мексики и США. Чего уж греха таить, не любили американцы впускать к себе мексиканцев, хотя границы формально были открыты. Проблемы создавались с ними – то драки, то наркотики. И вот со стороны Мексики подъехал «Форд» с двумя парнями и двумя девицами. Пограничники спрашивают документы. Документов ни у кого нет. Но они уверяют, что являются гражданами США. И тогда старший офицер произнёс фразу, повергшую моего коллегу в состояние столбняка: «Дайте честное слово, что вы не мексиканцы». Те побожились, и шлагбаум приказано было поднять», - и тут Константин Сергеевич выдержал многозначительную паузу.

И ещё один подлинный случай описал я в юмористической миниатюре для тбилисской газеты «Головинский проспект».

НУ НЕТ В НАШИХ БИБЛИОТЕКАХ БЕЛКИНА!

Однажды на экзамене "гусынеподобная" лимитчица (из нацменьшинств, поступавших в главный храм грузинской науки с любыми положительными баллами, в то время как представители титульного населения, так же, как русские, армяне, евреи должны были получить не менее двух пятёрок и двух четвёрок), по досадному недоразумению Небесной канцелярии оказавшаяся в рядах студентов-филологов, заявила Константину Сергеевичу, что честно искала во всех библиотеках повести Белкина, но найти не смогла.

- Это же Пушкин, - застонал профессор.

- Я всю ночь сегодня провела с Пушкиным на руках,- гордо парировала юный литератор,- а вот Белкина нигде не нашла.

Но главная "соль" впереди. Распираемый желанием излить душу по поводу столь чудовищного для филолога невежества, Константин Сергеевич встречает в коридоре коллегу, узко специализировавшегося на "передовой, идейно выдержанной современной литературе", и рассказывает свежие новости.

Учёные вдоволь посмеялись, и, сквозь густой хохот, коллега вдруг огорошил профессора Герасимова фразой: "Представляешь, до чего дожили наши библиотеки, даже Белкина в них не найдёшь!"

В последние годы земного бытия профессора Герасимова в доме его обитало семеро котов. Все – беспородные, бродячие, подобранные. Собак Константин Сергеевич тоже любил, но не стал заводить, после того как усыпили его больного пуделя. Он так и не простил этого деяния знакомому ветеринару, пописывавшему стихи, и больше не пустил его на порог своего дома, потому что считал, что пуделя можно было спасти.

Он был высокого мнения о разуме высокоорганизованных животных. Он не отказывал им даже в чувстве юмора, которое считается свойственным лишь человеку.

- Животным недоступно лишь понятие многозначности слова, грани смысловых значений, - как-то заметил он. – Невозможно объяснить никому, кроме человека с развитым сознанием, что селёдка – это не только рыба, но и прекрасная закуска к водочке.

Константина Сергеевича по праву можно назвать «Рыцарем сонета», этой сложнейшей четырнадцатистрочной формы стиха, обладающей жанрообразующими признаками. Работы Константина Сергеевича по диалектике канонов сонета, по параллелям между архитектурой сонета и готической архитектурой, по теории Венка сонетов – 15-ти сонетов, каждый из которых начинается с последней строки предыдущего, а последний, магистрал, составляется из первых и последних строк 14-ти предыдущих, были признаны классическими ещё при жизни профессора Герасимова как в Грузии, так и в России, и в Германии.

Верный своему, не будет преувеличением сказать, схимническому служению сонету, Константин Сергеевич, как уже говорилось, организовал две международные конференции по сонету в ТГУ, и это были не просто симпозиумы, а воистину программные, фундаментальные научные форумы, отблеск которых и по сей день не потускнел в мире высшей филологии. А то, что мне, 25-летнему «юниору» Константин Сергеевич доверил выступить в 1989 г. перед такими мэтрами как З. Плавский, А. Горфункель, и многие другие, да ещё и с таким докладом, как «Авторские переводы сонетов Шекспира», останется подарком на всю оставшуюся жизнь. Как и реплика З. Плавскина: «Не надо, не надо других... у нас есть свой переводчик...».

О, эта боготворимая Константином Сергеевичем соразмерность формы и содержания, плавность линий и гармонических звуко сочетаний, линейности сонета! Однажды, вдохновлённый очередной тирадой хозяина дома на эту тему, профессор Безъязычный, гостивший в Тбилиси с другим учёным, профессором Штанько, внёс памятное предложение:

- Коллега, не кажется ли Вам, что моя фамилия несколько длинна, а Ваша – слегка коротковата... После всего услышанного от Константина Сергеевича, предлагаю упорядочить ситуацию – я буду профессором Язычным, а вы – профессором Безштанько...

Несколько лет, вплоть до вхождения в необратимую стадию подкосившей его болезни крови, профессор Герасимов руководил созданным им же Пушкинским обществом, объединявшим филологов и писателей всех возрастов. Выбор автором этих строк диссертационной темы по сонетам К. Бальмонта, также был вдохновлён Константином Сергеевичем, оставившим много преданных и блестяще проявивших себя на филологическом поприще учеников – как в Грузии, так и за её пределами.

Унаследовавшая руководство Пушкинским обществом, ныне живущая и работающая в Германии Мария Кшондзер любезно прислала нам воспоминания о тех, во многих смыслах «последних временах».

Мария КШОНДЗЕР,
доктор филологических наук,
руководитель литературного общества «Арион»
(Германия, Любек)

«ПОЭЗИЯ, ЕДИНСТВЕННОЕ ЧУДО...»

Памяти К.С. Герасимова

Человеческая память избирательна. Когда пытаешься перелистать страницы ушедшей юности, вспоминаются отдельные моменты, как в калейдоскопе, проносятся лица, события, встречи, обрывки разговоров, запечатлевших что-то очень важное, незабываемое. Для меня воспоминания детства и юности неразрывно связаны с книгой, с библиотекой, с волшебством прикосновения к удивительному миру литературы и поэзии.

Мой отец, Карл Эмильевич Кшондзер, был известным в городе Тбилиси словесником и библиофилом, поэтому главной ценностью в нашем доме всегда были книги и духовность в широком смысле этого слова. К нам в гости часто заходил другой библиофил, тончайший знаток и ценитель книги и поэзии – Константин Сергеевич Герасимов, Котик, как называли его близкие знакомые.

Мне, еще девочке, были не совсем понятны их взрослые серьезные разговоры, но уже тогда я чувствовала, что К.С. Герасимов - человек незаурядный, живущий своей особенной жизнью, не всегда совпадавшей с реальностью. В университетские годы я была студенткой Константина Сергеевича, он читал у нас курс научной поэзии, но тогда мы не сблизились, и еще долгое время мое отношение к мэтру было уважительным, но отстраненным.

Наша новая встреча произошла в 1993 году, когда меня пригласили на заседание Пушкинского общества, которое возглавлял К.С. Герасимов. Время было очень тяжелое,

бытовые трудности совпали с моим личным горем (внезапной смертью отца), поэтому особого желания идти у меня не было. Но посетив одно из собраний, я почувствовала такую теплую, искреннюю и доброжелательную атмосферу, что не прийти снова уже не смогла. Безусловно, центром притяжения, фигурой, к которой тянулись и от которой заражались любовью к слову, к поэзии, к искусству, был Константин Сергеевич Герасимов. Внешне сдержанный и даже в чем-то чопорный, человек как бы из другой эпохи, он был очень чутким и доброжелательным критиком, старался подбодрить начинающих поэтов, говорил слова одобрения и поддержки.

Кто пережил это время, знает, что голод и холод не очень способствуют творчеству и интеллектуальным беседам. Однако в нашем случае произошел такой парадокс: именно встречи в Пушкинском обществе, в Доме-музее Смирновой-Россет, где все дышало Пушкиным и поэзией, мы отходили душой, отогревались в прямом и переносном смысле, на время забывая о бедах, невзгодах, лишениях и трагедиях.

Константин Сергеевич преподавал нам урок глубокой духовности и жертвенного служения Музам, которые для него никогда не молчали. Эрудиции и глубине его познаний можно было только удивляться. В нем сочетались строгость ученого и эмоциональность поэта, аристократизм духа и тонкий юмор, помогающий выживать в любой ситуации. Он был уже болен, но старался не показывать своего состояния, не любил, когда спрашивали о его здоровье, а воодушевлялся только тогда, когда речь заходила о его любимом сонете и о поэтах, воплощавших в его понимании всю суть и мощь русской поэзии, - Вячеславе Иванове и Максимилиане Волошине.

Мы вели эмоциональные дискуссии о поэзии, о том, какой она должна быть – «глуповатой» или книжной, усложненной. Каждый оставался при своем мнении, но эти споры если не рождали истину, то будили ум и воображение.

Болезнь и смерть, к сожалению, выбирают лучших. Когда Константин Сергеевич немного приболел, мы все думали, что это легкое недомогание, которое скоро пройдет, и мы опять будем слушать вдохновенные рассказы о редчайших книгах из его библиотеки, о прошлых веках, когда рыцари посвящали дамам прекрасные сонеты и дрались из-за них на дуэли. Но в реальности все получилось значительно трагичнее: холод, безденежье, мрак в квартире и в душе, безысходность и чувство своей ненужности, которое он скрывал от всех, но которое очень остро ощущал, – все это привело к смертельной болезни, от которой не было спасения. Провожая Константина Сергеевича в последний путь, мы ясно осознавали, что ушел один из последних идеалистов, превыше всего ценивший чудо поэзии.

К сожалению, мало кто при жизни Константина Сергеевича знал о тайной и сокровенной его ипостаси - поэтической. Ведь профессор Герасимов был не только эрудитом, энциклопедистом, библиофилом и ученым, он был поэтом. Его поэзия элитарна, сложна и требует от читателя определенной подготовки, возможно, поэтому автор не торопился с публикациями, но когда книга его стихов все-таки вышла в свет в 1992 году, он был несказанно рад.

Волею судьбы и случая я возглавила Пушкинское общество после кончины Константина Сергеевича, правда, оно стало называться «Арион» и поменяло свое местоположение, но дух творчества и преклонения перед истинными ценностями мы

постарались сохранить. В 1997 году, по моей инициативе, был подготовлен и проведен вечер памяти К.С. Герасимова в тбилисском Грибоедовском театре. Вечер получился теплым, искренним, насыщенным высокой духовностью. Все выступающие (среди них были коллеги по университету, студенты, ученики и друзья) старались воссоздать живой образ человека - страдавшего, любившего, творившего и оставившего после себя только добрую и уважительную память. На вечере присутствовала супруга Константина Сергеевича, Натела Манафовна, с которой мы беседовали по его окончании. Она была очень взволнована и благодарна, а через несколько дней после вечера ее зверски убили нанятые нелюди. (По всей вероятности, причиной послужила неговорчивость Нателы Манафовой по квартирному вопросу, свидетельством чего является письмо Н. Герасимовой на имя Г. Лордкипанидзе, сохранившееся в архиве и полностью характеризующее ситуацию, связанную с домом, где жил К.С. Герасимов. Но однозначно ничего доказать нельзя – дело давно сдано в архив. На языке профессиональных следователей это называется «глухарь». Или «висяк», неважно. В.С.).

Так судьба и рок совершили драматический виток в жизни мэтра. Его уникальная библиотека рассеяна, дома, в котором он жил, уже нет (по трагическому совпадению, это был тупик Джавахишвили, неоднократно иронически упоминавшийся в стихах Герасимова), а на проспекте Руставели, по которому мы всегда любили гулять и облик которого составляли такие интеллигенты, как К.С. Герасимов, уже никогда не встретишь этого колоритного джентльмена, всегда приподнимавшего шляпу при виде идущей навстречу женщины.

К счастью, в мой последний приезд в Грузию в сентябре 2013 года (я уже 12 лет живу и работаю в Германии, а приезжала в Тбилиси как участник Международного симпозиума по проблемам эмиграции, проводимого Институтом грузинской литературы им. Шота Руставели), я получила неожиданный подарок: мой давний друг, поэт Владимир Саришвили, преподнес мне прекрасно изданную книгу «Возвращение», в которой наконец-то собрано творческое и научное наследие К.С. Герасимова и воспоминания о нем близких ему людей.

К.С. Герасимов очень любил Тбилиси, он всегда показывал гостям свой древний и вечно молодой город, в котором тбилисцы, независимо от национальности и места теперешнего проживания, безошибочно узнают друг друга: мы все «одной крови». К.С. Герасимов был истинным тбилисцем, истинным рыцарем поэзии и воплощением подлинного интеллигента. Его творческое наследие ждет своих исследователей, «рукописи не горят», а поэтическое обращение к потомкам, я уверена, найдет отклик в душах следующих поколений, несмотря ни на что:

Рожденный на Земле не виноват,
 Что обречен идти путями праха.
 Неотвратимо все: единым взмахом
 Круженья звезд не повернуть назад.
 И беспощаден суд имен и дат:
 У каждого пожизненная плаха...

К тебе так долго шел издалека,

Из края, где ни святости, ни блуда,
О чем прошепчет каждая строка
Поэзии, единственного чуда.

К. Герасимов, 1987.

ЖЕМЧУЖИНКА ЭПИСТОЛЯРНОГО ИСКУССТВА

Доктор филологических наук Марина Джикия, автор многих резонансных литературно-музыкальных спектаклей, также с готовностью откликнулась на нашу просьбу внести свою лепту в хранилище воспоминаний о Константине Сергеевиче.

Марина Джикия приняла нас в своём старинном доме, полном реликвий, о котором сказано было, что «всё здесь будто бы поставлено великим режиссёром».

«Когда скончался великий литературовед, великий эстет и исследователь, поэт и знаток искусства и культуры Константин Сергеевич Герасимов, дочь любимого им Тициана Табидзе, Нита, написала такое письмо его вдове Нателе Герасимовой:

«Дорогая Натела!

Известие о кончине нашего дорогого Константина, тонкого знатока поэзии Тициана Табидзе, глубоко потрясло меня.

Искренне выражаю Вам соболезнования.

Для нас незабываемы его литературные исследования, сонеты, ораторский талант, понимание прекрасного и зачарованность поэзией.

Мне хотелось бы, чтобы все литераторы относились к поэзии с той священной жертвенностью, с какою относился Константин Герасимов.

Двери музея Тициана Табидзе всегда открыты для Вас и Ваших близких.

С любовью, Нита Табидзе.

05.08 1996, Тбилиси.

Постскрипtum. Григол Робакидзе и цисперканцелеби оплакивают кончину покровителя сонета Константина Герасимова: «И придёт на могилу певец сонета // Придёт и возрыдает горестно // Когда ветер всколыхнёт ветку ивы. Тициан Табидзе».

- Григол Робакидзе и Ованес Туманян были крёстными Ниты, - пояснила этот постскрипtum моя собеседница и добавила: - Высокий эстетизм, любящая душа Ниты Табидзе сполна проявились в этой жемчужинке эпистолярного искусства».

В последний путь Константина Сергеевича я проводил сонетом, посвящённым памяти своего любимого наставника и старшего друга – так он сам просил себя называть...

Этот сонет был опубликован в печальные дни прощания с поэтом и учёным Константином Герасимовым:

СОНЕТ ПАМЯТИ К.С. ГЕРАСИМОВА

Аристократ ямбических кровей,
Князь дактиля, анапеста владетель,
Печальный продолжатель и радетель
Династии сонетных королей.

Повержен амфибрахий и хорей,
Их победитель – их же благодетель.
А ветер пусть срывает двери с петель -
Мэтр недоступен буйству декабрей.

Нет, здесь не башня из слоновой кости –
Сюда идут поклонники и гости,
Плывут друзья из-за семи морей.

Здесь места нет невеждам и тупицам.
Здесь – царство книг. И вечным датским принцем
Остался он в империи своей.

ЗАПИСКИ БИБЛИОФИЛА

Уже после кончины Константина Сергеевича Герасимова, в самолёте по дороге в Москву, я одолжил у попутчика книжку, где в глаза мне бросился юмористический рассказ о двух немолодых мужчинах, чуть не подравшихся в советской очереди за очередным дефицитом. Один из них заорал: «Не жми на портфель, там у меня «Требник» Шталя!

- Что? «Домашний и церковный требник Шталя»? Издание Рейснера? Первая книга на эстонском языке?! 1637 год?!

- Да-а!

- Господи! А у меня тут... тоже не память бы... руководство Прейслера.

- Что?! У вас есть «Основательные правила, или краткое руководство к рисовальному искусству» Прейслера?! Издание 1734 года?

- Да-а!

- Кто крайний? – раздался сзади зычный голос.

- Господи, какая ерунда... Какая разница. Наконец-то нашёлся человек, который не несёт чепухи, а говорит о деле действительно важном. Скажите, у вас нет никаких ниточек, ведущих к «Описанию Камчатки» Крашенинникова 1755 года? ...

Я цитирую по памяти, не упомяну и имени автора этого чудного опуса под «рубрикой» «юмор для избранных». Но убеждён – одним из его персонажей мог бы стать Константин Сергеевич.

«Говорят, после смерти у человека кончается биография и начинается судьба. В Париже, в госпитале, умер Булат Окуджава. От гриппозной инфекции, - гласило медицинское заключение. От одиночества, - сказала его жена Ольга».

- Костя умер от горя. Не мог смириться с тем, что закрыты пути на конференции, что незачем, да и не на что, принимать коллег и друзей в Грузии, - сказал на поминках старшего друга Нодар Леванович Поракишвили, заместитель декана, бывший нам, тогдашним студентам-филологам, по его собственному признанию, «папой, мамой и пожарной командой».

А ведь в своё время Булат Шалвович и Константин Сергеевич слушали в ТГУ одни курсы лекций и даже сидели за одной партой. В частности, курс древнерусского языка славившейся смолоду отсутствием всякого милосердия к студентам преподавательницы Элеоноры Львовны Кремер.

Понимая безнадёжность попыток изучить в удовлетворительной для Кремер степени все хитросплетения палатализаций и плюсквамперфектов, юный Булат прошептал на ухо товарищу: «Я чувствую, как у меня из кармана вытаскивают стипендию». «Ваша стипендия находится в ваших руках», - с плотоядной улыбкой ответила Элеонора Львовна, отвлёкшись на мгновение от испещрённой парадигмами доски.

Личная жизнь Константина Сергеевича была окутана глубокой тайной. О ней в записках упоминается лишь в гомеопатических дозах, вскользь обозначенными фактами биографии... Сколько в них огромных белых пятен, и кто теперь их заполнит?

Вот всё, что удалось «выловить» в процессе работы//расшифровки более чем 1000 аккуратно пронумерованных заметок в записных книжках:

«Май 1952 – 1957 брак и раб(ота) в школе

1957 - фев(раль) 1961 ГПИ Расцвет

фев(раль) 1961 – раб(ота) ГПИ – диссер(тация) – унив(ерситет)

План к 67 (году В.С.) – 1000 (стихотворений - В.С.)».

«Моё «я» стало формироваться, вероятно, в последние годы школы. Самые значительные годы – 42-45. Это и самые тяжёлые. Тогда был осуществлён уход в себя от окружающего мрака. Когда мрак постепенно рассеялся, вернуться в себя не было уже возможно. Что если бы жизнь моя шла гладко? Было бы достигнуто такое углубление? Так постигнуто окружающее?».

«Стих(отворение). Колумба вдохновила на открытие Америки библиотека, оставленная ему отцом. И я открыл свой Новый Свет. «Перед книгами» «Книгам».

«Всё написанное до 1 сентября 47 г. – шаг первый (300 ст(ихотворений) и проза). Шаг второй – до окончания университета».

«Мадам Бовари – это Я (Флобер). Она – это я. А себя не люблю».

В своём труде «Книга» Малларме» французский исследователь Жак Шерер отмечает: «В обобщающей «Книге», которую собирался написать, но так никогда и не написал Малларме, предлагались новые способы чтения. Читатель должен был отказаться от прямонаправленного, линейного чтения в пользу «нового способа чтения - одновременного». Начинать читать можно было с начала, но также и с конца. А страницы могли меняться местами в соответствии со сложной системой, так что всё время возникали новые комбинации и сочетания смыслов. Таким образом, в «Книге» не было ни начала, ни конца, никакого заданного устойчивого смысла, а только смысл, находящийся в непрерывном движении, как «подвижные кольца змеи». См. Jacques Scherer. «Le „Livre“ de Mallarmé», 1957 (Жак Шерер. «Книга“ Малларме»).

Да, «Записные книжки» К.С. Герасимова можно читать и по «методу Малларме». Я бы даже рекомендовал именно такой – не последовательный способ проникновения в замечательный богатством своим внутренний мир Константина Герасимова.

Отдельно хотелось бы сказать о цитатах из Библии и неканонических христианских текстов, интерес к которым прослеживается с молодых лет автора «Books». Увеличение их частотности в блокнотах позднего периода творческой деятельности профессора Герасимова связано, безусловно, с новой духовной эпохой в жизни Константина Герасимова – его встречей с Католиком-Патриархом всея Грузии, архиепископом Мцхета-Тбилиским, митрополитом Бичвинским и Сухумо-Абхазским Илией II, пригласившим профессора преподавать русскую литературу и историю книги в Духовную академию и семинарию. С этим периодом времени связано появление в его библиотеке переплетённой ксерокопии конспекта лекций «Введение в святоотеческое богословие», прочитанных в Свято-Владимирской Духовной академии (Нью-Йорк) протоиереем Иоанном Майендорфом. Это издание было подарено мне вдовой Константина Сергеевича, Нателой Герасимовой (Гусейновой). Издание и сейчас хранится у меня – один из немногих обломков, уцелевших после гибели Великого книжного Храма.

Встречаются в заметках и такие цитаты: «Жизнь есть не более чем самореализация потенциальных возможностей электронных состояний атомов. Д. Бернал. Возникновение жизни».

Или такой вот критический взгляд на Святое Писание, в частности, интерпретация проклятия смоковницы Спасителем (Мрк, XI. 13-21), где ясно просматривается допущение взаимозаменяемости символики Откровения с литературными олицетворениями: «Стих(отворение) Смоковница От 1 лица. Я стою, нет плодов, не даю. Смотрела на другие деревья со стыдом, страд(анием) и завистью. Старалась плодоносить – тщетно. Цветы опадали без завязи. Обездолена, мука. И вот Он с учениками – мой брат, сын Божий Иисус и его слова – срубить её. Вот так милосердие!»

И в этой связи вспоминается, что в начальную пору нашего знакомства, давно разменявший пятый десяток, Константин Сергеевич не мог до конца определиться в вопросах веры/неверия. Однажды он сказал мне: «Я – неверующий, верующий в христианскую культуру». Но последовавшее знакомство с Патриархом Илией II и беседы с архимандритом Рафаилом (Карелиным) помогли ему на закате жизни твёрдо встать на путь веры, осознать, что светская культура отличается от церковной преходящей природой страстей, и что вера в культуру не может быть уподоблена подлинному Символу веры.

«Uno solo» – так называли мы эту преамбулу. По сути, это безэквивалентное латинское изречение. Оно может означать «только один», «сам». В этом изречении – всё, чем был Константин Сергеевич на своём жизненном пути, несмотря на свою популярность в научных и студенческих кругах, несмотря на его гостеприимство и общительность. Его «самость», как самость любимого им сонета, навсегда осталась и ушла с ним.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

СЛОВО О МАСТЕРЕ СЛОВА

Что не кончается, если кончена жизнь? «Что остается от сказки потом, после того, как ее рассказали?».

Константин Сергеевич Герасимов, ученый и поэт, библиофил и педагог, эрудит-энциклопедист, оставил нам свое Слово. Мы постарались сделать все, от нас зависящее, чтобы его звучание продлилось.

Почти 18 лет нет с нами Константина Сергеевича. В скорбные минуты воспоминаний казалось, что он ушел навсегда. Но нет... Его верный друг и коллега профессор Нодар Леванович Поракишвили написал книгу «О Мастере...». Его же стараниями был выпущен четвертый том «Грузинской русистики», посвященный памяти К.С. Герасимова. Проходят вечера памяти ученого и поэта, ставятся литературно-музыкальные композиции по его произведениям, пишутся песни на его стихотворения...

Три года назад, при поддержке Фонда «Русский мир», в Тбилиси вышли в свет книги «Возвращение» и «Из глубины». В сборник «Возвращение» вошли большей частью ранее не публиковавшиеся материалы из архива К.С. Герасимова. Стихотворный сборник «Из глубины», изданный в 2011 году, является репринтным изданием книги, вышедшей в 1992 году, составленной и прокомментированной самим автором. Обе книги были презентованы в Пушкинской гостиной Московского государственного университета им. Ломоносова.

Книга «Посвящение», которую вы держите в руках, издана в год 90-летия со дня рождения нашего учителя.

По мере сил мы стараемся вернуть долг памяти Константину Герасимову в благодарность за те сокровища души и разума, которыми он делился с нами ежедневно, вплоть до своей кончины...

Константин Сергеевич не просто запомнился мне на всю жизнь, но и стал, как я теперь убеждаюсь, неотъемлемой частью моей жизни. Образ его - цельный, «из одного куска». Он был разным, но никогда – противоречивым, непредсказуемым, но никогда – непонятым. При всей своей приветливости, доброжелательности, готовности к общению, он был одним из самых закрытых людей, которых мне доводилось встречать. Нам, его студентам, оставалось только гадать, что таится за его иронической улыбкой. Нам не были известны подробности его судьбы. Не в пример другим, он почти не рассказывал о своей жизни, не приводил примеры из личного опыта. Такого не было почти никогда. Разве что изредка, в недолгие минуты особо доверительных бесед.

В архиве хранится анкета, заполненная Герасимовым в 1992 году, когда предполагалась его командировка в Швейцарию, на научный симпозиум в Женевском университете. Привожу ее почти полностью:

«Родился 26 июля 1924 г. в Тбилиси.

В 1952 г. окончил ТГУ.

Свободно владею немецким языком.

Беспартийный.

В каких странах бывал: ЧССР, ПНР, НРБ, ГДР, ФРГ.

Трудовая деятельность: 1947-1952 - студент филфака ТГУ; 1952-1961 - преподаватель русского языка и литературы тбилисской 6-й средней школы; 1959-1962 - аспирант заочной аспирантуры по специальности «Русская литература» при Тбилисском гос. педагогическом институте им. А.С. Пушкина; 1961-1982 - преподаватель, доцент кафедры русского языка Грузинского политехнического института им. В.И. Ленина; с 1979 - доцент кафедры истории русской литературы ТГУ им. Ив. Джавахишвили.

Ближайшие родственники: жена - Герасимова (Гусейнова) Софья Манафовна, 1928 г. рожд., старший преподаватель Тбилисского гос. театрального института имени Ш. Руставели; отец - Герасимов Сергей Авдеевич, 1901 г. рожд., инженер Госплана ГССР, скончался в 1937 г., похоронен в г. Тбилиси; мать - Герасимова (Письменная) Лидия Васильевна, 1903 г. рожд., домохозяйка, скончалась в 1950 г. в г. Москве, похоронена в г. Москве».

Нескольким поколениям студентов филфака ТГУ, и моему, в том числе, повезло - мы застали «золотой век». Мы слушали Вану Шадури и Соломона Хуцишвили, Александра Алексидзе и Георгия Гиголова, Дмитрия Чантуришвили и Вахтанга Чедия, Игоря Богомоллова и Лину Хихадзе... И все же, да простят мне светлой памяти и ныне здравствующие учителя, Константин Сергеевич Герасимов всегда был особой статьей. В нем были магнетизм и обаяние, от него исходил необъяснимый, ясный свет таланта и избранности. «Мало избранных...» Может быть, именно так «светятся» замечательные поэты?

Невозможно на нескольких книжных страницах рассказать о том, какого масштаба был этот ученый, до какого совершенства он доводил филологическое размышление, выстраивая его по всем законам готической архитектуры и наполняя высоким философским смыслом. Какой это был поэт, преданный последователь традиций Серебряного века, привнесший, тем не менее, в их изыск современную метафорическую иронию и звукопись конца XX века. Какой это был знаток и ценитель книги, ее истории. Его библиотека была прекрасна, во многом уникальна. Ей, насчитывающей более 8 000 единиц, была посвящена статья во всесоюзной газете «Книжное обозрение», зафиксировавшая ее ценность...

Его отношение к книге было бережным, восторженным, но это было отношение очень искушенного человека, знатока, издавшего виды. Если он чем-то восхищался, значит, это было по-настоящему достойно восхищения. Он любил делиться радостью прикосновения к книге и часто, как говорится, давал поддержать какую-нибудь уникальную книгу. Это было похоже на таинство, и у многих студентов оставило в памяти ощущение причащения.

(Между прочим, в архиве Герасимова сохранился следующий документ:

«5 июля 1979 г.

Настоящим удостоверяется, что личная библиотека доцента кафедры истории русской литературы ТГУ Герасимова К.С., насчитывающая 8 000 томов, содержит редкие и уникальные рукописи и издания и представляет значительную научную и культурную ценность.

Справка дана для предоставления в Исполком Советов депутатов трудящихся района им. Орджоникидзе г. Тбилиси.

Зав. кафедрой истории русской литературы ТГУ, профессор В.С. Шадури.

Директор научной библиотеки ТГУ Ш.А. Апакидзе»).

При всем демократизме, при всей доступности Константина Сергеевича, в нем всегда было что-то не то чтобы высокомерное, но недостижимое, даже элитарное. Масштаб личности легко сочетался в нем с сиюминутностью бытия и быта — он ценил книгу и в то же время уважал своих котов, наслаждался звучанием молитвы и терпеливо выслушивал плохие стихи студентов, задумывался над соборной архитектурой сонета и посмеивался над филологическими глупостями...

На своих лекциях Герасимов лишь приоткрывал перед студентами дверь в великий мир филологии, побуждая молодежь распахнуть ее самостоятельно, в процессе собственных научных раздумий. К студентам он относился и серьезно, и иронично, и внимательно, и невнимательно. Это уже зависело от того, каков студент. Но если он распознавал способности и видел стремления, его отношение немедленно становилось коллегиальным, студент приглашался в дом и действительно начинал себя ощущать учеником, почти избранником. И Константин Сергеевич не жалел времени на общение, которое само по себе было большой школой большой филологии. Беседы с ним были именно беседами, и никогда — монологами или нотациями. В них он высказывался сам и еще более давал высказаться собеседнику. В этих разговорах, кстати, он зачастую читал любимые стихи, при этом очень ценил не только смысл, но и звук, поэтому мог прочитать строки на немецком или на латыни, приглашая вслушаться в звучание стихотворения, распознать и оценить его мелодику. Удивлялся, как можно даже предположить возможность перевода Евангелия с церковнославянского на современный русский язык.

Не могу вспомнить, чтобы он, обладатель безупречного вкуса, оспаривал чьи-то вкусы или взгляды, если они не совпадали с его собственными. Более того, это не влияло на его взаимоотношения с людьми, на его симпатии и антипатии, поскольку, как я теперь хорошо понимаю, он ценил людей не за их вкусовые пристрастия, а за способность мыслить и за порядочность. И порядочность, честь, безусловно, были для него более важными человеческими качествами, чем даже талант. Поэтому в близких (по-настоящему близких) друзьях Герасимова вы могли увидеть скверного филолога, но никогда (или почти никогда) не увидели бы скверного человека. Константин Сергеевич и его друг могли бы по-разному ответить на вопрос — «что вам нравится, что нет?», но обязательно одинаково ответили бы на то, «что такое хорошо, что такое плохо?». Но, справедливости ради надо сказать, что великим знатоком психологии наш учитель не был и несколько раз фатально ошибался в людях...

Ему, по-моему, не свойственно было чистоплюйство или брезгливость (хотя и не без этого), но в нем чувствовалось очень избирательное отношение к миру, к людям, которое,

кстати, не всегда проявлялось. Иной человек мог и не догадываться о том, что к нему относятся без симпатии. Просто Герасимов считал, что его отношение к человеку — это его, Герасимова, личное дело, и не стоит свое мнение о человеке ему навязывать.

К несчастью, К. Герасимову - энтузиасту и подвижнику, человеку с безупречной репутацией и славным именем - пришлось испытать и минуты оскорбительного унижения. Трудно забыть тяжелый день, когда Герасимов вместе со своими коллегами, учениками и единомышленниками пришел на очередную встречу в Пушкинском обществе Грузии, организованном благодаря его вдохновенной инициативе, и его встретили наглухо запертые двери «Кавказского дома». Не пустили. Ошеломленному Константину Сергеевичу стало плохо. Домой на такси его отвез один из учеников...

Впрочем, Герасимов учил нас дистанцироваться от неприемлемого. Не скандалить, а уходить. Не ссориться, а не общаться. Не выяснять дурных отношений, а прерывать дурные отношения.

Большой подвижник в деле науки и образования — это именно он. Бессребреничество было в его натуре. Его усилиями были организованы и проведены две международные научные конференции по сонету (сборник материалов одной из них, «Гармония противоположностей», по сей день - один из образцов филологической мысли). И в то же самое время он создал воскресную школу, куда мог прийти любой школьник и послушать лекции по истории литературы, религии, культуры. Он возродил студенческий научный кружок на филологическом факультете, а заметив, что студенты, работающие в кружке, увлечены не только научным, но и литературным творчеством, организовал студию, которая получила название «Обитаемый остров» и собрала замечательную компанию талантливо пишущих молодых людей.

Он был не смешлив, а очень насмешлив, и готовность к иронии была в нем постоянной. Признавая масштаб свершений, он не мог избавиться от иронического отношения, например, к персоне Параджанова, который был его однокашником. Над плохими учеными откровенно потешался и даже собирал коллекцию филологических ляпов. Рискованно было подставиться под стрелу его иронии, а то и сарказма. Мне, например, пришлось испытать на себе и такое. Как-то Константин Сергеевич задумал провести вечер сонета. Он хотел, чтобы прекрасные стихотворные строки прозвучали в ярком исполнении студенток, прекрасных не только душой, но и лицом. «Нина, - обратился он ко мне, тогда уже аспирантке и молодому лектору, - есть у тебя на примете студентки и талантливые, и такие, чтобы глаз радовался, глядя на них?». Я с огорчением спросила: «Константин Сергеевич, а как же я?» Он расхохотался, извлек из портфеля свой блокнот и в утешение мне сказал: «Посмотри, как ты у меня обозначена в записной книжке - инициалами Н.З. А это означает - неприкосновенный запас». Ох, и долго же он припоминал мне это «а я?»... А вечер сонета состоялся, с огромным успехом прошел в Доме офицеров, и автор этих строк получила право выбрать для прочтения любой сонет. Я выбрала 66-й сонет Шекспира и выпросила у учителя разрешение прочесть его в переводе Пастернака. Герасимову больше нравился перевод Маршака, но настаивать на своих пристрастиях он, как всегда, не стал.

Вообще его забавляло личное, персональное и собственническое отношение к любимым поэтам. Он-то более всего наслаждался именно поэтическим текстом и раздумывал

в большей степени именно над ним, нежели над судьбами и характерами поэтов. Хотя и в этом его почти невозможно было чем-то удивить - казалось, он знал все. А вот поэзией вне и после Серебряного века интересовался в меньшей степени. Настороженно относился к Бродскому, например. Но и его отношение к поэтам было персональным. Как-то, не удержавшись, я все-таки задала ему самый невозможный для поэта и филолога вопрос: «Кого из поэтов вы любите больше всего?». Как ни странно, у Герасимова был ответ: «В последние годы мне ближе всех Вячеслав Иванов...».

А в начале 90-х все пошло наперекосяк. На глазах рушился привычный уклад филфака - нашего дома, где мы учились, воспитывались, росли. Один за другим уходили из жизни учителя... Именно в это ужасное, трагическое время он издает сборник своих стихов «Из глубины». Сейчас это абсолютный раритет. И многое, что вы хотели бы узнать о Константине Герасимове, вы можете узнать из этой книги – откровенной, исповедальной.

Вернувшись из Германии, где он выступил с докладом о поэзии В. Иванова на научной конференции в университете Гейдельберга, прочитал несколько лекций, побывал в разных городах, Герасимов много рассказывал о стране - интересно и смешно. Между прочим, заметил, что его приглашают в Германию на работу. Не дело было мне, ученице, лезть с советами к учителю, но я (уверена, как и многие) очень просила его ехать. «Не могу», - с неизменной твердостью отвечал он. «Ну почему, почему?». Значительно поднимая вверх палец, Константин Сергеевич говорил: «Библиотека и пять кошек».

Надеюсь, читатели извинят личный характер этих заметок, но ведь именно в личном восприятии личность во многом и раскрывается...

Вот несколько наблюдений в подтверждение того, как терпим был Герасимов к чужим увлечениям и привязанностям. Он, например, особо не жаловал творчество Владимира Высоцкого, в которое я всегда была влюблена. Но ему было важно, чтобы приглянувшийся студент все-таки пришел в филологию, а предмет своего научного интереса пусть ученик выбирает сам. Я помню, как мне, студентке второго курса, доцент Герасимов сказал: «Нина, пора приступать к научной работе». Я предложила как тему поэтические произведения Высоцкого. Он, думаю, был очень разочарован. Но именно Константин Сергеевич стал научным руководителем моей первой работы. И второй, посвященной сопоставительному анализу стихотворений Пастернака «Гамлет» и Высоцкого «Мой Гамлет», руководил тоже он.

Мы были, так сказать, квиты в своих непривязанностях. Студенткой я оставалась равнодушной к сонету, а он был, в общем-то, равнодушен и к моим пристрастиям, и к моим стихам. Однажды, под очень большим напором (а Константин Сергеевич избегал высказывать мне свое мнение) он деликатно заметил, что «в концерт нельзя ходить в джинсах», имея в виду, что «концерт» - это поэзия, а «джинсы» - это стихи сомнительного, на его вкус, качества. Но отношения наши оставались, тем не менее, прежними. Мое - почтительное и восхищенное. Его - уважительное и ироничное.

К.С. Герасимов, повторю, был личностью особенной, персоной избранной и элитарной. Такова и его поэзия. При всей общечеловеческой значимости его стихотворений,

они, тем не менее, лишены той, в скверном смысле слова, простоты и незамысловатости, которая в конечном итоге обесценивает произведение. Его стихотворения – «замысловаты».

«Поэзия, прости господи, должна быть немного глуповата», - процитировала Герасимову по прочтении книги «Из глубины» его коллега и приятельница, бескомпромиссная Лина Хихадзе, профессор ТГУ. Но известные пушкинские слова, при всей любви к Пушкину, Герасимову – не указ. Он не собирался, в угоду и на потребу публике, скрывать уникальную начитанность, трагическое мировосприятие, склонность к глубокому размышлению и интеллектуальному анализу, презрительное отношение к толпе, ощущение себя как избранника, иронию, переходящую в беспощадный сарказм... (Хотя не таков ли и сам Пушкин, например, в стихотворении «Из Пиндемонти»?)

Путь лирического героя Герасимова, то есть путь самого поэта, исполнен страдания и отчаяния. А как иначе? «Во многих мудрости...» и, добавим, в обнаженной душе, остром уме, гордой натуре – всегда много печали. Таков удел Поэта, и читатель должен быть с ним на равных. Только на такого читателя и рассчитывал Герасимов, только подобного читателя он и берет себе в собеседники. И беседа получается исключительная. Но даже сквозь самые горькие и горестные строки проступает силуэт не только гордого и одинокого творца, но и человека, обладавшего замечательным умением светло улыбаться – чувство юмора, чувство комического было у него ярким и особенным. «Односторонне серьезны только догматические и авторитарные структуры, - заметил М. Бахтин в «Эстетике словесного творчества». - Серьезность нагромождает безвыходные ситуации, смех подымается над ними...».

Вот какие характеристики сам Герасимов дал достойному вниманию художественному произведению (на примере собственного поэтического цикла «Пролог на Земле»).

«Залог успеха лит[ературного] произведения – в его необычности, новаторстве, вызове устоям, нонконф[ормизме].

Традиционное

Новаторское

Господствуют идеи

Противоположное

1 Материализм

Идеализм

2 Атеизм

Религиозность

3 Гностицизм

Агностицизм научный

4 Реализм

Новый сюрреализм, неореализм

5 Прогрессизм, револ.,
стремление к утопиям,
социализм

Консерв[атизм], реакц[ионность], идеализ[ация]
былого, феодализм, антиутопическое будущее

6 Гуманизм
антиевгенический,
равенство рас

Расизм, презрение к никчемным жизням
рабов, неоевгеника

7 Демократизм
(равные соц[иальные] права)

Аристократизм (подлинная демократия)

8 Народность

Элитарность

	(патриархальная элитарность)
9 Коллективизм	Индивидуализм (для немногих, элиты)
10 Идея равенства	Фактическое неравенство людей должно быть
11 Патриотизм	1) Космополитизм (в религии, науке, искусстве, братстве рыцарей...)
2) Или любовь к другому отечеству – вызов (космизм)	
12 Морализирование	Аморализм, право на кровь, ложь, преступление во имя аристокр[атического] Брат[ства]
13 Принудит[ельное] целомуд[рие]	Секс, не порно, не секс рев[олюционный], но право Братства
14 Гос. оптимизм	Пессимизм, но – катарсис, не нытье, просвет
15 Мир	Война (всех против всех, кроме элиты)
16 Культ машин	Биологич[еская] цивилиз[ация] по Киплингу, ограничение техники, чистая Земля
17 Культ пользы	Эстетизм элиты
18 Рацио	Иррац[ионализм], в худ.произв. – идейно-эстетический
19 «Устоизм»	Релятивизм, не в морали
20 Стремление к бесклассовому обществу	Классовость необходима, не гнет, свобода в классовом обществе, добровольность».

К.С. Герасимов писал, по большей части, сонеты (первый сонет был им написан в возрасте 19 лет, в октябре 1943 года), совершенствуя и оттачивая мастерство сонетиста, всегда оставаясь Поэтом. Он является автором нескольких новых форм циклов сонетов, помимо классической – венка сонетов, а именно: венец сонетов (цикл из четырех «английских» сонетов, последний из которых состоит из трех «сонетных ключей» - заключительных двустуших первых трех сонетов); созвездие сонетов (цикл из семи сонетов - трех «французских» и трех «английских», чередующихся друг с другом, и седьмого, состоящего из «сонетных ключей» трех «английских» сонетов); корона сонетов (цикл из семи сонетов – шести «французских» и седьмого, состоящего из шести заключительных терцетов предыдущих сонетов и одной дополнительной строки – в отличие от классического понимания короны как венка венков)

«Было бы закономерным и своевременным признать сонет наиболее современным средством поэтического освоения парадоксальной диалектики бытия на высоко логическом уровне метаязыка искусства», - писал К.С. Герасимов.

Сонет – форма безукоризненная, безупречная, выверенная, как сама Вселенная. Или собор. «Сонет и собор, сонет – модель мироздания» - так должна была называться одна из статей Герасимова, план которой имеется в архиве. Попытка написать сонет – это всегда попытка сделать шаг на пути к совершенству, а сделать такую попытку дано лишь тому, кто в себе самом ощущает начала всех начал, кто осознает самого себя и как воплощение совершенства, и как скопище всех несовершенств мира...

О чем будет размышлять читатель Герасимова? Что почувствует и осознает? Веру в бессмертие, страх смерти, отчаянное одиночество, рыцарское и чувственное отношение к женщине, презрение к черни, рабству, скотству, избранность и исключительность творца, книжника, умника... Но главное – это абсолютная убежденность, что именно Слово дарует свободу в жизни и бессмертие в веках.

Поэтический архив К.С. Герасимова строго систематизирован автором и озаглавлен им «Всеобщим Хронологом», куда в хронологическом порядке внесены все стихотворения, поэмы, поэтические циклы, танка, эпиграммы, дружеские послания в стихах, написанные с февраля 1942 г. по март 1994 г. Каждое произведение пронумеровано автором. Поэтические циклы, помимо того, либо переписаны в специальные тетради, либо собраны воедино в виде отдельных рукописных листов.

В архиве обнаружено следующее авторское замечание: «февр. 42 – авг. 47. Почти все эти стихи – а их 300 – очень слабы. Это – шаг первый. Со сборника 5 начинается новый – настоящий период подлинного поэтического творчества».

Во «Всеобщий Хронолог» автором не внесены, за редким исключением, сонеты из цикла циклов «Ars moriendi». Отметим, что количество сонетов, включенных автором в сборник «Из глубины», составляет 154. В то время как первый черновик цикла, хранящийся в архиве, включает 197 сонетов, а второй черновик цикла – 188 сонетов.

Некоторые из стихотворений, включенных автором в прижизненный сборник «Из глубины», видимо, были объединены в различные циклы именно во время подготовки сборника – в рукописях они значатся как самостоятельные произведения и не приписаны ни к каким циклам.

Количество пронумерованных и озаглавленных тетрадей «Всеобщего Хронолога» составляет 10:

1. Первая тетрадь стихов. «Грезы». Февраль 1942 – август 1943 гг., 8 произведений. «Лиловый сборник» - январь 1943 – декабрь 1944гг., 22 произведения.
2. «Желтый сборник». Январь-сентябрь 1945г., 35 произведений.
3. «Третий сборник». Сентябрь 1945-январь 1946 гг., 52 произведения.
4. «Четвертый сборник». Январь 1946-август 1947 гг., 181 произведение.
5. «Пятая Книга». Сентябрь 1947-март 1952 гг., 142 произведения «плюс 16 эпиграмм, плюс 1 стихотворение, фактически 159».
6. «Книга Шестая». Март 1952-февраль 1961 гг., 145 произведений.
7. «Книга Седьмая». Февраль 1961-май 1968 гг., 61 произведение.
8. «Книга Восьмая». Июль 1968-ноябрь 1972 гг., 105 произведений.
9. «Книга Девятая». Декабрь 1972-февраль 1976 гг., 86 произведений.
10. «Книга Десятая». Февраль 1976-июль 1978 гг., 103 произведения.

Начиная с 1980 года, «Всеобщий Хронолог» представляет собой собрание рукописных листов.

Кроме того, в архиве имеются зафиксированные в отдельных тетрадах следующие циклы стихотворений, большинство из которых включено и во «Всеобщий Хронолог»:

- «Песни Моря». Октябрь 1943-декабрь 1946гг., 28 произведений. Эпиграф к циклу: «Море смывает страдания человека». Эврипид.

- «Эотен». Март 1946-май 1948гг., 26 произведений. Эпиграф к циклу: «Вслед за мной идет Строитель. Скажите ему – я знал. «Дворец». Киплинг.

- «Jolly Rodgers». Октябрь 1945-июнь 1947гг., 50 произведений. Эпиграф к циклу: «Гост (его мы тихонько выпьем)//За тот отчаянный сброд//За наших предтеч безумянных//Джентльменский пиратский род!» Киплинг.

- «Лики Вечности». Ноябрь 1949-февраль 1958гг., 18 произведений. Эпиграф к циклу: «Когда вверху небо еще не получило имени и внизу земля не была названа...» «Энума Элит». («Миф о сотворении мира», посвященный Мардуку, богу-покровителю Вавилона, известный по первым строчкам: «Энума Элит» - «Когда вверху...» - Н.З.).

- «*Harmonices Mundi*» (Музыка Сфер). Февраль 1947-октябрь 1949г., 14 произведений. Эпиграф к циклу: «Кто цепь разбил, кто распахнул широко//Врата, что лишь немногие открыли?» Giordano Bruno, «*De l'infinito, universo e mondi*».

- «Шопот песчинок» (Авторский вариант: Горсть песчинок – Н.З.). Танки. Январь 1947-август 1955гг., 101 произведение. Эпиграфы к циклу: «Хранит моя рука//Горсть зернышек песка//Как мало! Как спешат//Меж пальцев все назад!». Э.А.По. «К ***». «Так и оставлю//Никому не сказав//Свои думы//Ведь нет никого//Кто был бы со мною». Исэ-моногатари. (Памятник японской классической литературы, собрание новелл, каждая из которых содержит танка. Авторство повести приписывается аристократу, поэту, художнику Аривара-но Нарихира – Н.З.).

- «Изоolda». Июнь 1947-январь 1950г., 24 произведения. Эпиграф к циклу: «Горек любовный напиток//Горечь и боль в груди...//Почему же, открой, по ошибке какой//Пытку пыток//Испил его я один?» (Возможно, авторский эпиграф – Н.З.)

- «Голоса». 1971-1972 гг. Публикуемый в данном сборнике цикл – первый из задуманных и, вероятно, так и ненаписанных автором. В архиве хранятся наброски и планы к существующему и будущим частям цикла - в виде схем и таблиц, с трудом поддающихся, иногда не поддающихся вовсе, расшифровке.

- Книга «Верность – *Salva fide*». Можно с большой долей вероятности предположить, что ее структура виделась автору следующим образом:

Часть первая. *Ex voto* (лат. «по обету») - цикл «Прогресс» и ряд стихотворений – 1976-77гг. 16 стихотворений. Эпиграф: «*I nunc anima anceps, et sit tibi Deus misericors*»

Часть вторая. *Nunc dimittis* (лат. «ныне отпускаеши») - циклы «Да будет!» - созвездие сонетов; «Знание» – венец сонетов; «Орфей», «Память», «Иов», «Жемчужина из тления», «Хранитель», «Да будет» (терцины), «У подножья», «Самосожжение», «Третья смерть», «Собор» и ряд стихотворений – 1973-82 гг. – всего 104 стихотворения. Эпиграф: «*Nunc dimittis servum tuum, Domine*» (лат: «Ныне отпускаеши раба твоего, Господи») Лука, II, 29.

- Книга сонетов «*Ars moriendi*» представляет собой совершенно законченный поэтический цикл из 154 сонетов, написанных с декабря 1977 по апрель 1981 года, полностью включенный К. Герасимовым в сборник «Из глубины» и прокомментированный им же.

Внимательный читатель без труда заметит значительный хронологический разрыв в стихотворном разделе данного сборника – с 1979 года по 1984 год, то есть именно тот временной отрезок, когда К. Герасимов работал над книгой «Ars moriendi». В архиве хранятся, как обозначено автором, «первый черновик» и «второй черновик (предпечатный) – последний рукописный вариант».

Некоторые циклы стихов, указания на которые встречаются в рукописях (Glory, Lumen cordis, Пролог, Dram. Pers., «Все подробности», Votum, «... this country...», «20», «Два мира», «Apud», CUMAEAE, Сонеты с Понта), в систематизированном виде не сохранились. Учитывая, что все остальные поэтические циклы зафиксированы автором в отдельных тетрадах и блокнотах, закономерным является предположение, что часть стихотворного архива утрачена.

В архиве К.С. Герасимова также хранятся тетради с прозаическими произведениями (вернее будет назвать их романтико-приключенческими стилизациями): повесть «Воды Леты», июль 1941г., рассказы «Стратегия», май 1943г., «Предсказание», июнь 1943 г., «Ошибка Фредди», ноябрь 1943 г., «Пять центов», июнь, 1944 г., «Первая иллюзия», август 1944 г., а также черновики и наброски романа, повестей и новелл.

Научный раздел архива К.С. Герасимова, по всей вероятности, подвергся жестокому разграблению.

При хорошо известных аккуратности, педантизме и дотошности ученого, систематизировавшего всякий, им написанный или предназначенный к написанию материал, в архиве не сохранилось ни одной (!) строчки, имеющей отношение к истории русской литературы, истории книги, истории научной фантастики, психологии художественного творчества – то есть, тем курсам и спецкурсам, которые он читал студентам на протяжении многих лет. Исчезли все (!) материалы по истории и теории сонета.

Профессор Н.Л. Поракишвили свидетельствует, что незадолго до кончины по его просьбе К.С. Герасимов написал около 80 страниц на предложенную тему «Литература и культура». Этой рукописи в архиве также нет.

Однако ученый Герасимов не ушел бесследно. В сборнике «Возвращение» были опубликованы 6 завершенных статей К.С. Герасимова. В архиве имеются в наличии несколько черновиков статей, а также ряд заметок и набросков к будущим статьям, которые безупречно характеризуют высокий уровень филологического размышления, который и по сей день может служить ориентиром для ученых, дерзающих трудиться в области литературоведения.

В архиве сохранился авторский план статей о сонете и наброски к каждой из них:

«План моих статей о сонете.

1. Двуединство сути сонета (плюс аполлонич[еское] и дионис[ийское] начала сонета)
2. Сонет – модель мироздания (плюс сонет и собор)
3. Магия чисел в сонете (сакральные числа сонета)

4. Сонет и онегинская строфа
 5. Эволюция представлений о сонете (плюс будущее сонета) (плюс S[сонет] в русск[ой] критич[еской] лит[ературе])
 6. Сонеты Бунина
 7. Теория венка сонетов
 8. Первые русские венки
 9. Предисловие к «Гармонии-II»
 10. Сонеты-послания (посвящения) Серебряного века
 11. Сонет и другие «твердые формы»
 12. Сонеты о сонетах (с моими SS [сонетами])
 13. Сонеты Брюсова и Эредиа
 14. Сонеты Себ[астьяна] Грифиуса (с моими переводами его SS [сонетов])
(возможно, описка. Себастьян Грифиус (1493-1556) - известный типограф и издатель; Андреас Грифиус (1616-1664) - немецкий поэт и драматург, один из самых знаменитых сочинителей сонетов в XVII веке – Н.З.-Ш.)
 15. Сонет в русской любовной лирике
 16. Астрофил и Стелла (англ[ийский] сонет)
(«Астрофил и Стелла» - цикл из 108 сонетов, объединенных единым замыслом, Филипа Сидни (1554 - 1586), английского поэта и общественного деятеля – Н.З.-Ш.)
 17. Волошин и Эредиа
 18. Сонет как жанр научно-философской п[оэзии] рус[ской] п[оэзии] Серебряного века
 19. Сонет Казановы в «Фениксе» (имеется в виду сонет, прочитанный Казановой в картине второй «Знать» пьесы М. Цветаевой «Феникс» - Н.З.-Ш.)
 20. Венки сонетов М. Волошина Lunaria
 21. Философия символизма и диалектика S [сонета]
 22. S [сонет] и творческий акт (Грузенберг Семён (Соломон) Осипович (1876 - 1938) - историк философии, критик, доктор философии Петербургского университета. Автор книг «Психология творчества. Введение в психологию и теорию творчества», «Гений и творчество: основы теории и психологии творчества» и др. - Н.З.-Ш.).
- К пунктам 7, 15-22 плана статей дано примечание автора: «В папке «Книга». Папки с таким названием в архиве К.С. Герасимова не сохранилось.

Особый интерес представляют сохранившиеся таблицы К.С. Герасимова – как научного, так и чисто литературного характера.

К примеру, таблица «Цикл из 4 сонетов». По сути, это готовый план поэтического цикла (теперь им может воспользоваться любой успешно пишущий сонетист, мы лишь фиксируем первенство Герасимова как автора этих идей), более того, цикла, который по сегодняшний день не имеет прецедента в истории поэзии – ни по глубине, ни по оригинальности. Первый сонет из цикла, по задумке поэта, должен был отвечать следующему смысловому наполнению двух катренов и двух терцетов:

земля
вода
воздух
огонь

земля
вода
воздух
огонь

отец
сын
св. дух

отец
сын
св. Дух

Второй из 4-х сонетов предполагал следующее кварта-содержание: человек – лев – телец – орел. Третий сонет адресует нас к Четвероевангелию: Матфей – Марк – Лука – Иоанн. И наконец, в четвертом сонете должно было быть четыре темы по четыре составляющей в каждой: 4 времени года, 4 стороны света и 4 возраста – детство, молодость, зрелость, старость.

Обращает на себя внимание сохранившаяся в архиве гектаграмма – сводная таблица взаимоотношений излюбленных драматических персонажей К.С. Герасимова, встречающихся в нескольких поэтических циклах, в частности, в опубликованной на этих страницах поэме «Посвящение» - Автора, Ричарда, Пита, Хью, Джен, Мистера Джи, Хромого Джентльмена. Примечательно, какие именно характеристики Автора и персонажей приведены в соответствующих графах таблицы. По сути, эти комментарии представляют собой редчайший лично для Герасимова случай развернутых самохарактеристик (текст приводится в полном, расшифрованном виде – Н.З.-Ш.):

«Автор – Ричард: мой я-идеал как мужчины, джентльмен, воин, патриот. Дело, служение. Но я как творец идеального (он – реального) выше его. Я мщу ему Питом и Хью. Ричард – мой антипод.

Автор – Пит. Скорее мой сын, а не ироничного Хью. Он бы признал это, читая мои стихи. Мы оба – за абсолютную свободу творчества. Приоритет эмоций, искусства над знанием, реальностью жизни. Мое тримурти – в его творчестве... Он – счастливее, моя зависть (любовь, свобода). Пит – моя поэтическая половина (без науки).

Автор – Хью. Восхищаюсь его ученостью, книголюбием, аристократизмом. Он близок мне, моя ипостась, как и Пит. Хью – мой я-идеал. Делю с ним сомнения о науке, скептицизм и преклонение перед ним – истинным джентльменом. Хью – моя ученая половина.

Автор – Джен. Ее не будет никогда. Любовь – мечта. Юность, которой не было и не будет. Тоска о возлюбленной и дочери. Зависть к юности, лишь она – счастье. Тоска о хранильнице стихов. Она – провидение.

Автор – Мистер Джи. Уважение к старшему коллеге. Автор – создатель своей Вселенной. Атеист-христианин. Джи – Аполлон, бог поэзии, брат Асклепия и целитель. Аристократ. Я как Автор – Зевс, отец Аполлона. Он мой отец – как Саваоф. Я – сын Сатурна.

Автор – Хромой Джентльмен. Ненависть к защитникам плебса, индустриализации, утопий века Сатурна, Дионисийского начала. Я низверг его (Зевс - Крона), высмеял его утопии (с Хью). Мой брат – Аполлон, не Дионис. Крон=время, но: за право его сказать свое слово. Единство противоположностей необходимо».

И, пожалуй, одна из самых интересных и ценных таблиц, хранящихся в архиве, озаглавлена «Что придает литературному произведению интерес, дает успех». Привожу ее целиком (сокращенные слова приводятся полностью – Н. З.-Ш.):

«1. Высокое мастерство, качество, техника – *conclutio sine* для... («необходимое условие», лат. – Н. Ш.-З.). Не формализм.

2. Познавательная ценность, высокие идеи, новые мысли, интеллектуализм, отражение научно-философских проблем эпохи, но в художественной форме, не для массы, но и не для единиц, понятность необходима. Единство интеллекта, рации и эмоций. Инстинкт любопытства.

3. Сюжетность, увлекательность действия, наличие коллизии, фабульность, развитие действия, а не рассуждения, разговора. *Bilde, Kunstler, Rede nicht!* («Изображай, художник, не говори!», И.В. Гете, нем. – Н. З.-Ш.). Не приключенчество.

4. Наличие тайны, таинственность, загадочность, напряжение интереса, стремление разгадать ее недосказанность до конца. Мистика, не рации, работа мысли, участие воображения читателя. Не детективщина.

5. Наличие страшного, жуткого, пугающего. Трагизм, его разрешение в катарсисе. Дать сильные ощущения. Подсознательное стремление к убийству, насилию – биологический факт. Но не дешевые эффекты – не культ насилия, горы трупов, не «побольше убийств». Инстинкт насилия – есть ли такой? Есть – инстинкт самосохранения.

6. Наличие секса. Любовь, пол – без этого почти нет искусства. Быть смелым, художнику, члену Братства дозволено все. Не порнография, аморализм ради дешевой популярности. Фрейд: инстинкт размножения. Презрение к блуду.

7. Тема богатства, денег (отчасти тема клада). Инстинкт собственности – из инстинкта питания. Это интригует. Люди любят читать, как кто-то богатеет. Не культ золота.

8. Новаторство – формальное, идейно-тематическое, не эпигонство, не старомодность, не повторы актуальных тем, модность, соответствие представлениям читателя о современности, не дай бог попасть во «вчерашние». Это ассоциируется со скукой. Но обращение к старине как вызов – это другое дело. Не погоня за модой.

9. Наличие я-идеала, полезных для читателя введений, которые он сможет использовать, взять. Одежда, игрушки взрослых, модус поведения, дом, любовь, хитрость,

дети, способы самоутверждения, способы борьбы против других, прорыв судьбы. Как утвердить себя в мире творчества (Автор), войн (Питер), социальной несправедливости (Автор), науки (Хью), любви (все), добра и зла (Джен, Хромой Джентльмен). Практические сведения. Не книга полезных советов.

10. Наличие сенсационного, разоблачений, шокирующего, эпатирующего, парадоксального, вызывающего. Другие всегда плохи... («Ад – это другие», Сартр). Разоблачение высокопоставленных особ – наслаждение для черни – не в этом плане. Но раскрытые секреты, художник – обличитель. Инстинкт любопытства. «Я-неидеал».

11. Нонконформизм. Богоборчество в прошлом, ибо верующих мало, но власть чего-либо или кого-либо всегда ненавистна большинству читателей. Не дешевое диссидентство ради саморекламы.

12. Хорошая реклама. Заслуженная репутация, слава. Этого у меня не может быть. Приемы саморекламы – мистификаторские, разработать с юмором, не дешево бахвальства.

13. Отсутствие плоского морализирования, навязывания поучающего материала, но – за добро! Не проповедничество, доктринерство. Шекспир, а не Толстой. Примитивное добро – скучно. Не аморализм ради сенсационного успеха.

14. Национализм – залог дешевого успеха. Стадный инстинкт неистребим. Бросить вызов архаике патриотической чуши, льющей тем, у кого нет ничего, кроме этого. Отечество – Братство Творцов прекрасного. Не космополитизм.

15. Великая поэзия не терпит нытья. Оптимизм вопреки всему, надежда, просвет. Инстинкт самосохранения – хотя бы в иллюзии...»

Хотелось бы еще раз подчеркнуть уникальную ценность материалов, хранящихся в архиве. Любой профессионал с готовностью засвидетельствует, что заметки, схемы, таблицы, комментарии – это готовые планы будущих статей, очевидные замыслы художественных произведений, россыпь блестящих идей, научных и художественных.

Особо стоит подчеркнуть, какого пристального внимания заслуживают эпиграфы и названия в поэтическом наследии К.С. Герасимова. Он был не просто их любителем, но великим знатоком, гурманом искусства подбирать эпиграфы. Без преувеличения можно сказать, что эпиграфы Герасимова – это своего рода малая всемирная литературная энциклопедия. В том время как большинство названий – это аллюзии и цитаты, реминисценции и зашифрованные ссылки на литературные и исторические источники в одном словосочетании. И в этом (как и во всем остальном) Герасимов одновременно первопроходец и наследник, пионер и последователь.

Авторы-составители уверены, что подобные сокровища не должны храниться под замком. И теперь они в полном распоряжении всех заинтересованных лиц – специалистов и любителей.

Сам Константин Сергеевич никогда не был ни гобсеком от науки, ни плюшкиным от литературы. Он делился. Делится он и сейчас. Пожмем протянутую нам из прошлого дружескую руку и примем с благодарностью щедрый дар Мастера.

P.S.

Как-то раз мы с Константином Сергеевичем, не спеша спускаясь по тупику Джавахишвили, говорили о Маяковском. Точнее, болтала я, а Герасимов, который Маяковского не жаловал, молча слушал. Согласился со мной только в той мысли, что призыв «Левой, левой, левой!» - это неуважение к читателю, который, возможно, хочет шагать правой, так что же, сбрасывать и таких с «парохода современности»?

Да и сам он всегда шагал именно правой. Пожалуй, Герасимов - аристократ духа и мысли, рыцарь книги, кавалер сонета - не вписывался в свое время. Он был масштабней своего времени. И именно поэтому ему предстоит вписаться в вечность.

На наше счастье, значительная часть архива Герасимова - в целости и сохранности. И вы держите в руках полный каталог сохранившихся рукописей Мастера слова.

Значит, Константин Герасимов возвращается.

Константин ГЕРАСИМОВ

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Но никто не должен
Восходить с тобою.
Исход, XXXIV, 3.*

Поэма-феерия в четырех частях, названных не лишенным наблюдательности Автором «День», «Ночь», «Утро» и «Вечер»; включающая также Третий Хор, помещенный между второй и третьей частями (Первый Хор и входящий, собственно, в «Книгу Джен» Второй Хор – в цикле «...this country...»); с восемью вводными триолетами-автоэпиграфами, с первым стихотворением Питера Родда («Струи серебристой туники»); а также с пятнадцатью – не менее! – вставными и – как будто этого было мало! – одной заключительной балладами, не считая трех песен.

*На гномов нельзя смотреть –
не пробовать нам их плодов золотых.
Кто знает, какая земля растит
Голодные, жадные корни их.
К. Россети. Базар гномов.*

ДЕНЬ

I

*Ее не выразить словами,
Мелькнувшие не вспомнить сны –
Любви прикрасы не нужны,
Ее не выразить словами.
Клянусь, постигнувшие сами
Свое блаженство, им бедны...
Ее не выразить словами,
Мелькнувшие не вспомнить сны.*

Февраль 1950

Джен.

В день этот жаркий середины лета
 Уже с утра томила духота...
 Что Ма и Па уехали – об этом
 Узнали поздно. Было все не так,
 И молча мистер Уэст шуршал газетой.

Конечно, Пит уже исчез. Спряжений
 Французских скуку мыслимо ли, Дженни,
 Сносить? И вообще он стал не тот:
 Спать в парке – как вчера – подобной лени
 Позорной от него не ждал никто.

Ох, эта книга! Классной так окно
 Зовет в аллеи вязов и каштанов...
 Разбуженный, не злился Питер, но
 Уйти! Смеялась пусть она тогда, но
 Встать молча и уйти, взглянув так странно?

Здесь была бы помещена «Баллада о Цветке в Пустыне», будь она написана.

*Джен.**Питер.*

Не там ли снова он, где сосен ржавы
 Стволы и пятен дремлет золотой
 Узор, дрожа в душистых сонных травах?
 Шмель прогудит и смолкнет. От шершавой
 Кору так пахнет солнцем и смолой...

Вот – за кустом шиповника – ну да,
 Где над травой повисла хвоя низко.
 Герой и Молли ждут нас, Пит! Очнись-ка,
 Поскачем к пустоши Холкомбов, как всегда..
 Молчит и прячет – что? Письмо? Записка?

Здесь Автор опускает вставную «Балладу о Шепоте Жителей Гор» по известным только ему соображениям.

Джен.

О, так! Ну что же, пусть уходит снова.
И вообще забыть его готова
Она. За голубятней, в лопухах,-
Уйди же, Скоффи, - лестница. И страх
Скользит лишь... Скрип чердачного засова.

Здесь - осторожней - пропасть интересных
Вещей. Вот - на стропилах гнезда ос.
Хромые кресла. Клавесин. Нет, слез
"Им" не дожидаться. И в соседстве тесном
Седло с портретом леди неизвестной.

Сундук с истлевшим платьем... Так одета
Могла, пожалуй, быть - хотя бы в этом
Жемчужно-сером - ну и пыль! - Джульетта...
"До завтра... Доброй, доброй ночи, друг..."
Смелее, Дженни - никого вокруг.

Пусть горло нечто большее, чем грусть,
Сжимает - ты же помнишь наизусть:
"О. не клянись изменчивой луною..."
Задумалась. Стоит, отдавшись рою
Неясных чувств: "...клянись одним собою..."

*Автор вынужден признать бесспорную уместность
предполагавшегося помещения здесь - увы, отсутствующей - вставной "Баллады о
Путях Бытия".*

Джен.

К твоим ногам сложу всю жизнь, - просты
Слова, - с тобой пойду на край Вселенной..."от вдохновенный
Никто не слышит. Смущена мгновенным
Предчувствием, стыдась, умолкла ты?

*О, искорки сиянья глаз
И лепестки раскрытых губок -
Нет, поцелуем жадным, грубым.
О. искорки сиянья глаз,
Не погашу я властно вас.
Пусть выпьет кто-нибудь мой кубок,*

*О. Искорки сиянья глаз
И лепестки раскрытых губок.*

Февраль, 1950

II

*Джен,
М-р Уэст.*

Скользнуть домой тихонько... Нет, за садом -
Дымок сигары: мистер Уэст. - Что песен
Твоих не слышно, Дженни? - Что-то надо
Ответить (и не так уж интересен
Он без мундира - пристального взгляда

Бесстрастие, полоска белой кожи
На лбу - взгляни украдкою). Не может
Быть, золотоволосый, загорелый
Эльф синеглазый, что уже встревожен
Мирок твой ясный смутным и несмелым

Предчувствием... Но, восхищенье пряча
(немало удивлен собой), ревнуя
К себе, серьезно, чинно - так прозрачен
взгляд девочки - с ней обсуждай любую
Смешную мелочь... Ну, улыбки жду я!

ПЕСНЯ О ТРЕХ БЛАГОРОДНЫХ, НО ОБЪЯТЫХ СКОРБЬЮ ДЕВАХ

У Маргарет горе:
Она
С собой вечно в ссоре,
Хоть всем остальным верна.

А Розалинд плачет,
Всех
Отвергнув. Как же иначе
Себя любить без помех.

И Дженнифер, зная -
Ни дня
Ей не прожить без меня,-
Тихо слезинки роняет.

Январь 1961

Те же.

Вот, наконец... Но почему смолкает
Так быстро смех? Пойдем - бедняжка Молли
Заброшена совсем... Не замечая
Того сама, ты слушаешь, чужая,
Лишь тайный шепот непонятной боли.

Итак, не знаем мы (о, вот в чем дело) -
Что с ним, и говоря о перемене
В нем так небрежно, вскользь... Нет, Дик, ни тени
Привычного отчаянья... Хотела
Еще ли песен? Вот - "Тщета Стремлений":

ПЕСНЯ О ТЩЕТЕ ВСЕХ ВЫСОКИХ СТРЕМЛЕНИЙ

Она карабкалась на пень
И выбилась из сил.
"Что означает эта прыть?" -
Я вежливо спросил.

"Сэр! Холодна смиренья тень
Плен лужи мне не мил.
Хочу поближе к звездам жить", -
Ответ лягушки был.

Смеялись сойки целый день
В зеленой мгле лесной.
Смеялись все, кому не лень,
Над ней... Не надо мной...

Январь 1961

Те же.

Все ж исчезать и прятаться - нечестно?
Как девочке сказать о плене тесном
Земных надежд? Сам шепотом не связан
Мечты - стал слишком или черств для сказок
О тайных снах и синеве небесной,

Молчи. Конечно - навсегда, навеки
 Вот эта легкость слез и смеха. Поздно
 Тянуться к ней и клясться небом звездным,
 Что юность лишь мудра - смежая веки,
 Кивает сонно ночь на берег некий.

Кто б мог подумать - так всегда беспечен -
 Смог Па, себе бессмертье обеспечив,
 Друзей обставить... Питер - точно встреча
 С ним, прежним, будто двух десятилетий
 И не было... Как ваши крошки-дети

Милы", - который раз! - к чертям тугую
 Улыбку. Не забудешь ту, другую:
 "О, Дикки", - лепетала, только сына
 Не родила. И Дженни так невинно
 Глядит. Конца не будет басне длинной?

ПЕСНЯ О ДЕРЗКОМ МАЛОМ

Нахлобучив парик, важно
 Судья обвиненью внимал:
 Перед судом присяжных
 Пудинг с изюмом предстал.

Одержимый преступной страстью
 К своей госпоже молодой,
 Он был уличен, к счастью,
 И выдан властям с головой.

Под перекрестным допросом
 Малодушно во всем он
 Сознался, шмыгая носом,
 И был к съеденью приговорен.

Февраль 1961

Те же.

Ну вот и гонг к обеду. Долгий снова
 Взгляд и вопроса блеск неуловимый
 В ее глазах. Привычна о любимой
 Спокойная тоска. Плывите мимо,

Огни чужие берега ночного.

Август 1962

*Последней не коснуться пусть
Страницы снов чужие руки.
Я тайной присягал науке:
Последней не коснуться пусть...
Хоть эта ночь бездонной муки
И вытвержена наизусть,
Последней не коснуться пусть
Страницы снов чужие руки.*

Январь 1961

III

Джен.
Лег на холмы дрожащей дымкой зной.
Едва жужжит пчела, борясь со сном.
Как пахнет белой пылью, и сухой
Травой, и дымом... Ни души кругом,
Лишь синих мотыльков над лужей рой.

Раздвинь живую изгородь - откос
Меж валунами вереском порос,
И, уходя отвесно в синеву,
Грядую обнаженною вознес
Туда гранит, где облака плывут.

Скал бастионы, ров ручья... Разбив
У башен Замка Черного крутых
Заклятье тишины, Роланд трубил...
Судьбе брось вызов, Дженнифер, и ты -
Или не все сбываются мечты?

ЛАЗУРНАЯ С ЗОЛОТОМ БАЛЛАДА ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕЧТЫ

*Немало ям, о золотых
Мечтая, вырыл Джон.*

*И вот теперь в одной из них
Лежит тихонько он.
Эпитафия кладоискателю,
не написанная Р. Бернсом.*

Отравлен зовом островов,
Где фосфорится пенный шорох,
Он был до упоенья вздором
Бредовых неотвязных снов.

(Клочки мундира. Кости. Сонный
Далекий берег. Из песка
Торчит истлевшая доска
И тусклые текут дублионы...).

Об этом лишь поет простор...
И приковал мечты кураре
Взгляд к далям, тающем в пожаре
Закатов. Годы. Звезд узор.

В лотосах Острова Криков
Правь сквозь зеленую тьму.
Призрачным золотом бликов
Дьявол осыпал корму.

Иезуитских часовен
Камни белеют в траве.
Карта разорвана. Кровью
Крестик помечен: поверь,

Там, где твой ржавый якорь
Врежется в белый прибор,
В чаще кораллов каррака
Груз бережет золотой.

Синими крабами пальмовых веток
Тени в коралловый впились песок.
Морсби*... Тонгаи**... Мо-Ки***... Эниветок****...
Берег свершения вечно далек.

Прокуренной трубкой стуча о ладонь,
 Уставившись в яму, все чаще
 "Ну да, - бормотал он, смиряясь с трудом,-
 Она не была настоящей".

Отмели Силвер Шоалс*****. Ки-Ларго*****.
 От Сан-Хуана - к Флорида-Кис.
 На плане убитого суперкарго
 Сто ярдов на запад. Пять футов - вниз.

* Порт на низменном юго-восточном побережье острова Новая Гвинея
 ** Тонга - тихоокеанское государство в Полинезии.
 *** Возможно, имеется в виду Моки - город в стране Папуа - Новая Гвинея.
 **** Атолл в Тихом океане в составе цепи Ралик (Маршалловы Острова).
 *****Видимо, имеются в виду Серебряные отмели штата Южная Каролина.
 *****Обособленная местность в штате Флорида.

Висби* глухие подвалы...
 Медью окован, сундук
 Может порадовать малым -
 Горсткою пыли. А вдруг

Клад стерегут под плитой -
 Здесь - буканьер** или гранд -
 Рядом. За синевою
 Цепи жемчужных Анд.

Или, стерев ладони
 В кровь, не молилась ты
 Сатане и Мадонне
 Над раскопом пустым?

* Главный город шведского острова Готланд. Средневековый памятник Всемирного наследия.

** Буканьеры - пираты, которые нападали на испанские флотилии в Карибском море в конце XVII века

Отравлен зовом островов,
 Он перед смертью долго бредил,
 Что был скелет разжать готов

Клешни позеленевшей меди.

И пел над пустырем простор,
 Что он в своей последней яме
 Сгниет, и холмик будет стерт
 Бурьяном, чуть умолкнет «атеп»...

Хоронят гринго. Берег сонный.
 И молча смотрят рыбаки:
 В могилу из гнилой доски
 Струятся тусклые дублоны.

Март 1962

НОЧЬ

*С кудрями вакханки плющ ниспадает
 На брови, скрывая очей ее свет;
 Виноградная ветвь, соскользнув, обнажает
 Ее грудь, часто дышащую в листе...
 А. Ч. Суинберн. Первый хор из "Атланты в Калидоне".*

*Прозрачная роса созвездий,
 Созвездий светлая роса...
 Ты окропила небеса,
 Прозрачная река созвездий,
 И как алмазы в волосах
 Твоих, О Ночь Слепых Возмездий,
 Прозрачная река созвездий,
 Созвездий светлая роса...*

Январь 1952

IV

Питер.
 Ночь. Душная дремотна тишина.
 Все так привычно - клубная эмблема,
 Мяч, книги, клюшки, лампа у стола,
 Фото - трофеи Айзиса и Кэма...
 Безмолвен дом. И лишь ему нет сна.

Раскрытая забыта книга. Пит,
 Охвачен странным чувством, в тьму глядит.
 Все та белеет перед ним страница.
 С неясным беспокойством смутно слит
 Призыв тревожный... Поздно - и не спится.

Слабеют чары мерного напева
 Прозрений-строк: он согласиться рад,
 Что древо знания - не жизни древо.
 И ссора с Дженни... Темен спящий сад.
 И мистер Уэст - как долог его взгляд...

ЧЕРНАЯ С АЛЫМ БАЛЛАДА О БЛАГЕ БЫТИЯ

Пергамент мертвый шелестит
 Под высохшей рукой.
 Слепой мудрец, алхимик Пит,
 Что шепчешь ты с тоской?

"Я сотни свитков прочитал,
 Все тайное постиг,
 Но в чем спасенье? Пуст фиал,
 Безмолвны груды книг.

Нет блага в даре бытия,
 Путь каждый - в никуда"...
 И ворон, скорби не тая,
 С карниза крикнул: "Да!"

Но кто переступил порог,
 В глухой ночи смеясь?
 Встал старец, изможден и строг.
 С чьей тень его слилась?

Во взгляде жизнь мелькнула вдруг...
 Каштановой волной
 Кудрей тряхнув, зеленый луг,
 Синь неба над собой

Увидел, и недобрый сон
 О слепоте забыт.
 Беспечен, статен и влюблен,

Шагает юный Пит.

Жуют задумчиво стада,
И ворон червяка
Нашел-таки... Все - навсегда:
Синь, небо, облака!

Смеющийся целует рот
И шепчет он "моя"...
И жарко кровь его поет
О благе бытия.

Октябрь 1960

Питер.

Ночные выются бабочки и льнут
К страницам книги в желтом круге света,
Пыльцой их осыпая... Счет минут
Ведет, скрипя, жучок-точильщик. Плут,
Однако не торопится при этом.

Черна тень дома на газоне. Лучше
Свет погасить. Ночь властная зовет,
Так что же он колеблется и ждет,
Следя - все не решаясь - как беззвучен
Мышей летучих ломаный полет?

БАЛЛАДА ОБ АНГЛИЧАНИНЕ

Над черным безмолвием леса - меловые склоны холмов,
Кремня о кремь скрежет, волчий далекий зов
Глухо таит прапамять. Сжимая каменный нож,
Под голою синью небес ты ветру навстречу идешь
По зыби колеблемых трав все дальше - туда, где встал -
Никто не помнит когда - круг обтесанных скал.

Пусть топчет бешеным конем посеvy и траву
Неистовый норманн, а кельт все грезит наяву...
Но сакс, на заступ опершись, бормочет: "Погоди,
уж будто только трижды три столетия впереди?"

Слышны галер финикийских всплески весел едва...

Из тумана ли - гул приборя, вопли чаек - всплывут Острова,
В бормотанье ли Геродота (пурпур, олово и янтарь),-
Чтобы смог поставить и ты за стеной Адриана* алтарь,
когда из Андериды** отверженный легион,
Кляня вересковые дали, орлов пронесет в Карлеон.

Колеблется мечтатель-кельт, отдавшись тайным снам,
Сакс-тугодум твердит "Постой", медлителен, упрям,
Но ты, насмешливый норманн, рукой железной правь
На пламенеющий закат, в иных столетий явь.

Напой же горячей кровью руны лезвия, меч!
В пророчествах Мерлина*** встанут короли для последних сеч.
Над Гастингсом и Станфорд-Бриджом мерцает комета одна.
Не дворец пусть Шервудский лес, но постель из лилий бедна?
Иди же и ты дорогой, по которой спешат
Римляне - в Акве Сулис****, путники Чосера - в Бат*****.
Не размышляя ни о чем особенном, сакс идет,
Хоть властно яростный норманн твердит ему: "Вперед!"
Шепни же им с улыбкой, кельт, мечтой заморожен,
О том, что трепетный узор столетий - только сон.

Смейся над Калибаном, плыви на "Лани", шагай,
Библию сунув под панцирь, искать потерянный рай...
"Выполни долг" - сигналит мертвый тебе адмирал,
Стоктон-Дарлингтон* тот же трубит сигнал.
В мире твоём был порядок: девятнадцатый век - твой;
Итог налицо: бреди на Ипра и Соммы убой.

В хор голосов неясных - три, властней других влиты,
Твердят, и шепчут, и кричат, что англичанин ты,
Что навсегда тобою каждый стал, неправ и прав,
Что силы, воли и мечты в тебе бессмертен сплав.

Тысячи жизней прежних и еще нерожденных в себе
неся земным воплощеньям прозрений, смертей и побед,
Никого из тех, кто прошел здесь, не ставя ни в грош,
Под голою синью небес ты ветру навстречу идешь
По зыби колеблемых травы все дальше туда, где готов
Сомкнуться с каймой морей круг зовущих веков.

Август 1963

* Римский император. Полный титул к моменту смерти: Император Цезарь Траян Адриан Август, Великий Понтифик, наделен властью народного трибуна 22 раза, Император 2 раза, Консул 3 раза, Отец Отечества.

**Римский форт на южном побережье Англии. После высадки норманнов Вильгельм Завоеватель отдал распоряжение о строительстве дополнительных укреплений. Крепость стала замком и получила название Певенси (Pevensey). После победы при Гастингсе Вильгельм передал замок своему сводному брату Роберту де Мортену (1031-1095). Тот возвел донжон и укрепленный двор в одном из углов старого форта и отремонтировал износившиеся участки стены. Позднее к замку добавили ров с перекидным мостом, а на рубеже XII-XIII вв. - двойную надвратную башню, в нижней части которой устроили шлюз.

***В кельтских мифах - мудрец и волшебник, наставник и советник короля Артура.

****Бат являлся популярным и даже священным местом для римских легионеров, основавших огромные римские бани, чтобы лечить свои страдающие от ревматических болей организмы. Они назвали город Аква Сулис (Aquaе Sulis), посвятив его богине Минерве.

*****Бат - уникальный курортный город в графстве Сомерсет, на изгибе реки Эйвон, в 185 километрах от Лондона.

* Первая в мире железная дорога общественного пользования на локомотивной (паровой) тяге. Открыта в 1825 году.

Питер.

Безмолвия неодолимый зов...

За диким виноградом (путь не нов),

Раздвинув плющ и жимолость, скользни же

Вдоль черепиц и желоба - все ниже

В тьму, в пряный аромат ночных цветов.

Земли дыханье влажно... Все нежней

Лаванды и жасмина и сирени

Несмелая печаль прикосновений...

В укромной беглой ласке листьев пей

Томленье ждущей тишины аллей.

Забор, конюшня... Во дворе пустом

Лохматый пес, узнав, стучит хвостом.

Зевнул, поплелся позади, потом

Отстал, чесался долго; вероятно,

Идти раздумал, повернул обратно.

Повеял теплый ветерок порывом,

и что-то шепчут, шепчут торопливо,

в отчаянии ветви заломив,

осины, и листва трепещет ив,
лишь старый дуб трепещет, молчалив.

БАЛЛАДА ОБ АДМИРАЛЬСКОМ ДУБЕ

"...старая Англия старше двадцати дубов".

Р.Киплинг

*"Становиться на якорь? Это последняя вещь,
о которой я бы подумал".*

Адмирал Коллингвуд, 21 X 1805 год.

Замирает далеких гаваней гул,
Меркнет купол небес.
На минувших столетий немом берегу
Шепчет дремотно лес.

Кроваво и дымно темнел восток,
Когда волков Одина вой
Слушая, над прошлогодней листвой
Встал дрожащий росток

И, юною кроной гордясь, внимал
В зеленой лесной тишине,
Как пение стрел и ржанье коней
Рога будил сигнал.

Вейся, танцующих эльфов рой,
Вкруг башни-ствола - чуть дыша
Ветер, шепни: под темной корой -
Бессмертной дриады душа.

Рухни же, треском ломаемых сучьев
Чуткую грубо хлестнув тишину,
Чтобы шпангоутов ребра все круче
Дыбились, деки над верфью сомкнув.

Выгибом тяжким форштевня,
В гуле трехсводчатых палуб
Двинься со стапеля в древний
сумрак взбесившихся баллов,
Раз уж мальчишка с "Шеннона"
И флаг-капитан "Принца"

Уверены совершенно:
 "Будет "Экселлент" у Сент-Винцента!

Бьет о соленые
 Камни прибрежные
 Вал, рушась с воем
 на вал.
 Чаек лишь стоны. И -
 Все безнадежнее -
 Рокот прибоя
 У скал.

О, вздохи вершин, склоненных
 Под топоров удары...
 Иди во главе колонны,
 "Ройал Соверен", у Трафальгара,
 Раз уши под хрипы и "ave"
 Кровью обрызганных шканцев
 Мы шпаги фамильные вправе
 Принимать у испанцев.

Встань же всевластием тайны рождений,
 Робкий росток, над истлевшей листвой
 Мертвых веков - снова в сумерках тени
 Волчьи беззвучно скользнут над тобой.

Безропотен шорох листвы неживой...
 Где дремотно шептал лес -
 Бетонных каньонов железный вой
 Под неоновой дрожью небес.

Но где-то - пусть полнеба в огнях -
 Глохнет безумия зов,
 И мощные кроны последних дубов
 Чернеют, молчанье храня.

Под сводами их ветвей вековых
 Бредет Адмирал во мгле,
 Тростью тихонько шуршит в земле,
 У корней уснувшей травы.

И за желудем желудь сажая - так мал

Каждый, столько в себе тая,-
 Все ворчит: "Стать на якорь? Последний сигнал,
 О котором бы вспомнил я"...

Апрель 1965

Питер.

Была дорога в резком лунном свете.
 Шепчи, шиповник, о кружение миль...
 Вдали мелькнул и скрылся церкви шпиль.
 Хранит, мерцая, меловая пыль
 Следы беззвучной поступи столетий.
 Август 1962

*Одна мучительная тайна
 И тайное мученье - ты.
 И стыд, и жажда красоты,
 Узоры звездные просты,
 Неотвратима и случайна
 Одна мучительная тайна
 и тайное мученье - ты.*

Январь 1952

V

Питер.

Взгляни же с перекрестка всех путей
 Как далеко белеют дома трубы.
 Чуть слышно сотен жизней и смертей
 Шуршание в траве... Вторжение грубых
 Шагов, ожог крапивы в темноте...

Между цветущих изгородей мог
 И ты бы стать без целей и дорог
 Болиголова и кипрея тише.
 Вот коростель умолк... Темнеет стог,
 И лошадь старая жует и дышит.

Благословеньем трав, и звезд, и мрака,
 Щемящей, тайной мукой опьянен,
 Осмелившись осыпать черных маков

Впервые лепестки, вверяя сон
Словам несмелым - что же шепчет он?

*"Струи серебряной туники,
Колени белые твои..."*

Питер.

Дано ли всем постичь, как бредит тьма
Отчаяньем, как звезд узор прозрачен?
Во имя большинства - земля нема,
День - поголовья шумного тюрьма,
И шепот ночи ничего не значит.

Уснувшие холмы темнеют смутно,-
Как океана мертвого валы...
(Скорее, право, гость бы наш отплыл).
Глухого беспокойства плен минутный -
И вновь объятья тишины смелы:

*"Струи серебряной туники,
Колени белые твои.
О, эти светлые струи,
Струи серебряной туники..."*

Питер.

Узка тропинка. Чернотой скал
Полнеба стерто звезд... Когда тоска
Тебя от счастья уведет земного,
Бессилен перед властной мукой зова,
Ты пожалеешь, что ее искал.

Подъем все круче, - наконец, вдали
Блеснул залив полоской; ветер свежий
Повеял солью... Как простор безбрежен,
Что смутно с сонной чернотой земли
Неясное мерцанье моря слил.

Нет, в запах ила, тины и камней,
Отливом обнаженных, вновь, смелей,
Земная ночь, цветов дыханье лей,
Зова - куда? - несмелым, но как странно
Тревожным ароматом тимьяна.

Разлив лугов. И, черной духотою
 Лесной объятый, раздвигая хвою,
 Меж валунами склона Робин-Хилл,
 Впивая властный шепот сна, без сил,
 Бездумно, упоенно он твердил:

*"Струи серебряной туники,
 Колени белые твои.
 О, эти светлые струи,
 Струи серебряной туники...
 Я видел все, что в чаще дикой
 Угрюмый, старый лес таил:
 Струи серебряной туники,
 Колени белые твои..."*

Март 1950

Питер.
 Ты - шорох мертвых, вздох живых - отмечен
 Во тьме касаньем листьев... Прост обряд,
 Но таинство свершается. Назад
 Не повернуть... Пей посвященья яд,
 Велению судьбы идя навстречу.

Август 1962 - август 1963

*Сном синеглазым зачарован,
 Целован робкою мечтой,
 Я грезил, кажется, тобой,
 Сном синеглазым зачарован.
 Пугливых эльфов робкий рой,
 Мы наяву? Или я снова
 Сном синеглазым зачарован,
 Целован робкою мечтой?*

Март 1951

VI

Питер.
 Лесная тишь застигнута врасплох.

Как липнут паутина и смола...
 Под полог можжевельника, на мох
 Вновь терпкость хвойной духоты легла,
 Чуть сонных соек смолк переполох.

Всевластного безмолвия ему
 Принять благословенье одному
 Дано в бессонной чуткой тишине.
 Вдыхай же прелью пахнущую тьму,
 С безмерностью ее наедине.

Пусть в эту погружаясь глубину,
 Растает очерк наготы... Грубы
 Отчаянья объятья, но в страну
 Запретную - условие судьбы -
 Войдешь ты, все пути назад забыв.

БАЛЛАДА О СЛЕПОМ КАПИТАНЕ

О спасении ночь умолял я, гребя к своей бухте, борясь что есть сил
 Вал за валом из мрака вставал надо мной - я напрасно пощады просил.
 И в отчаяньи брошены весла... Во тьму пенной бездны обрушился гул,
 Раздавил меня шквал, и низринул на дно, и на палубу чью-то швырнул.

Обветшала оснастка старинная, грот
 Излохмачен, и вахтенных нет.
 Ржавой цепью прикован к штурвалу, скелет
 Бриг сквозь бурю, осклабясь, ведет.

Неподвижен старик-капитан, обратив
 Взгляд невидящий в черный простор.
 Ветер вечных скитаний над ним распростер
 Крылья - с карты все курсы смести.

Навсегда,
 Без конца этот путь...
 Берегов безымянных должны промелькнуть
 Ожерелья огней - города...
 О, мой остров,
 О, мой дом,
 В пене волн -
 Кольце седом.

Гул прибоя -
Зов глухой...
О, далекий
Остров мой...

Навсегда
Все забыть я готов,
Нет, не розовый вереск на склонах холмов -
Облаков то закатных гряда.

Крыши пагод, атоллы, лагун зеркала,
Каноада ревающих широт,
Хор гудков над Каналом, беззвучный полет
Сквозь туман, льдов промозглая мгла...

Пусть, как сны, огоньки проплывают земли.
Равнодушен к их зову, гляди,
Как мерцает ночной океан впереди,
С небесами всезвездными слит.

Позабыты мольбы о спасении - ночь беспощадна - и мне на найти
О, мой остров, мой дом, тебя в пенной кайме... Что же - все вдохновенны пути,
И отброшены ль весла, на звездное дно ли мечты погружается лот,
Бог - вселенной ослепший старик-капитан - нас по памяти старой ведет.

Август 1963

Питер.

Чернеющий пещерами обрыв
Уходит в тьму над чащею глухой.
Тяжелыми ветвями елей скрыт,
Врос в землю кромлех*... Смутный миры
Былого вновь воскрешены ночной

Жестокостью - и древний сумрак дик.
В нем затаился смертью каждый куст,
В нем тоненьких костей так жуток хруст.
Вот - слабый писк, и жадный, хриплый крик...
Ждешь откровенья? Мрак бездонно пуст.

* древнее сооружение позднего неолита или раннего бронзового века, из поставленных вертикально в землю продолговатых камней, образующих одну или несколько концентрических окружностей.

БАЛЛАДА-МИСТЕРИЯ О ТАЙНЕ СВЯТОГО ПРИЧАСТИЯ

Сжигаемый неистовою жаждой,
И я, непосвященный, твой покров
Сорвать мечтал, о sacro sanctus*, каждый
Намек ловил бессвязной жути снов.

Неведения пытка внять манила
Молящей черноте глазниц пустых,
Влекла неодолимо властной силой
К предельным откровеньям наготы.

Венчай же, ночь Причастья, годы бдений,
Поста и покаяний! Факельная гарь.
Глух топот ног босых Подземные ступени.
И катакомбы голый каменный алтарь.

* sacrosanctus - священный; неприкосновенный; нерушимый (лат.)

Голос во мраке

(Introit)*

Удалите без промедления
От подножья Распятия
Недостойных. Обряда свершение
избранных лишь в объятия
Примет восторга вечного.
Бренности жалкое платье
Сбросим для бесконечного
Упоенья, презрев проклятие
Убогого воплощения.
Придите, даст ощущение
Пречистого Тела вкушение,
Лжи разомкнет оковы.
Жертвенной трапезы, братья,
Ждите, ждите благого
Чуда пресуществления.

* Introit (от латинского: Introitus, "вход") является частью открытия литургического празднования Евхаристии.

Все близящейся бездны ужас, ликование
Надежды тщетной, иступленный хор немых!
Не все ль, просящие пощады у страдания,
Погребены во чреве алчной тьмы?

Но в стаде, ждущем так покорно жертвы,
Бог - в каждом, приведенном на убой.
В ночи Он воскресения из мертвых,
Он - с каждым обреченным, Он - с тобой!

И в духоте могильной, мраке крипты*,
наплывом дурноты в дыхание толпы -
Вот - приглушенным воем захлебнулся, хрип, ты
Удушья клочкотаньем, бульканьем тупым.

* Крытый подземный ход, тайник (греч.). В средневековой западноевропейской архитектуре - одно или несколько подземных сводчатых помещений, расположенных под алтарной и хоральной частями храма, предназначенных для погребения и выставления для почитания мощей святых и мучеников.

Хор

(Agnus Dei)*

О, непорочный агнец, агнец Божий, невинный,
Во искупление мира кротко прими крещение!
Даруй жизнь без конца нам, даруй нам всепрощенье,
Рденьем рассвета пролейся в гробовые глубины.

Брат с лицом зачерненным да свершает святое
Таинство евхаристии. Благословенны раны
Избранника - припади же к дивной влаге багряной.
Хлебом истины став. слово врата раскроет

Избавленья, исторгнет из ненасытной пучины
Всепожигающей смерти... Мимолетно отчаянье,
Царство Отчее вечно - кротко прими закланье,
О, непорочный агнец, агнец Божий, невинный.

*Агнец Божий (лат.)

Голос во мраке

Задвинуты все засовы,
 Помилованья не будет
 Тому, кто отвергнет Слово,
 В земном погрязая блюде
 И невежестве. Праха
 Удел - гниение - скуден...
 Сакральное яство без страха
 примите, моля о чуде
 Таинства пресвятого -
 В бытии рождения новом.
 Не внявшему зову,
 Осквернителю Дара,
 Поправшему клятву иуде -
 Во веки веков кара,
 И пути нет иного.

Всю жизнь ждать мига звездного прозренья,
 Ожесточась в упорстве, всеблагодой
 Ждать вести, червем быть в зловонье тленья
 И бредить красотою истины нагой -

Все - чтобы в безысходной тьме обедни черной
 Агонии был всхлипом прерван чей-то крик,
 И я, давась кощунства спазмой тошнотворной,
 К бессильной, срамной дрожи теплоты приник?

Разгадка изуверски беспощадна - ясен
 Смысл бытия, открывший грубо вдруг
 В убоины глотке - бесстыдном мясе
 На человекожертвенном пиру.

*Хор**(Agnus Dei)*

Нет, в золотом ковчеге со Святыми Дарами -
 Только хлеб! Нет - вино лишь драгоценное в чаше!
 Соединимся в светлом уповании с нашим
 Господом, радость бессмертья в Его праведном храме.

В розах благоуханных, агнец, купайся смиренно.

Пусть сокрушится тело - сосуд горшечника - кости
 Наши рассыплется, плоть, как вода, прольется, но в гостии*
 Животворящей - залог обретения сути нетленной!

Скорбящие, возликуйте! Грозным проблеском молний
 Сакристия** озарится... Верьте, спасенье возможно!
 Блаженство суля нищим духом, отчаявшимся, ничтожным,
 Гряди, о Создатель, и высший сердца благодатью наполни.

*Хлеб в виде маленькой лепёшки в католицизме, англиканстве и ряде протестантских церквей, используемый для таинства причастия.

**У католиков - название части храма сбоку или впереди алтаря, в которой находятся принадлежности культа, а также и библиотека, если для нее нет другого места.

Так вот оно - последней глубины Причастье?
 Так духа страстный зов - волчонка в полночь плач,
 И с дискаса* вкусить всю полноту дал счастья
 Уже сакрификус** нам - пастырь и палач?

Нет. Мне смирения не обрести в позоре
 Бесцелья дикого соитий и смертей.
 гримаса хаоса безмозгла - но моей
 Мольбы о слепоте не будет в общем хоре.

И пусть нет ничего распятия суровой
 Всезнания: прошептать дано с креста
 О том, что солон вкус горячей крови,
 Что чернота глазниц - пуста.

Июль 1965 - ноябрь 1966

*Один из литургических сосудов (в православной церкви)

**Рекс сакрификус - должность, установленная римлянами и греками после отмены царского достоинства для обозначения жреца, заступившего на его место.

Питер.

Так этой ночью заводи реки
 Таинственно темны и глубоки,
 Воды и сена сонный аромат
 Тяжел... Хвощи и папоротник спят,
 И шороха полны лишь тростники.

Излучина... Не в этих ли краях
 (Возня в траве - полевки ли? ежа?)
 Когда-то Белый Кролик пробежал...
 Вот он - с часами! - страха не тая,
 Бормочет: "Поздно - бедный, бедный я..."

А на полоске чистого песка
 У берега - не то ли, что искал
 Ты - вязь следов узорная. Близка
 Сегодня явь мечте, и темен круг
 Травы густой, и ждущий замер луг:

Ведь на звенящих крылышках стрекоз
 Здесь раз в году... Ложись на мох (зарос
 Провал трясины, чья мертва вода).
 Так внятен шепот ночи иногда...
 Ты слушаешь? Жесток прозренья дар.

БАЛЛАДА О МОЛЧАНИИ ПРОВИДЦА

Ожерелье желтых камней	на его груди.
Жезл оленьего рога	стиснут в руках...
В темную зыбь Океана	снова лады

Время ль двинуть с песков?	В скалах и льдах
Холодный туман	приглушает крики и звон
Секир о секиры и стоны.	Мечутся в страхе

Чайки крича,	и рвутся морские кони
Грудью в кипящую пену.	Путь - на Закат.
Путь кита и нарвала,	жестоких погонь.

Пусть говорит Прорицатель:	будет богатой
Снова добыча?	Или досыта волки
Трупов нажрутся,	поднимется брат на брата?

Сказитель-ведун,	светлый избранник, умолк;
И старейшины ждут:	новые жертвы нужны ли?
Замерло племя.	Безмолвия ужас долог,

Провидец молчит -	и все в ожиданьи застыли.
-------------------	---------------------------

Ветви омелы трепещут, В берег желанный	невнятно шурша... врежутся ль острые кили,
Берег удачи? Один между всеми Судьбы времен	Воины ждут, не дыша. во власти он темных снов, в пророчествах грозных решая.
Открой нам - обилен ли Внятен тебе Что же в молчаньи Провидца - шепот богов?	будет осенний улов? язык облаков и рыб...
Пива ли в чашах шипенье? Жертвами сыт,	Уключина скрипы? северный ветер охрип:
Не все ли пути - Устало Провидец молчит Горечью полон:	по темным валам на Закат? давней своей он, полубог, рад
Был бы отдать И дар вдохновенный, За объятие женщины	ожерелье желтых камней угодный суровым богам, и за возню детей,
Как у всех - копошащихся	возле его очага.

Август 1962

Питер.
О, что сравнится с нежностью оков...
Или причастьем бытия одна
Покорность губ любимой нам дана?
Гляди сквозь сон - пронизана до дна
Река сияньем - звезд ли?... светляков?..

Август 1965

ТРЕТИЙ ХОР

*... И если соком этого цветка
Мы смажем веки спящему...*

Шекспир «Сон в летнюю ночь»

НОЧЬ:

1.

Посмотри мне смелее в лицо, загляни мне в пустые глазницы,
Покрывало созвездий подняв: только путь из Ничто в Никуда,
Я праматерь отчаянья – пусть саван мрака припудрив, кружится
Рой убогих пылинок во мне, мимолётных миров череда.

Лишь однажды даётся тебе проклинать маргиналии Ночи
В Книге Небытия – не понять, позабыть их – не худший удел...
Всё рождённое мною – моё: хоровод ли мигающих точек
Первородную тьму пустоты на мгновенье надеждой согрел?

Или вспышки мгновенные звёзд – не случайная рябь на пучине
По пути из Нигде в Никогда? Посмотри же смелее в меня,
Прочь оковы пространств и путей, цели или бесцелья личины,
И я стану тобою, тебя, точно равного, молча обняв.

Июль 1958

РЕКА:

1.

Ты разве не слышишь мой медленный шёпот, и вздохи, и плеск – Тишина
Без них ведь мертва... И я тоже металась, томящих предчувствий полна,
И билась о камень, крича и бунтуя... Зелёной каймою лугов
Одевшись, устало несусь к океану груз вечно несбыточных снов.

И нам не вернуть ни мгновенья, ни пяди плывущего берега, нет,
В камыш будь он спрятан, песком ли усыпан, в гранит человеком одет...
Всегда – только дальше, всегда – только мимо холмов и пасущихся стад,
Излучин, мостов... Ничего не удержишь, ничто не вернётся назад.

Пусть юности бурный поток (ведь над устьем – бессилья седого туман)
В ущельях гремит валунами – песчинку, и ту отберёт океан...
Веками лепи рукава и протоки, цепочки ласкай островов,
Трудись, и твори, и люби, и лелей – ты не сохранишь ничего.

1958 - октябрь 1960

ХОР ЗВЁЗД:

1.
 Разве тебе не дано эти знаки всезвёздной
 Тьмы разгадать – пусть мгновенны в ней проблески дня...
 Что сны Земли, если бдение вечности грозной
 Властно зовёт, первым, робким прозрениям вняв!

Смело расторгни объятия жадные плоти.
 В каменных сотах безглазой личинкой толпы
 Быть ли тебе? Даже тварям в зловонном болоте,
 Тусклым зрачкам их мерцали уже мы, скупы.

Цифр и стихов пусть о Ночи твердят откровенья...
 Что ж! Нашей вечности хватит с избытком борьбе
 С логикой тьмы. Разомкни нежных, лживых рук звенья:
 Дальних миров просыпается шёпот в тебе!

Март-ноябрь 1960

ХОР СВЕТЛЯКОВ:

1.
 Замерли
 звёзды
 дремотью
 недвижны.
 Но те же
 они
 светляки.
 Как звёзды
 мгновенны мы
 и непостижны,
 и только
 не так
 далеки.
 Скользнёт
 удивлённая
 дрожь
 отражений
 и в чёрной

утонет
 реке.
 Нет,
 нам не зажечь её:
 света на пенни
 зажато
 у ночи
 в руке.

Март 1960

ХОР ЗЕЛЁНЫХ ГНОМОВ:

1.

Спелые сливы
 Червивы, червивы...
 Все воскресенья
 Дождливы, дождливы...
 Тмином и мятой
 Пахнет примятой
 Травы тёмный круг,
 И нет сомненья:
 Шепчут ночь и луг:
 «Не равны ли, друг,
 Вечность и мгновенье?»

Знать и не знать,
 К себе идти.
 Искать, искать...

И не найти.

Бесплодны все нивы,
 И ласки все лживы,
 Как прикосновенья
 Крапивы, крапивы...
 Раз нежности учит
 Терновник колючий,
 Эту ночь и луг
 Ты, без сомненья,
 Не забудешь вдруг:

Навсегда, о друг,
Нет тебе спасенья.

Лгать и не лгать,
В себе таить
И этим жить...

И потерять.

Ноябрь 1955

ХОР ЧЁРНЫХ ГНОМОВ:

1.

В земной крошечной глубине
Глух и угрюм наш труд –
Звено бесцелия в звене –
Дробим обломки руд.
Тяжёлых, тусклых руд.

Что же поднимешь
И не уронишь ты?
Нетленны одни лишь
Из металлов цветы.

Грешные ласки – летом
Пахнут и смертью немой...
А сколько скелетов
Скорчено под землёй!

Врубая в чрево грубой тьмы
Потайные пути,
Не от себя самих ли мы
Пытаемся уйти?
Не от себя уйти?

Май 1960

ХОР ЭЛЬФОВ:

1.

В чаще уснувших трав
 Мы с тобой до утра, до утра.
 Разомкни тугие колени
 Вечности вождлений:
 Только тебя не изменит
 Власть над бегом мгновений.

Ты получишь своё сполна:
 Просторы Ночи безбрежны,
 Но встречи в них неизбежны.
 В кайме прибоя твоя страна
 И вся звёздная тьма до дна
 Станет тебе тесна.

В публичном аду вселенной
 О таинстве сокровенной
 Встречи с собою – о том
 Знать не должен никто.
 Прощена не будет измена:
 Слепоты расплата мгновенна.

Заклятием власти своей
 Возлюбленную посмей
 Отнять у мрака. Смелей
 Веди её – ты сможешь,
 Поэт немилостью божьей!
 Не оглядывайся, Орфей!

Призваний иных убоги
 Соблазны. Обетам строгим
 Верен, в грязи дороги
 Точно плащ, расстелить под ноги
 Королеве юной спешу
 Всё богатство немой души!

Апрель 1960

ВЕТЕР:

1.

Не дышит
Молчанье...
Чуть слышным
Шуршаньем

Родившись в смолистой
Лесной духоте,
Взлечу я со свистом
Навстречу мечте.

И, горькою солью чужих побережий
Швыряясь, обрушу мятущийся шквал.
Ты слышишь – в тумане Канала всё реже
Сирены – за валом темнеющий вал

Я вздыблю, и в грохоте волн, нарастающем вое и гуле
Примчу лязг железа и мощи, взбесившейся в дюнах. Раскат,
Крик чаек, шипенье песка в костяках и хихиканье кули*,
Портовых притонов угар, тленья сладкий, удушливый смрад.

Так держать! Так держать! Это зов,
Это бантинга плещет лоскут –
Обрывками яви и снов
Порывы мои несут.

Северный – снег и стужу,
Джунглей миазмы – южный,
Стадный топот – восточный,
Западный – шёпот ночи.

Октябрь 1960

*Кули – наёмные работники, батраки.

ШЁПОТ ТРАВЫ:

Я старше тиса, и дуба,
И терновника. Так моя
Ласка укромна в грубом
Мире... Слез не тая,

Прильни щекою горячей
 Ко мне, мною дыша.
 Ты узнаешь – нельзя иначе –
 Я, этой страны душа,

Тобою была, ты – мною
 Станешь – всего бытия
 Тайны в былинке скрою.
 Уходит всё. Остаюсь я.,

Старше тисса, и дуба,
 И терновника... Рождены
 Все твои сны в мире грубом
 Душой этой страны.

Октябрь 1960

ВЕТЕР:

2.

Слушай лишь мой дикий
 Властный голос владыки...
 Я – хриплый владыка далее:
 Тревожно в туманном Канале.

Кричат корабли – это зов!
 Знаки гаснувших румбов опять
 Вспыхнут. Мёртв капитан – ты готов
 За него – так держать? Так держать!

Багровое Солнце-убийца из чёрной трясины
 Всплывает, и мангровой топи* пузырится гниль...
 И призрачно тундры сиянье, где снежные джинны
 Кружатся, неся грибовидного облака пыль.

Иди же за мной, хоть по чести,
 Я, дедовских лоций листы
 Лаская, недобрые вести
 Устало несу из пустынь.

Навстречу мечте,
Летевшей со свистом,
В лесной духоте
Умру я смолистой.

Шуршанье
Чуть слышно...
Молчанье
Не дышит...

Октябрь 1960

* мангровые леса или топи типичны для прибрежного мелководья и приливных зон тропиков.

ХОР ЭЛЬФОВ:

2.

Нет, не будет отныне,
Избранник, иной тропы,
Иного пути в пустыне
Тебе – в пустыне толпы,
Бьющей потоком слепым
О власти и Долга столпы.

Будь верен ему – то лучший
Из всех блестящих путей...
Причащённый бездонной круче, -
Что рождает в душе твоей
Серебристой каёмкой тучи
Клубящийся хаос созвучий?

Сорви роковой цветок
Бессмертия – ты обрёк
Себя загадке проклятой,
Вечной жажде мук, одиноков...
Поэт и Мидас, расплата –
Мёртвое золото строк.

Всё обрести в потере
Всего, ритм соразмерив

Яви и сна. Химере
 Одной наяву и в бреду –
 Словам, а не жизни – верен,
 Ты будешь, как Дант, в аду.

Апрель 1960

ХОР ЧЁРНЫХ ГНОМОВ:

2.

Сочится в темноте вода,
 Трещит и гнётся крепь.
 Верна дорога в никуда,
 Тяжка бесцелья цепь.
 Как сбросить эту цепь?

Прижми-ка ухо
 К земле, ещё тёплой, - вот,
 Слышишь, стучат глухо
 Молоточки бессонных забот.

Самородки и клады,
 Жилы, мерцанье камней...
 Тебе золотой не надо
 Цепи? Она тяжелей.

Упорно камень мы дробим,
 Неверие тая:
 В могилу разве лечь двоим?
 У каждого – своя.
 У каждого – своя.

Май 1960

ХОР ЗЕЛЁНЫХ ГНОМОВ:

2.

Полны наши травы
 Отравы, отравы...
 Смерть и рождение

Неправы и правы.
 Мятой и тмином
 Пахнет невинно
 Некошенный луг,
 И, без сомненья,
 Нет вступившим в круг
 И тебе, о, друг,
 Навсегда забвенья.
 Брать и не брать,
 Сказать «прости»,
 И обрести.

И тщетно ждать.

Закаты – без славы
 Кровавы, кровавы,
 Восходы смиренья
 Бесстыдно лукавы.
 Колючий терновник –
 Нежнейший любовник,
 И к чему сомненья,
 Раз твердят вокруг
 Ночь, река и луг:
 «Одного, о, друг,
 Ложь и правда звенья».
 Быть и не быть,
 Сметь и не сметь...
 Дерзнуть и жить,

И умереть.

Ноябрь 1955

ХОР СВЕТЛЯКОВ:

2.

Медлит
 всесильная
 тьма
 милосердно.
 Угаснуть

ещё
не пора...
Таясь
и дрожа,
домерцаем
усердно
мы, звёзды и ты,
до утра.

Зажги
огонёк
мимолётно
и кротко
и гасни,
робея,
вот так...
Мигни
на лету
искрой жизни короткой
и падай
покорно
во мрак.

Март 1960

ХОР ЗВЁЗД:

2.

Тления пленник, в земном шевелящийся прахе,
Взвесить сумей мирозданья светящийся груз
И, соразмерив творенья и спадов размахи,
Шквалы огней влей в узоры надхаосных уз.

Бренности след – на песке побережий вселенной –
Этого мало? Галактик – песчинок удел
Сыпаться, тихо шурша, но сияющей пеной
Звёздный прибой созиданья во мраке вскипел.

Все ли планеты пульсируют в мудрых ладонях,
Слабо светясь? Овладей тайной тайн, сердцем снов!

Где же пределы – пусть Ночи провал всё бездонней –
Смертью рождённый, ты слышишь? Мы – вечности зов.

Март-ноябрь 1960

РЕКА:

2.

Во мне отражён искажённо и зыбко, созвездий скользящий узор
В немых иероглифах со светляками ведёт затянувшийся спор
О замках, смотрящих в меня, и о сточных канавах, о том, что дано
В пути от истока до дельты так много, так мало нам дел или снов...

Не видит ли каждый что может – ангары, цистерны и трубы – один,
Другой – колыханье осоки, болота да насыпи старых плотин...
Но будь то аббатства замшелые стены, круг тёмной трубы на мысу,
Гул доков, огни деревушек забытых – с собою я что унесу?

И берег в меня всё глядит и глядит, моим шёпотом заворожён.
Кувшинки, беззвучные тени форелей и гром городов – словно сон.
Туда, где все встретятся реки, где будут окончены все пути,
Сквозь шлюзы ночей или дней – только мимо – должны мы, должны мы идти.

1958 – октябрь 1960

НОЧЬ:

2.

Чуть лагуны архейских морей помутнели и, солнцем согрета,
Породила тебя эта муть – ты в лицо мне взглянуть обречён
И постигнуть бездонность того, куда брошена слепо планета.
Так смотри же, смотри же, шепча торопливо обрывки имён.

Ночь мне имя, прозревшая слизь! Никого нет сейчас между нами,
Мироздания очередной – и не слишком удачный – венец...
Что ж пределы распада объять не спешишь ты, пока в моём «амен»
Не угаснет галактик разбег, чтобы кануть в ничто, наконец?

Ноябрь 1960

ХОР ЭЛЬФОВ:

3.

Даровано будет спасенье
Лишь тебе: ветер, ночь, река
Или звёзды – равны в веках
И мгновенных вспышках прозренья.
Всё – в тебе, ты – во всём, пока
«Живи» любая шепчет строка.

Будешь ты похоронен
В пышной гробнице слов?
В безысходном крике агоний
И страсти заветном стоне
Будь одно услышать готов –
Отзвук надмировых гармоний.

Гномы роют могилу, и твой
Очаг остывает пустой,
И тесны оковы объятий:
За призванье – самим собой
И пылью звёзд золотой
Плати, пленник amor fati!*

Апрель 1960

*Amor fati (лат.) - любовь к року. Выражение стоиков. У Ницше - радостное принятие судьбы сверхчеловеком.

Питер.

Это бред? Это явь? Илия,
Всплеск прозренья – в Море Снов
Каплей трепетной влиться готов,
Причащён тайне тайн бытия?

Октябрь 1960

ХОР ЭЛЬФОВ:

4.

Статуй глазницы пусты?
 В словах нет магии? Хора
 Красок не слышно? Без спора
 Улыбнись: не дана всем взорам
 Тайна девственной красоты,
 Бытия *sancta sanctorum*.

Если исхода нет,
 Если борьба напрасна,
 И последний попран завет,
 И последний погашен свет –
 Ты будешь спасён, поэт:
 Тайное лишь прекрасно!

Только ты не отдашь
 Тьме всего – повторяя
 Шёпот её... Нагая
 Жизнь зовёт, но из рая
 Изгнан, тверди: «О, майя...»
 Навсегда только наш.

Ноябрь 1960

**sancta sanctorum* (лат.) – «святая святых»

НОЧЬ:

3.

Робкий трепет рассвета, едва приподняв чёрной мантии полог,
 Умирает... В лицо мне смотри, точно равный: умеешь ли ты
 Знаки мегамиров прочитать – вздох стигийского ужаса* долог,
 А разгадка всех Млечных Путей – лишь могильное «нет» пустоты.

Ноябрь 1960

* олицетворение первобытного ужаса и мрака, из которых возникли первые живые существа, и в то же время персонификация одноимённой мифической реки Стикс.

Жаворонок (взлетая):

День, день!

Свет, свет!

Жизнь – счастье,

Жизнь – радость,

Жизнь – вечность!

Ночи

Нет.

Прочерти, прочерти в темноте ночи чёткую чёрточку,

День, день!

Ярко, день, день,

Брызни, день, день,

Солнцем , день, день!

Жизнь, жизнь!

Свет, свет!

Песнь – счастье,

Песнь – радость,

Песнь – вечность!

Смерти

Нет.

Февраль 1959

*Я был ребёнком, ребёнком она
В Королевстве за далью морей...*

Э.А.По «Аннабель Ли»

УТРО

Несмелых губок лепестки

И нежный холод поцелуя...

Я зачарован? Наяву я

Несмелых губок лепестки

Познал, робея и ликуя?

О, над пустынями тоски

Несмелых губок лепестки

И нежный холод поцелуя...

VII

Питер.

Сон. Утро. Явь. Туман ещё не тает.
«О чьей-то чистоте погибшей в тщетной
Тоске цветы...» Но ярче золотая
Черта над чёрным лесом, и в рассветной
Мгле жаворонок зазвенел, взлетая.

Волной, бегущей в вереске, темнея.
Меж глыб заросших ветерок наваял
Душистой рутой, клевером и мятой.
И боль самозабвенья всё острее
В душе, прозренья ужасом объятой.

Ты больше никогда не будешь прежним...
Но голосами горлинок струится,
Синея, утро... Глубине безбрежной
Небес, овсянки пенье и синицы
И макам верь, алеющим в пшенице.

ДЕЙСТВО О РАБСТВЕ (баллада-миракль*)

I

Орудие – это окольный путь к цели.
Джон Льюис. «Человек и эволюция»

* Миракль - средневековые мистерии, сюжетом которых было чудо или житие святого, или чудо Богородицы.

Чуть за синей грядою холмов розовела заря,
Как шагал он, роняя рассветной росы серебро,
По привычке с упряжкой о чём-то таком говоря,

С чем согласие жующих волов – как их рабство старо...
И в прохладной листве просыпавшихся птиц голоса
Этот славили мир, где всегда побеждает добро,

Мир лесной тишины, где душистые травы не зря
Осыпает мерцанием капель дрожащих роса.

Хор птиц:

Хоть песенка проста,
Но радости полна.
Из каждого куста
Несётся пусть она.

Немного нужно слов:
Я – пеночка... Конёк...
Зарянка... Реполов...
Я – «крошка-королёк»...

Простым, как зяблик, будь,
Бесхитростным, как дрозд...
Сиянье меркнет дня –
Не страшно нам ничуть.

Едва закат угас,
Тьму ночи не кляня,
Уснём в тепле мы гнёзд,
И Бог глядит на нас
Очами кротких звёзд.

Творец:

Мир дивной красоты
Из тьмы небытия
Не для тебя исторг,
Исполнен блага, я?

Что не ликуешь ты,
Но, свой удел кляня,
Со мной вступаешь в торг
И ропщешь на меня?

Так воды рек чисты
И свеж лесов убор.
Своей хвалы восторг
В земной вольёшь ли хор?

Адам:

Господь, я – человек...
Простёртому в пыли
Дано ль блюсти вовек
Красу твоей земли?

Запреты чтить готов,
Но как мне есть и пить,
При том «Не рвать цветов»
И «воду не мутить».

Взгляни – я жив едва
От голода, ей-ей.
И так трудны слова
Мистерии твоей!

Дьявол:

Изрядно пышен реквизит,
Да вот скудны харчи.
Твердя свой монолог, ползи,
А в животе бурчит.

Хоть недурна игра –
Неблагодарна роль.
И пьеска-то стара...
Мне подсказать изволь:

Ужели спину гнуть
Тебе не надоело?
Пойми: прогресса суть –
Замена Слова – делом.

Копни поглубже – уголь там
И руды под тобой...
Лесных же декораций хлам,
Старьё, и глушь, и птичий гам
Со сцены – понимаешь сам –
Пора бы и долой.

II

*Светил ли сквозь туман и дым
 Нам лик Господний с вышины?
 И был ли здесь Ерусалим
 Меж тёмных фабрик сатаны?
 У. Блейк*

Чуть за чёрными грудями шлака мутнела заря,
 Как шагал он под копотью дымных небес по золе,
 Одурманен угаром, оглохнув от лязга, творя

Мир грядущего счастья на выжженной, взрытой земле,
 Где мазутные реки текут между груд кирпича
 В мутных отблесках домен, в бензиново-угольной мгле,

Где над строем железобетонных скелетов не зря
 Тучи смога повисли, отравленной слизью сочась.

М-р Джи:

Что сделал ты? Моя
 Земля осквернена.
 Отчаянье тая,
 Ждёт гибели она.
 Хор голосов земных
 Из дымной глубины
 Зовёт пустую тьму.
 Но глухнут все мольбы:
 Кто Слово Слов забыл –
 Творцом не быть тому.

М-р Адамс:

Задыхаясь и корчась,
 На камнях мостовых,
 Прокопчённые клочья
 Я выхаркал лёгких моих.
 Но – пути не короче...
 Теперь – лишь бы затих
 В железной утробе ночи
 Вопль гудков заводных.

Боже! Во-первых, нет мочи,
Есть ли Ты – во-вторых...

Хромой Джентльмен:

Механике судьбы
Безмозглой, но бесспорной,
Как мог, ты верен был.
И – знака ждут покорно
Железные рабы.
Прогресс неотвратим:
В техническом экстазе
Всем сердцем чти своим
Материальный базис
И победиши сим.

III

*Он начинал смутно понимать, что жить
означает не столько что-то делать, сколько чем-то быть.
Р.Олдингтон*

И железные лапы со скрежетом робот согнул...
Выполняя последнюю волю хозяина, он
Его нёс по цементной пустыне сквозь грохот и гул

В мир лесной тишины... Ароматом смолы напоён,
Дремлет лес, и пронизана солнцем зелёная мгла...
Что ж, лежи, пенью птиц о свободе внимая сквозь сон.

По стеблям земляники и хвое опавшей скользнул
Луч последний, и тень на лицо его тихо легла.

Te Deum laudamus
Explicit miraculum*

*Тебя, Бога, хвалим, Чудо явленное.

Февраль 1966

Джен.

Пусть затаились глухо тени ночи
 В низинах – всё смелей дрозда-флейтиста
 Напев... Она растеряна не очень,
 Почти совсем не плакала... А впрочем,
 Что это Холден всё твердит: «Нечисто

Здесь дело, мисс... «К ним» ревновать напрасно,
 Но – не вернулся Пит к утру... Случайным
 Мы всплеском неизвестности бескрайней
 (Итак, вам в Лондон, мистер Уэст?) так властно
 Нас иногда захлёстывает тайна...

ОТЧАСТИ АПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА О ЗАДУМЧИВОМ ПОЛИСМЕНЕ

Мановением кротким и властным
 Обезумевших людей и автомобилей
 Хаос он умирят бесстрастно,
 Возвышаясь один над Пикадилли.

Отделяя тьму от сияния зыбких
 Миров, застенчивый полисмен и поэт
 Уже провидел в Первой Ошибке
 Залог бессчётных «Да будет свет!»

И, покорные вседержителю – бобби,
 Кружась, рекламы над каской его
 Пригоршнями светящейся дробы
 Покорно сыплются в Ничего.

Там, над прибором огней бесконечным,
 Едва приметными знаками возмездья –
 Он видит – ждут несимметричные созвездья,
 Безуспешно рекламирующие вечность.

Март 1961

Питер.

Джен

Летят лесные голуби... В дрожащий
 Росистой паутиной сумрак чащи
 Скользнули эльфы. Миг ещё – и брызнет

Сиянье дня... Спешу навстречу жизни,
Отпрянув от провала тьмы. Всё чаще

Посвистывают ржанки. Как пощады
Ты смел у ночи не просить, окован
Дозвездною, бездонной жутью Слова,
В ревнивой глубине немого взгляда
И теплоте дыханья той, кто рядом?

Вот. Встреча робких рук. И всё смущённой,
Впивая наслаждение, ладони
Скользят... О, губы, что она – бездонней
Ли вечности несбыточной глубины
К твоим прижала, голову закинув!

Но дрожью слитых уст – последним даже
Нестыдным вздохом – никогда не скажешь
Ты ничего. Ни смерти нет, ни тленья, -
Как наготы ни нежно откровенье, -
В Эдеме только до грехопадения.

БАЛЛАДА О НЕИЗБЕЖНОСТИ ГРЕХОПАДЕНИЯ

Их было двое, только двое на Земле...
«Взгляни, как эти соблазнительны плоды», -
Прильнув к нему, шептала Ева. Млел
Простак Адам, отнюдь не видя в том беды.

Не трогательна ль парочка была,
Когда в укромном уголке постичь
Старательно пыталась суть добра и зла?
Но жаль, накрыл их слишком поздно Старый Хрыч.

Так райского был сада
Чудесен аромат...
Но плод запретный сладок –
И нет пути назад.

Достаточно им было яблока вкусить,
И Каин Авеля убил, и – что за чёрт! –
Не дали трупу мы его остыть,

Пока наш род с лица планеты не был стёрт.

Всё очень просто: взрывы, пепел, дым,
Агонии в отравленной пыли...
Не мне, не вам – на дальнем острове – двоим
Дано было спастись надеждою Земли.

Садов былых так сладок
Был грешный аромат...
Из атомного ада
Нам нет пути назад.

И снова двое, только двое на Земле
«Взгляни, как эти соблазнительны плоды», -
Прильнув к нему, шептала Ева. Млел
Простак, пока не видя в том беды.

Октябрь 1960

Джен.

Питер.

(«Пусть... будет... всё. Ведь... большее есть счастье?
Ведь есть же... всё?») Покорности немного
Ещё, и напряженья страсти строгой.
Взлёт исступлённой жути у порога
Свершенья. Юность, жизни пей причастье.

Октябрь 1966

ВЕЧЕР

*Ты будешь жить, земной покинув прах,
Там, где живёт дыханье – на устах!
Шекспир, сонет LXXXI*

VIII

*В прибойный гул тысячелетий
Да женщины и твоё Нет*

*Навеки врезаны. Ответ
В прибойный гул тысячелетий
Ты бросишь – викинг и поэт,
Пусть, хохоча, швыряет ветер
В прибойный гул тысячелетий
Да женщины и твоё Нет.*

Сентябрь 1947

М-р Уэст.

Питер.

Джен.

Что к вечеру, пожалуй, будет ветер,
Взглянув в окно библиотеки, Па,
Что им пора, пожалуй, он заметил.
Чуть суховата речь. И чуть скупа.
Пора в собор. Итак, недели эти

У Роддов позади. Мерцает кожа
Старинных переплётов, тускло множа
Тиснение золотое за стеклом.
Так чья же мудрость, вдохновение чьё же
Из пламени спасёт последний том?

У бытия пощады не проси:
Её не будет. Лжив или оболган,
Но мир – убийца. Не тверди без сил:
«Средневековье – это ненадолго...»
Ты выживешь. Но если верен долгу.

БАЛЛАДА О МЁРТВОМ КАПИТАНЕ

...людей ценой...

4.4.40

Недвижен был Капитан
Там, наверху, один,
Руки скрестив на груди,
И крючья впились в борта.

Клинков удары в дыму,

Добиваемых вой.
Он там, над тобой,
Неведомы одному

Страх и сомненье. Атак
Захлебнулась ярость в крови.
Зови же его, зови:
Бой проигран... Где знак

Сдачи? Жизни вручим
Врагу – в трюме вода,
Рухнули стены... Сдан
Корвет? Капитан молчит.

Видно, в море безымянном час пришёл (ты видишь сам –
Чужд узор созвездий странных) нам познать бессилья срам
И под вопли ликования чёрной банды воровской
В час позора, час страдания, ждать с предсмертной тоской
В дымном отблеске пожара – нет, не отвратив лица, -
Милосердного удара лезвия или свинца.

Кончена битва. Дым
Рассеялся – ты готов
Услышать туземной орды
Торжествующий рёв?

Отступая за шагом шаг
По телам убитых – гляди:
Королевский плещется флаг
И, над нами, один –

В кресле своём капитан
Недвижен. Или – не всё
Потеряно? Или – к бортам
Оттеснить их... Или – спасён

Корабль? И – дрогнул сброд.
И в шквала кипящий мрак
Мы прорвались вперёд,
Потому что держали так.

Грозен бег чужих созвездий... Что ж, Судьба всегда права:

Воздаянье и возмездье – о прекрасные – слова...
 Капитан! Не лжёт ли маклер жёлтый? Выгоден ли фрахт?
 Дерзкий курс проложен так ли в мёртвой тьме бессонных вахт?
 Ты, не знающий сомненья (с пулей снайпера в груди
 С первых же минут сраженья), нас к победе приведи!

Июль 1968

Питер.

Джен.

М-р Уэст.

Куда, над самой проносясь дорогой,
 Не в Элсбери ли ласточки спешат?
 О, шёпот эльфов о Пути... Не к Богу
 Ли каждый? Но – завесы снов не трогай,
 Как ни полна любимой душа,

Как ветер ни влечёт за валом вал
 В несбыточное... Плен призванья нежен
 Навеки. Болью тайною всё реже
 В призыве долга, слышимом едва, -
 Прибойный гул далёких побережий.

БАЛЛАДА О КРЫСОЛОВЕ

I

*За мной, товарищи, вперёд!
 Вонзите зубы в пол и в двери.*

Г.К. Честертон «Перелётный кабак»

Что ж, иди, как по улочке Гаммельна встарь,
 В пёстром платье, бродячий флейтист.
 Подними свою флейту с улыбкой, дударь, -
 На призывный и вкрадчивый свист.

Отзовётся подполье глухою вознёй.
 Он ворочался, скрёбся, он грыз
 Нас всегда, загнан в тьму подсознания, немой

Срам, чтоб хлынуть лавиною крыс.

Время ждать. Время властвовать есть у судьбы.
Срок людской и крысиный есть срок.
Остромордою злобой распластан он был
Для прыжка, этот серый поток.

Вот – шуршаньем и писком великий поход
Захлестнул стены, лестницы, рвы...
О сырах и копчениях флейта поёт,
О колбасах в чужих кладовых,

И о сально лоснящихся окороках,
Что так низко в тех странах висят,
Где пора наплодить миллионы крысят...
Везер*, старая, ждёшь ли река?

Ползут из каналов, и доков, и складов
И сточных канав, и восточных предместий,
Чумною заразой дыша, трупным ядом,
Трущобные крысы... Полно этих бестий.

Везде – на причалы скользят по канатам,
Чтоб шмыгнуть в пакгаузы к новым крысицам;
Так властно им флейта поёт о крысятах:
«Плодиться, плодиться, плодиться, плодиться...»

Вгрызаются в щели, врываются в окна,
Ни вас, ни меня не боятся ничуть.

*река в Германии, текущая в северном направлении, пересекая Немецкое среднегорье
и Северо-Германскую низменность.

Вот – близится шорох, настойчив, жесток... Но –
Ждёт Везер: крысиный удел – утонуть.

Река времён, река времён!
Порою дико отражён
В тебе наш берег: словно сон
Дурной, плывя, кривится он,
Тяжёлой зыбью искажён,
Чтоб кануть в глубь реки времён.

II

*«...И всё это с какой-то непонятной,
необъяснимой жестокостью»
Рэй Брэдбери. «Детская площадка»*

Кто б ты ни был, флейтист, право, каждый узнал
В твоей песенке голос судьбы.
Мы заплатим тебе, мы заплатим сполна,
Чтоб сюда ты дорогу забыл!

Но всегда возвращается к нам Крысолов –
В Гаммельн, Ольстер, (порой – в Девоншир).
Что за крысы теперь выползают на зов
Изо всех подворотен и дыр?

Топот маленьких ножек, и гомон, и смех.
Тут ничем не помочь, не помочь...
Простодушно-жестокая, вновь без помех
Песня жизни уводит их прочь.

Древней, грубою нежностью опьянены,
Раскрасневшись, с чужим блеском глаз,
В край, что смутно-бесстыдные тайные сны
Им сулили, уходят от нас.

Дети, больно толкаясь, крикливой гурьбой.
Наша улочка им так узка.
О, конечно, Дорога зовёт их в века,

Уж наверное – не на убой.

С пинками и визгом мальчишки, девчонки,
Болячки сдирая, бегут, строят рожи.
Их локти тверды, груди – точно бочонки:
Пусть каждый вперед протолкнётся, как может

Туда, где пора убивать сколько хочешь,
Где правдашней, правдашней крови довольно...
И грезится: кто-то их стыдно щекочет
И, ножки раздвинув, им делает больно.

Вкусите же сладкого срама раздолье
 Брать всё, что с судьбы причитается, смело –
 От писка – не куклы – над бездною боли
 До пуль – не в игре уж – вгоняемых в тело.

Река времён, река времён!
 Пусть тяжёк над тобою звон
 Полуночи – и этот сон
 Как все: удар часов – и он
 Уже навеки погребён
 Журчащей тьмой реки времён.

III

*«...плясать он не мог и в дороге отстал»
 Р.Браунинг. «Пёстрый флейтист из Гаммельна»*

Оглянись на толпу одержимых, флейтист:
 Это злоба и похоть в бреду
 Иступленья – и дудки пронзителен свист –
 За тобою их властно ведут.

Набухая глухою угрозою тьмы,
 Страх метался, и скрёбся, и грыз
 Своды мальтузианской извечной тюрьмы,
 Чтобы хлынуть лавиною крыс.

И топочут ножонки – туда, о, туда,
 Где не будет зубрёжки, но где
 Мертвяки скалят зубы, горят города
 И стать падалью – слабых удел.

Вволю можно охотиться там и смотреть,
 Что же в плоти таится нагой...
 Упоительно будет добыча хрипеть,
 Слабо дёргаясь... Право, Хромой

Музыкант, хороша песня песен твоя,
 Хоть стара! Кто же там отстаёт?
 Раз уж в пляске нестись за Маэстро вперёд,

Все должны, распевая: «Я! Я!»

Не можешь быть сильным? Не хочешь быть твёрдым?
 И ты обречён. Ты отстал безнадежно...
 Всю жизнь будешь слышать, тая в себе гордо,
 Призывы далёкие флейты тревожной.

Лишь снятся холодная тяжесть металла
 Тебе и атласистость девичьей кожи?
 За громом прибоя – дым дальних привалов
 И смех сыновей, на тебя так похожих?

Так слушай, избранник, - гармонией грозной
 Рождается сфер нарастающий хор
 В тебе – это вечности холод всезвёздный
 Рассвет над тобою, бледнея, простёр.

Река времён, река времён!
 Росой рассветной окроплён,
 Плывёт наш берег... Смутный сон
 Забыт, и розовеет он,
 Чуть слышным шёпотом пленён
 Твоим, река, река времён.

Май 1966

Джен.

М-р Уэст.

Питер.

В темнеющей листве притихли птицы.
 Молчат и двое. Что ж, когда полнится
 Свершившимся душа – и шёпот груб.
 Но торжества всезнанья – дрожью губ,
 Сиянья глаз – опущенным ресницам

Не утаить... Да, верно, сонный город
 Для этих гордых башен слишком мал.
 На золотом прозрачном небе встал,
 В высь уходя закатного простора,
 Какой громадой силуэт собора!

В его тени тяжёлой, в этой чуткой

И мудрой тишине столетий жутко
 О стадном помнить топоте ублюдков,
 Железном лязге. Так ли мы верны
 Камням. Траве. Дождю. Холмам страны,

И пенью птиц её, и старых плит
 «Ніс јасет»*... Раз асфальта не залит
 Последний луг, о Питер, что дороже
 Всего? Так – ехать, Ричард? Но... быть может...
 И – странно Джен? Ты влюблена. Так что же...

*Ніс јасет (лат.) - Здесь покоится.

БАЛЛАДА О ВЫБОРЕ

Ещё над линией холмов была бледна голубизна
 И серебро росы темнело, чуть мерцая – я сознал,
 Как тающий узор созвездий безысходен и суров,
 Как неизбежна нежность эта, глубина её грозна.

Что молчание звёздной всезнающей тьмы,
 Что нам шёпот забытых надгробий и книг,
 Говор волн, кораблей замирающий крик
 И железного хаоса вопль, если мы
 К содроганью трепещущей тайны на миг
 Прикоснуться осмелились, если одна
 Дрожь, и мука, и плоть бытия, и жадна
 Неизбежность, и нежно, изысканно дик
 Тот предел наготы, что безумен до дна,
 До вселенского дна обнажившейся тьмы...
 Это тьма нарастает. И рушится, смыв
 Нас в созвездий узор безысходный. И мы
 В нём. И робость рассвета синеет, бледна.

Был полдень гордости моей. Светило царственное жар
 Струило на веков руины, прах поверженных держав.
 Но ты, Владычица, твердила: «Гаснут крылья кораблей,
 Темнеют берега, и слёзы первых звёзд уже дрожат».

Верность имя твоё, и тверда твоя речь

О посеве столетий, сожжённом дотла.
 На стене крепостной ты со мною была
 До конца, Королева последней из сеч
 И супруга. Недвижны сражённых тела,
 Сыновья наши пали... Будь точен, прицел!
 Не просить нам пощады во вражьем кольце
 Эры, о Королева последней из сеч.
 Ты нас верности вечной сумеешь обречь
 И склониться на мой избавляющий меч
 В полдень гордости нашей во вражьем кольце.

Лишь на последнем берегу погас последний огонёк,
 И вспыхнул холод Зодиака, равнодушен и далёк,
 Как – шёпот медленный в глубинах мрака: только я могу
 Тебе дать вечности познание, вняв скрижалям звёздных строк.

Я ребёнком был, и в зачарованном сне
 Ты шепнула: «Уйдут без тебя корабли,
 Без тебя в Королевство у края Земли,
 И не встретить, - шепнула, склонившись ко мне, -
 Тебе той...» Паруса растворились вдали,
 Островов за морями несбыточен круг,
 И не жду я над пеной валов на ветру
 Больше встреч – только сон зачарованный дан
 И шепчи, что прозрения дар не к добру,
 Что вовеки не будет пощады на дне
 Звёздной тьмы с этой пыткой наедине...

На мече палача разве надписи нет
 «Божья возобновляется милость к утру»?

О, долга плен! О, плен любви! Но предопределён исход:
 Ты избрана из трёх, чьё семя змия голову сотрёт.
 Виденье будешь ты пустыне! Что же – вечности лови
 Неспешный шёпот, помня – беспощаден звёздный небосвод.

Сентябрь 1968

Автор и все остальные

Нерасторжим несбыточного плен.
 В кипение реки всезвёздной дважды
 Не вступишь – так осмелюсь, мучим жаждой,

Её сиянья зачерпнуть однажды –
Отдав себя лишь самого взамен.

25 июля 1967 г.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ БАЛЛАДА АВТОРА О ПОСЛЕДНЕМ КАБАКЕ

Путиами скорбными бредя земного бытия,
Старался должное воздать свиной грудинке я.
Но, подлинная страсть моя, о пиво, только ты
Достойно верности одно, святыня из святынь!
О виски толковали мне: на спор не тратя сил,
Я улыбался и молчал. Я знал. Я пиво пил.

И тайно робкая мечта шептала мне: «Нельзя
Пить что придётся. Верность – вот избранника стезя».

Томимый жаждою, искал я долго. Всё черней,
Мелькали ночи в череде неутомимых дней.
Я позабыл родной очаг, и свой народ (и ту,
Что не могла меня простить), шагая в темноту,
Пока, очистившись душой от скверны зла, не смог
Дверей нащупать кабака во тьме моих дорог.

Поэт не праведник, и без особого труда
Грешить случалось мне с тех пор. Быть трезвым – никогда.

Когда ж покинуть мне придётся наши берега,
Топчась по облакам дурацким – это два шага –
Примечу вывеску «Конец Путей» и курс возьму
К ней, грузно и с изрядным дифферентом на корму*.
С рукой, протянутой над стойкой мокрою, стоит
Всевышний бармен молча: там не подают в кредит.

И, по опилкам звёзд, в Последний, Голубой Кабак
Проковыляв, нашарю я в душе моей медяк.

Февраль 1961

*Дифферент на корму — морской термин, угол отклонения корпуса судна от горизонтального положения в продольном направлении.

Джен.

Холден.

Ну вот и хмельник... Ферма... Норта лай,
И Нора вторит - здравствуй, старина!
Овечий выгон... Кузница... Сарай...
Возделанный - и все же дикий край...
(О нет, не спросит ни за что она

О Пите). Старый Норт совсем охрип.
И неизменно Холдена "мисс Джен".
Кто чист душой - здесь все без перемен -
Тот брауни* услышать робкий скрип
За кладкою сумеет мшистых стен.

* Ближайшие родственники домовых, небольшие человечки, схожие с маленькими эльфами, ростом около 90 сантиметров, с коричневыми нечёсаными волосами и ярко-голубыми глазами.

БАЛЛАДА О БРАУНИ

У брауни, робкого брауни,
Долгою ночью дрожащего -
Мне не солгал он, право, нет
С капюшоном теплого плащика.

Сукна-то всего на шиллинг
(Он настаивал на зеленом)...
Ну как до сих пор не сшили
Брауни плащ с капюшоном!

Он зато никогда не будет
Высыпать золу из камина,
Оставлять на чистой посуде
Следы лапок, и так невинно

Глядеть, как будто не знает,
Кто повыдергал нитки эти,
Отчего поредела густая
Бахрома портьер в кабинете.

Все равно никто не поверит,
Но мне рассказал он, вздыхая

И косясь пугливо на двери,
Что ему молоко всегда я

Оставлял... То старая сага:
Мы вместе очаг хранили
И наш возвращался бродяга,
Обрызганный звездной пылью.

Искателю и охотнику
Теплы были эти стены.
Но вставали из зернышка - сотни
Для жатвы столетий пленных...

Не забуду, доверчивый брауни,
Мохнатые свесивший ножки
С кресла, о плащике, право, нет -
Еще расскажи, ну немножко...

Март 1961

Те же.
Дубовых балок копоть, белизна
Неровных стен... Так значит, допоздна
У речки пропадает мастер Пит?
Над грудой корзин, смеясь, ворчит
Старик: ну, он кой-что давненько знал...

Толкует - в круге, мол, темна трава...
Забавно ей, и не понять никак,
К чему он клонит - и "недобрый знак
Обегать церковь против солнца - вам
Все нипочем", - и как, околдовав,

"Они" исчезнут, "если намекнешь
кому-нибудь... Все это басни, ложь,
О жителях лесов и гор, а все ж"...
Запутан и медлителен рассказ,
И на лице дубленом светлых глаз

Беспомощность - "так это точно, мисс:
Заворожат терновник, дуб и тисс
Не всякого..." А верно: о следах

В излучине реки ведь никогда
Не говорил ей Пит. Что ж, не беда.

ЗВЕЗДНО-СИНЯЯ БАЛЛАДА О НЕДОСТОЙНОМ ИЗБРАННИКЕ

Священные слова таите от людей.
Гюго. "Орфей".

Истину все ту же
Храните, очаг и кров...
Но лунный луг ему нужен
И росы серебро.

Маргарет, что так поздно
Ищет он у реки?
Рассыпались пылью звездной
Гнилушки ли? Светляки?

Вот один, точно камень,
Зажегся в волне волос,
Синими огоньками
В болотную тьму унесся.

И Ночь, над избранником юным
Тихо склоняя снова
Сияние звездной короны,
Шепчет о тайне снов.

Маргарет, поздно ли, рано -
Вы, наконец, вдвоем...
Так ли все это странно?
Не спрашивай ни о чем.

Не рассказать о чуде -
Лишь намекнуть ей -
И навсегда не будет
Дороги в страну фей.

Он не сберег тайны,
Мимо, как все прошел...

В тьме бездонной случайных
Звезд мелок помол.

Капли росы кровавы...
Так утраты остра
Боль, что могильные травы
Не уснут до утра.

Маргарет, лучше было
Скрыть и слезы, и страх,
Раз молчанью учила
Хвоинка в его волосах.

Вот - снова такие
Синие, как тогда,
Болотные огоньки
Не зовут никуда.

Кажется ли? Дрожит
Один из них, так далек?
Молчат, словно чужие,
Папоротник и дрок.

Маргарет, с удивленьем
Смотреть на него не смей...
Твой он. Но нет прощенья
Открывшему тайну фей.

То навсегда живо,
И теперь не помочь,
Так робка и ревнива
Королева смуглая - Ночь.

Все о том же, о старом,
Шепот вечности прост:

"Посмотри - ведь недаром
Мелок помол звезд".

Июль 1962, Манглис

Джен.

Прозрачен золотой закатный свет,

И все синее силуэты гор.

Уже мелькают кролики у нор.

В Долине Эльфов. Веришь, до сих пор,

Что ничего такого больше нет?

Август 1962

КАТАЛОГ АРХИВА К.С. ГЕРАСИМОВА

СХЕМА КЛАССИФИКАЦИИ АРХИВА

Раздел «А» – «Всеобщий Хронолог» (10 тетрадей)

- A1 – Первая тетрадь
- A2 – Вторая тетрадь
- A3 – Третья тетрадь
- A4 – Четвертая тетрадь
- A5 – Пятая тетрадь
- A6 – Шестая тетрадь
- A7 – Седьмая тетрадь
- A8 – Восьмая тетрадь
- A9 – Девятая тетрадь
- A10 – Десятая тетрадь

Раздел «В» – Поэтические циклы (7 тетрадей)

- B1 – Песни моря
- B2 – Jolly Rodjers
- B3 – Эотен
- B4 – Музыка сфер
- B5 – Изольда
- B6 – Шопот песчинок
- B7 – Лики вечности

Раздел «С» – Рукописная книга «Верность»

Раздел «D» – цикл сонетов «Ars moriendi»

- D1 – Первый черновик «Ars moriendi»
- D2 – Второй черновик «Ars moriendi»

Раздел «Е» – Прозаические произведения

- E1 – Воды Леты
- E2 – Воды Леты (продолжение)
- E3 – Стратегия
- E4 – Война на море
- E5 – Первая иллюзия

- E6 – [Синопис повести]
- E7 – [План романа]
- E8 – Черновики двух рассказов
- E9 – Черновик

Раздел «F» – «Books», записные книжки

- F1 – Book 1
- F2 – Book 2
- F3 – Book 3
- F4 – Book 4
- F5 – Book 5
- F6 – Book 6
- F7 – Book 7
- F8 – Book 8
- F9 – Book 9
- F10 – Book 10

Раздел «G» – Поэтические циклы (в виде отдельных листов, собранных автором по названиям циклов)

- G1 Habeas tibi
- G2 Третий Завет
- G3 Посвящение
- G4 Поэзия – акт познания
- G5 Пролог к прологу
- G6 Два мира. Часть 2
- G7 Два мира. Часть 3 (Все подробности)
- G8 Извиняющаяся авторская Баллада о Балладах
- G9 Пролог на Земле
- G10 Из цикла «Голоса»
- G11 In saecula saeculorum (Книга Книг)
- G12 Lumen cordis
- G13 Ex voto
- G14 Три песни Орфея
- G15 In hoc signo
- G16 Листы со стихами, скрепленные скрепкой К.С.Герасимовым
- G17 Судьба
- G18 Архив. Два мира
- G19 Архив. Пролог на Земле
- G20 Архив. Habeas tibi

Раздел «H» – Рукописная книга стихов «Из глубины»

Раздел «I» – Стихи разных лет (на отдельных листах)**Раздел «J» – Научный архив****Раздел «K» - Таблицы****Раздел «L» – Раздел на немецком языке****Раздел «M» - Фотографии***Примечания.*

1. Каждый код соответствует определенной единице хранения, которая указывается в каталоге по названию текста, содержащегося в единице (стихотворного текста, научной статьи и т.д.).

2. В случае, если текст не озаглавлен или документ не является текстом, дается описание документа.

3. В случае, если в описании единицы не указано количество страниц, содержащихся в единице, это означает, что единица хранения представляет собой 1 страницу.

4. Архивные единицы в виде тетрадей и блокнотов с твердыми переплетами проштампованы на первой странице (а не на обложке в виду технической невозможности)

Раздел «A». «Всеобщий Хронолог» (10 тетрадей стихов)**A1****Тетрадь №1.**

Лиловый сборник. Январь 1943 г. – 1944 г.

Содержание:

Застольная

Да здравствуют студенты!

Отчаяние

Перед боем

Экстаз

Надпись на «Трофеях» Хозе Марии де Эредиа

Старый моряк

Обманутый муж. Шутка

GS

Моряк из Перта
 Город в джунглях
 Великий Лес
 Бог – Солнце
 Сон
 Почти шутка
 Незнакомке
 Освобождение
 Таити - Сан-Франциско
 Остров-Корабль
 Sequoia sempervirens
 Осенью
 Victoria regia
 Розайт

Грезы. Февраль 1942 – август 1943 г. (Отдельные рукописные листы, вложенные в тетрадь №1).

- A1-001 Лист с названием: «Грезы. Февраль 42 – август 43»
- A1-002 Грезы
- A1-003 Грезы (окончание)
- A1-004 Impression
- A1-005 Забвение
- A1-006 Забвение (окончание)
- A1-007 Я знаю
- A1-008 Свидание ковбоя
- A1-009 Свидание ковбоя (окончание)
- A1-010 Моей музе
- A1-011 Моей музе (окончание)
- A1-012 Грезы
- A1-013 Грезы (окончание)
- A1-014 Вальс
- A1-015 Печатное изображение: Ширли Темпл в роли «Маленького полковника»

A2

Тетрадь №2.

Желтый сборник. Январь – сентябрь 1945 года.

Содержание:

Странник

Ютландский бой
 Зеленый луч
 Плимут
 Забытый клад
 После сраженья
 Grand-Fleet (Большой Флот)
 Ночная атака
 Пришельцы
 Линейный корабль
 С берега
 Бессмертие
 Гибель корабля
 Третий вал
 Угроза воздуха
 Соперник
 Владычество
 Мальта
 Безмерное
 Познание
 Обратный путь
 Дорога к звездам
 Очарованный берег
 Земля Обетованная
 Признание
 Пророчество
 Первый взгляд
 Смутные воспоминания
 Смутные воспоминания (второй вариант)
 Атолл
 Прибой
 Нельсон
 Свет моря
 1 июня
 Бездна
 Абукир

A2-001 Стихотворение «В городе» (рукописный лист).

A3

Тетрадь №3.

Третий сборник. Октябрь 1945 г. – январь 1946 г.

Содержание:

Бред
 Сент-Винцент
 Трафальгар
 Шпага императора
 Кольцо Побед
 Завоеватели
 Ночью
 Корабль
 Встреча
 Эпиграф к С.Б.
 Саргасово море
 Лагуна
 Тайфун
 Дыхание цветов
 Подводный город
 Рапа-Нуи
 Халеакала
 Затонувший корабль
 Дуврский пролив
 Четырехдневное сражение
 Победители Непобедимой
 Подводное кладбище
 Ла-Хог
 Киберон
 Шорох смерти
 Одна из них
 Aboukir. Hogue. Cressy.
 В тумане
 Мертвый порт
 Dradnought
 В башне
 Летучий Голландец
 Смерть поэта
 Победа Роднея
 Цена владычества
 Красная нить
 Сэр Генри Морган
 Эвелина
 Тщетно

Осужденный
 Кто же?
 Опять молчание
 Сказка
 Для чего?
 Серебряный Остров
 Что это?
 Цель скитаний
 Ваш удел
 Док Казней
 Король пиратов
 Путь избранных

A4

Тетрадь №4.

Четвертый сборник. Январь 1946 – август 1947.

Содержание:

Абордаж
 Утро
 Сонет Ричарду
 Сонет Питеру
 Сонет Дженни
 Кто еще?
 Друг
 Мечта
 Цвета драгоценного. Поэма
 Баллада
 Долг
 Нарвик
 Викинг
 Заклинание атланта
 Таранто
 Вторжение
 Призрак
 Предки
 Смерть джентльмена
 Старики
 Судьба корабля
 В угаре

Зов моря
Веселый Роджер
Черное дерево
Хождение по доске
На грани
Набег
Гибралтар
«Живу среди них, но как мне странно...»
Неизбежное
Забытым
Прогресс
Юбилей. 100 сонетов
Шопот
Пробуждение
Летучие рыбки
Капитаны
Ты помнишь?
Искатель
Золотая Лилия
Кошмар
Надменным
Бунт
Путь мертвых
Сквозь встречи
Тень
Наша любовь
«Увидеть, постичь и прозреть...»
Сквозь лом веков
Прощай
Несбыточное
«Пряжу свивая, Парки...»
Зову Тебя
Удача
Нищий
Так надо
Похороны
Фиорд
Хо-Твэн
Младшие Сыновья
Таверна
Чайный домик
Поэту

Старый корсар

Атомный век

Казнь

Танки:

«Дни моей жизни...»

«В чем твое счастье...»

«С тобою был я...»

«Благословляй же...»

«Да, но – умирать...»

«Который в тот день...»

Морские рыцари

Танки:

«За обреченность...»

«Свершится когда...»

«Что же мне выбрать...»

«Целуй же меня...»

«Помни, что в мире...»

«Я губы эти...»

Адмирал Сатана

Танки:

«Но поцелуй...»

«Голову склонив...»

«Все, что проклятье...»

«Молча сидел я...»

«Не променяет...»

«Девочка-цветок!»

Галерея

Куда?

Танки:

«Скажи, что любовь?»

«Над жизнью, долгом...»

«С улыбкой смотря...»

«Здесь встретишь ее...»

«О, слезы стыда!»

«В объятьях ее...»

Памятник

Пути грядущего

В порту

Старый порт

Корабль повешенных

Право молчания

Триолет III

Триолет I
 Триолет II
 Новые дали
 Старая дорога
 Хижина в Алломе
 Разговор
 Морю
 Курс-Ост
 Молитва
 Белый раджа
 Мыс Духов
 Женщины
 В обществе
 Еще одна
 Игра
 Сила женщины
 Танки:
 «Черная гордость...»
 «Слиянья экстаз...»
 «Лапа твоя, Зверь...»
 «Верно ль, что я – я?»
 «Исканье, всегда...»
 «Боишься иль нет...»
 Танки:
 «Засмейся и встань...»
 Amor fati
 «Сбросить в пыль мое...»
 «В жилах моих ты...»
 «Забытых стихов...»
 Аромат любви
 Танки:
 Мудрость опиума
 «Зеленый жучок...»
 Из персидских поэтов
 Освобождение
 «Сколько обличий...»
 Из персидских поэтов
 Танки:
 «Пусть мир – только тень...»
 «Под волей богов...»
 «В гуле моторов...»
 «Время прибоем...»

«Пещерный череп...»
 «Рисунки пещер...»
 Похищение
 Береговой праздник
 Морская волшебница
 Белые дьяволы
 Парусный мастер
 Сэр Вальтер Ралей
 Плененный Цезарь
 Ночной посетитель
 Ветер с моря...
 Голос расы
 Те годы
 Галерный раб
 Конквистадоры
 «Холодной злобой возвращенный...»
 Цена веры
 Робай
 Все пути
 Танки:
 Душа вечности
 «Лишь поцелуй...»
 «Да, я, конечно...»
 «Не видели вы...»
 Инвектива
 «Года, в ревущей быстрине...»
 Первые стихи
 Скальд
 Танки:
 «Ну почему же...»
 «Ты опустила...»
 Не звучавшие стихи
 Ты знаешь
 «Что же делать мне...»
 «С вишен цветущих...»
 Старый Корабль

Рукописные листы, вложенные в Тетрадь №4:

А4-001 Листок с комментариями
 А4-002 Листок с комментариями
 А4-003 Листок с комментариями

- A4-004 Народ Моря
- A4-005 Земля предков
- A4-006 На заре
- A4-007 Карта мира
- A4-008 Топот пришельцев
- A4-009 Английский Океан
- A4-010 Это – превыше всего
- A4-011 Рах Britannika XIX век
- A4-012 «Тяните лямку, тупо веря...»
- A4-013 У столба
- A4-014 Триолет (машинописный текст)

A5

Тетрадь №5.

Пятая Книга. Сентябрь 1947 г. – март 1952 г.

Содержание:

Тому, кто видит

Ньюбери – Честерхилл

Эпиграммы:

1. «Нетвердо вызубрена роль...»
2. «О розе без шипов поэты...»
3. «Презренный раб нечистой крови...»
4. «Ты мудрецом прослыл у нас...»
5. «Профилософствовал об том...»
6. «Субординации учен...»
7. «Мы – ждем. Мы спасали Рим...»
8. «Кошечка вышла замуж...»

«Мы шли вдвоем, вдвоем в ночи...»

Кровь

Страх

Чужая

Я жду

Возвращение

Робаи

Последнее

Лабиринт

«Только...»

Изольда

«Из всех дарованных нам прав...»

Теплый вечер

Танки:

Лежи в траве

Пирамиды

«Твердили: «мой, мой...»

«В пустыне ночной...»

«Красные листья...»

«К милой все пути...»

Танки:

Поэт

«Когда я найду...»

«Необитаем...»

Комната без зеркала

Часы

«Мечтают одни...»

Причин причин

Проклятие прохожих

Нищие

«За ночью приходит день, как всегда...»

Оковы рук

Звезды говорят

Сегодня снова нет

«Я пробудился, стоном боли выдав...»

Вечерняя молитва

Эпиграммы:

«Ну что ж, мне кажется, что он...»

«К ... я не буду строг...»

«Прослушав стихи поэтессы...»

Жизнь

Любимой

Ожидание

Все так просто

Последняя встреча

Марс

Жизнь Дающему

Рассвет

Сверху

«Все в мире можно доказать...»

Снизу

Рождение

Нищета
 «Прорехи, пятна, сеть морщин кругом...»
 Триптих «Красота». I
 У старой реки
 Созвездия
 Холод
 Триптих «Красота». II
 Красное Смещение
 «Давно уже Творец осведомлен, что спроса...»
 Луна
 Загадка материи
 «Исполнены все желанья...»
 Нет
 Верность
 «Как ты капризна, недотрога!»
 То, что бесспорно
 Тупик Становления
 Птолемей – Эйнштейн
 Прозрение
 Тьма
 И стало так... (Рождение Земли)
 В море
 «Знаю, небо расторгнет созвездий узор...»
 К картине Веласкеса «Венера с зеркалом»
 Эпиграмма на себя
 ... Сказала она ...
 Ложь
 Эпиграммы:
 «Она кокетлива слегка...»
 Без котлеток и без каши...»
 Диспут. Поэма
 Триолет
 «Я губы твои целовал...»
 Девочка
 Купание
 Купание Дианы
 Смеющаяся девочка
 Ее цветы
 Алхимик
 Ты одна
 Века мгновений
 Диана

Рождение Океана
 Всегда. Всегда
 Как вам угодно
 Робость
 «Саван дня, и сутана ночи...»
 «За все, что волей Сатаны...»
 надпись на книге
 Триптих
 Грезы
 «О, эти едкие слова...»
 Эпитафия
 Итог
 Справа
 Враг
 Во веки веков
 Триптих «Красота». III
 Трое в одной лодке
 «Вброшен неизбежностью случайной...»
 Старость
 Пустыня
 Звезда пустыни (второй вариант)
 «Сном синеглазым зачарован...»
 Экспромт
 Боль
 Для одного
 «Я не знал ее поцелуев...»
 Жираф
 Леди Эллен
 Одни лишь мы одни
 «Прозрачная роса созвездий...»
 Размышления автора
 «Он властен и настойчив был...»
 «Как узник на воде и хлебе...»
 «Одна мучительная тайна...»
 Из «Путевых заметок»
 «Тяжелые ресницы ночи...»
 Паж
 Жаворонок

Рукописные листы, вложенные в Тетрадь №5:

A5-001 Конверт с малыми рукописными листками - стихами из тетрадей №4 и №5

A5-002 Листок с комментариями

A5-003 «Когда б латунные медали...», «Эстетам и нытикам нет мест...», «Ты дилетант, Искарот...»

A5-004 Листок с чужой рукописью. Примечание рукой К.С.Герасимова: «Н.Калинченко»

A5-005 Девушке, которая назвала мен сухарем. Наташе Калинченко.

A6

Тетрадь №6

Книга шестая. Март 1952 г. – февраль 1961 г.

Содержание:

Вечно

«Я хаос трепетной стихии...»

Змея

«Давно уже все не ново...»

«Покорна и тепла...»

«Кто сомневается, да внемлет мудрым тот...»

«Мы свято веруем: нет бога кроме Лжи...»

Какаду

Страус

«О, стрелы чёрные ресниц...»

Nabeas tibi

Все твоё

Слон

Немой

Кто-то

«Пусть все вокруг твердят...»

Fuit ilium

Всего дороже

«Россыпи звёзд воссозданы...»

«Бриз донесёт порывом...»

Архигония

«Губами тонкими учёный шепчет: «Что за...»

Балки костей

Рассвет

Страсбургский собор

То, чего нет

«Ко мне пришла...»

«Глаза опустив...»

«Из-за фиалки...»

«Даже слепому...»
 «Пусть же за окном...»
 Из Платона
 «В сапфире озер...»
 «Нежной былинкой...»
 «Любимая, как...»
 «О, время, как мне...»
 «То, что минуло...»
 «Как мне сохранить...»
 «Отдать навсегда...»
 «Не потому, что...»
 Из Гафиза
 «И этих стихов...»
 «Каждый из них – враг...»
 «Нет, ты не моя...»
 «Ну что ж, исцеляй...»
 «Короткая песнь...»
 Из Паскаля
 Из Сартра
 «Целительна боль...»
 «Песчинку мечты...»
 Родословная
 Встреча
 «Как влить в жалкий миг...»
 «Спутаны даты...»
 «Ветка цветущей сливы...»
 «Свой крошечный миг...»
 «Звёздно-зелёным...»
 «Мечта, урони...»
 «Прекрасные знатные дамы...»
 «Осаженный конь танцует...»
 «Во вздохе одном...»
 Созвучия
 «Без ненависти нет любви, и дня без ночи...»
 Карбон
 Встреча
 Бессмертие
 Из Саади
 «Повторяя одно и то же...»
 Времена
 Та, другая
 Ещё раз трое

«Я был вам, кажется, отцом...»

Порядок вещей

«У черта душу я купил...»

«Не полуправдой ли зовется полуложь?...»

Зрелость

«Что ж, если всё, чему слов не нашёл язык...»

Раскопки

Бессонница

Последний

Равенство

«Мне от себя уйти отрада не дана...»

Наследники

Земные закаты

Зори

Вечер

Два мира

(поэтический цикл)

«В пустынях сожженных нагорий...»

«Мистер Рэббит не очень...»

«Слова молитв позабыты...»

«Мы забыли о нём...»

«В пустынях сожженных нагорий...»

«Был юн, отважен мистер Джон...»

«Слова молитв позабыты...»

Попутчик

«Я вор. Негодяй. Это тайна...»

Тени

Одиночество

Подтекст

Бессонница

«О! Стон исступленья...»

«Господа Бога квантовая механика...»

«Лежу в могиле тихо я...»

«Стандартизированной жратвою...»

Верность

(поэтический цикл)

Отчаяние

Надежда

Неверие

Верность

«Травинки бойко проросли...»

Потом

«Иного уже не вспомнить...»

Соперницы

«Плетись, Пегас мой, верный Россинант!...»

«Где пляшущих огней стена...»

Воскресение

(поэтический цикл)

I Пролог в аду

II Пролог на небесах

III Гимн жизни и смерти

IV Потерянный рай

V Возвращённый рай

VI Гимн смерти и жизни

VII «Orbe fracto...

VIII ...apes illesa».

Леди без слов

Обет

Вполголоса

Баллада о благе бытия

Баллада о неизбежности грехопадения

«Белое? Красное? Черное?...»

Третий Хор

(из поэмы «Посвящение»)

Ночь I

Река I

Хор звезд I

Хор светляков I

Хор зеленых гномов I

Хор черных гномов I

Хор эльфов I

Ветер I

Шопот травы

Ветер II

Хор эльфов II

Хор черных гномов II

Хор зеленых гномов II

Хор светляков II
 Хор звезд II
 Река II
 Ночь II
 Хор эльфов III
 Хор эльфов IV
 Ночь III
 Жаворонок

Пресса
 Хеппи энд

Пролог к прологу:
 Первый шут
 Второй шут
 Третий шут

«Последней не коснутся пусть...»
 Песня о трех Благородных, но Объятых Скорбью Девах
 Песня о тщете всех высоких стремлений
 Песня о дерзком малом

Рукописные листки, вложенные в Тетрадь №6:

A6-001 «Незрячим не толкуй о свете...»
 A6-002 «На мерцающем шёлке...» (черновик)
 A6-003 «На мерцающем шёлке...» (беловик)
 A6-004 Камбала (черновик)
 A6-005 Камбала (беловик)
 A6-006 Горилла (черновик)
 A6-007 Горилла (беловик)
 A6-008 «Себя люблю я с давних пор...»
 «Я ближних возлюбил, как самого себя...» (черновик)
 A6-009 «Себя люблю я с давних пор...»
 «Я ближних возлюбил, как самого себя...» (беловик)
 A6-010 Нет повести печальнее на свете (черновик)
 A6-011 Нет повести печальнее на свете (беловик)
 A6-012 Последняя крепость (черновик)
 A6-013 Последняя крепость (беловик)
 A6-014 «Ради шутки, не корысти ради...»

A7

Тетрадь №7.

Книга седьмая. Февраль 1961г. – май 1968 г.

Содержание:

Заключительная баллада Автора о Последнем Кабаке
 Баллада о брауни
 Отчасти Апокалипсическая баллада о Задумчивом Полисмене
 Мальтузианская полумолитва м-ра Уэста
 Разгадка (молитва Джен)
 Не сегодня (молитва Автора)
 Молча
 Тайное право (стихи о себе)
 Одна
 Из Гете
 Шепотом
 Баллада об Осуществлении Мечты
 Холизм, или *de l'inifitio, universio e mondi*
 Итог
 Старая книга
 Баллада о Недостойном Избраннике
 Извиняющая Авторская Баллада о Балладах
 Неизбежное
 Баллада о Молчании Провидца
 Баллада о Слепом Капитане
 Баллада об Англичанине
 «Надежды трепетной ещё твердя слова...»
 «*Sovely nula hands...*»
 Баллада об Адмиральском Дубе
 «Тебя напрасно было ждать...»
 Баллада-мистерия о Тайне Св. Причастия
 «Сжигаемый неистовою жаждой...»
 Голос во мраке
 «Всё близящейся бездны ужас...»
 Хор
 Голос во мраке
 «Всю жизнь ждать мига...»
 Хор
 «Так вот оно – последней глубины Причастье?...»
 «Час. Три. Четыре...»
 Действо о рабстве (баллада-миракль)
 I «Чуть за тёмной грядюю...»

II «Чуть за чёрными горами...»

Адрес Автора

Никогда

Молитва Питера

Баллада о Крысолове

I «Что ж, иди, как по улочке Гаммельна встарь...»

II «Кто б ты ни был, флейтист...»

III «Оглянись на толпу одержимых...»

«К прозрению Вечности стремясь, молил я каждый том...»

«Приговоренный к пытке жизни...»

«Неумолимое забвенье камни поглотит...»

Баллада о Недосмотре Господа Бога Патрульной Службы

Поклонение волхвов

«Мерцанием праха бездонным...»

«Спеши до темноты...»

Deus factus sum

De profundis

На облачном берегу

Посвящение (поэма-мистерия)

Клятва

Добро

Спасение

Первый хор

(цикл стихотворений-монологов животных в сновидении Ричарда с авторским примечанием и цитатами-комментариями):

Сова

Улитка

Хор светляков

Хор лягушек

Хор кротов

Летучие мыши

Ветер

Шопот травы

Ветер

Летучие мыши

Хор кротов

Хор лягушек

Хор светляков

Улитка

Сова

Ричард (просыпаясь)

Все вместе

A8

Тетрадь №8.

Книга Восьмая. Июль 1968 г. – ноябрь 1972 г.

Содержание:

Баллада о Мертвом Капитане

Сны – это сны

Баллада о Выборе

«Рассвет. Закат. Рассвет. И стану – только прах...»

«Среди пирующих, и в потаенной келье...»

«Эта страна...»

«Смешались черепки заздравных чаш давно...»

«Налито, пролито, осушено до дна...»

Любовь среди развалин

(поэтический цикл)

1. «Когда Последней Империи рухнет последний оплот...»

2. «Полукровка, туземный ублюдок...»

3. «Скользнут ли слова...»

«Синей в сухом песке, осколок изразца...»

«Династии и царства канули в века...»

Yntroitus

Острова Блаженных

Обладание

Возвращение

В библиотеке

(поэтический цикл)

1. «С тех пор, как сражались Белый и Красный драконы...»

2. «Лишь Солнце покинет Овна...»

3. «Грядет век изобилья некий...»

4. «С тех пор как сплелись Белый и Красный драконы...»

Запечатление

(поэтический цикл)

Век XIII «Пусть (переплетающимися ли рептилиями орнаментированная)...»

Век XIV «Но, монастырскою многообещающею...»

Век XV «Хитросплетениями разворачивающейся фабулы...»

Век XVI «Не верь в бессмертие души...»

Век XVII «Пусть как рубрики...»

Век XVIII «Пусть изящны виньетки Дидо...»

Век XIX «В Начале было: тьма...»

Век XX «Сон, будь сном...»

Век XXI

Из «Книги Вожделений»

Из «Книги Целомудрия»

Хотя бы

Из самой новой «Книги Джунглей»

Из «Книги Заповедей»

Из «Книги Благовествований» (Благовещение Боттичелли)

Из «Книги Верности» (Во веки веков)

«В пустыне тишина, ты разобьёшь свой стан...»

«Диван стихов моих раскрой...»

«О, правоверный, страстью воспылав горячей...»

Ноктюрн Первый

Из «Книги Милосердия» (Воплощения)

«Затих зловонный обезьянник...»

Табу – XXI

Из «Книги Пророков»

De magno lapide sapientum

(поэтический цикл)

I Сонет Ричарда

II Второй сонет Ричарда

III Вчера

IV Сонет Хьюберта

VI Завтра*

VII Сонет Автора

VIII Ещё сонет Ричарда

Из «Книги Чисел» (Познание)

Из «Книги Бытия»

Из «Книги Творения»

Из «Книги Царств» (Чтобы...)

Мой сад

(поэтический цикл)

I «Воспоминая́ем детства был...»

II «Но, но! Есть общие сады...»

III «Таинственный, заглохший сад...»

IV «Я мальчуганом, верно, был...»

V «Как тем, чья поступь тяжела...»

VI «Бетон сковал поля...»

«Вздыхающего мерно моря...»

Pereat

(поэтический цикл)

1. Тимей
2. «Спешите, двадцатый век...»
3. Критий
4. «Сорной травой забвенья...»
5. Критий II
6. «Уже Плеяды-Атлантиды...»
7. Критий III

До рассвета

Сонет Хромого Джентльмена

Сновидец

(поэтический цикл)

1. «В неизреченной тьме, под сводом гробовым...»
2. (Служение Ричарда)
3. (Верность Джен)
4. (Знание Хьюберта)
5. (Призвание Питера)
6. «И были сны...»

Пятый шут

Четвертый шут

Голоса

(поэтический цикл)

I «Ряды томов над рядами...»

II Первый Голос»

III «Старой верностью верен...»

IV «Что ж, рассвет есть рассвет...»

V «Тьму обнажая, отхлынул...»

VI Третий Голос

VII Едва «величие миссии разума» я постиг...»

VIII Четвертый Голос
 IX «Из-за Семи Морей...»
 X Пятый Голос
 XI «Страницы Творения...»
 XII Шестой Голос
 XIII «Мягко во тьме и твердо...»
 XIV Седьмой Голос
 XV «Смолкая, за Голосом Голос...»

Nol tangere circulos meos
 «Меж движущихся стен спешу...»
 Во благополучное плавание
 «Не дальше, чем Ультима Туле...»
 «Перед концом...»
 Преображение

Большее
 (поэтический цикл)
 I «В начале была Злоба...»
 II «Меркнут неба алмазы...»
 III «Не дано никому...»

Ноктюрн с книгами
 Nulla dies
 Suum cuique
 Из Гете («Ночная песня странника»)
 Песок, и гранит, и сосны
 «Все заросло...»
 «Была пустыня, как тогда...»
 «Какая мастерская лепка...»
 «Случайно уцелевший в бойне...»
 «Уверовать в обетованный...»
 Остров Голосов
 Орфей

A-9

Тетрадь № 9

Книга Девятая. Декабрь 1972 г. – февраль 1976 г.

Содержание:

Ещё ноктюрн с книгами
Вопреки

Обретение

(поэтический цикл)

- I «Их ели черви, грызли мыши...»
- II «Размахивая беспечно...»
- III «Нас ели черви, грызли мыши...»
- IV «Укутана мантией звездной...»
- V «Губили черви, мыши, люди...»

После «Бури»

(поэтический цикл)

- I Остров
- II Они
- III Ариель
- IV Книга

Поздно

Живописное обозрение (III)

Живописное обозрение (I)

И.Е. Бабанову

Самосожжение (I)

Живописное обозрение (II)

Подонкам ни к чему свобода

Псалом Свободы

(поэтический цикл)

- 1. «Поток, чуть слышный в толще скал...»
- 2. «С глухим журчаньем чрево гор...»
- 3. «Дождутся ли живой воды...»
- 4. «Пуста пещера – черепки...»

«Всегда от века и до века...»

Воплощение

(поэтический цикл)

- 1. Рай
- 2. «Так пусть искупление медлит...»
- 3. Чистилище
- 4. Пусть выжжены, пусть каменисты...»
- 5. Ад

6. «Что ж, пусть оболванен, обобран, оболган...»

«Сухие русла мертвых рек...»

Самосожжение

«Навеки был я осужден...»

«Так долго...»

«Больше о чуде...»

А.А. Китлову

Нет

Камни

(поэтический цикл)

I «Вот каменная россыпь храма...»

II «С осыпи голой кручи...»

III «Прозрачной дымкою едва...»

IV «Вновь долины бывшего...»

«Мычання жертвенных тельцов...»

Opus magnum

Мужество без надежды

Remember

(поэтический цикл)

1. «Всеобщее счастье. Ублюдки...»

2. «Свист ветра в парусах...»

3. «Завтра слякоть бессонная...»

4. «На берег брошен пенною волною...»

5. «Рассвет. Нарастая, слышен...»

«Пусть ужас голыми ногтями...»

Свобода

Зов

Бессмертие

(поэтический цикл)

I «Пусть веет вечность...»

II «Вот каменная чаша с ядом...»

III «Не верю в царское бессмертье...»

(Самосожжение II)

Звездный ноктюрн

Дельфы

(поэтический цикл)

I «Мы шли к Дельфинию...»

II «Паломников брели когда-то сонмы тут...»

III «В бреду безумной девы...»

«На берегах Евфрата, тигра...»

Грехопадение

(поэтический цикл)

I «Не сдвинуться с мест...»

II «Над темными холмами вечерняя звезда...»

III «Раскачиваясь на дроке...»

IV «Была трава зеленой и небо – голубым...»

V «Зреет запретный плод...»

«Неведомого никому – не знать...»

Призвание

Requiem

(поэтический цикл)

I Requiem atternam

II Dii tui, Yzrael

III Cum ferro

IV Агония

V Верь

VI Вместе со всеми

VII Один из множества

VIII Умолкшие

IX «Это было – этого не было...»

X «Был день. И пламенел закат...»

XI Et resurrexit

Desiderata

Свиное

«Пусть многим я...»

Мы

Клад

Венок

За краем тьмы

(поэтический цикл)

- I На круги своя
- II По звездам
- III О бессмертии
- IV «Не смертию умрете».
- V За краем
- VI Похищенный

Филобиблон – XX
(поэтический цикл)

- 1. Наука любви
- 2. Еще о любви
- 3. Лорд Хранитель Рукописей
- 4. Наследник
- 5. Во имя...

Буравили распухший мозг...
Из Гете
Она
Аррефор
Преемственность
Из глубины
Кораблик
Над временем

Баллада о Безмолвии Королевы
(в трех частях)
I «Если король все чаще...»
II «О любви поют менестрели...»
III «Но – если за мессой мессу...»

«В Зоологическом саду...»

Жемчужина из тления
(поэтический цикл)
I «Простор... Безмолвие пустыни...»
II «Глух стук подков...»
III «Нет гостиничной одиночки...»
IV «Трисмегиста-Гермеса свитков...»

Тетрадь №10**Книга Десятая. Декабрь 1972 – февраль 1976**

Содержание:

In hoc aigno

(поэтический цикл)

I «Закалена в огне подземном...»

II «Стало дымом низкое небо...»

III «На темной проступая стали...»

«Смеркается. Какую даль...»

Иов

(поэтический цикл)

I «У подножья престола Предвечного...»

II «И охватил великий ветер из пустыни...»

III «Духовной жаждою томим...»

IV «О высоте моих небес...»

V «Предсмертной мукою томим...»

VI «И тьме небытия, где в медленных извивах...»

VII «Кольца Змия неспешны...»

Хранитель

(поэтический цикл)

I «В придорожной таверне...»

II «Когда синеву небес...»

III «Подо мною, все ниже...»

IV «Герой темнеющей лисвы...»

V «Чернеют грозно руины...»

VI «Когда испустил последний...»

VII «В придорожной таверне...»

Память

(поэтический цикл)

I Аса. Иецер. Бара (Делать. Созидать. Творить)

II Келим (Сосуд благодати)

III Гильгуль (Круговорот перевоплощений)

IV Маасэ Берешит (О том, что в начале)

Странник

Диалог

Век XVIII

«Я обретал следы былого...»

Третья смерть

(цикл)

Первая

Вторая

Третья

У подножья

(поэма-антология)

1. «Говорит Даравайауш, царь...»
2. «Господь велел Моисею...»
3. «Тому, кто калам Аллаха...»
4. «Нет, недаром во мраке...»
5. «В мира пределах пустынных...»
6. «Кто избран Судным днем...»
7. «Рагой ли? Атропатеной?...»
8. «Миссионер, консул, археолог, посол, монах...»
9. «Лезвию был обречён...»
10. «La una Tegga» - помнишь Барбаро?...»
11. «В дымную тьму спеша...»
12. «В Багдад – через Каср-и-Ширин...»
13. «Минуешь эвксинские дали...»
14. «Рече Господь Моисею...»
15. «Те, что взяты могилой...»
16. «В мертвой стране...»
17. «Говорю я, поэт...»

Век XIX

Век XX

Век XXI

Век XVII

Век XVI

Три песни Орфея

(цикл)

I В аду

II Вместе

III Слово

Орфей

(поэтический цикл)

1. «Пусть низвергается металл...»
2. Золотая ветвь
3. К благосклонному читателю
4. «Склоняясь к западу. Квадрига...»
5. «Тысячелетия в немом круговороте...»
6. «Земля. И кости. И пластинка золотая...»
7. «В простор сияющей вселенной...»
8. К благосклонному читателю
9. Золотая ветвь
10. «Ревет взбесившийся металл...»

Cumea

(поэтический цикл)

1. «Он сгинет – на костях...»
2. Плафон – I
3. «Так ты в свой век...»
4. Плафон - II
5. «Один, распластан под нависшим сводом...»
6. Плафон –III
7. «Все было: юный небосвод. И Ева...»
8. Пророки
9. «Когда-то и пророки, и поэты...»
10. Сивиллы
11. «Пророчествуй один во тьме бездонной...»
12. Алтарная стена
13. «Что Гордецу до мертвых...»

Участь

«Она любить другого рождена...»

Восхождение

(поэтический цикл)

1. Infantia
2. Pueritia
3. Adolexentia
4. Juventus

5. Aetas senior
6. Senectus
7. Immortalitas

Только...

«О, мертвые мои...»

Пьеса для троих

«Пусть вечности бесстрастной все равно...»

Не суждено

«Что изменилось, что уже не то...»

«Что юности конца не будет – верь...»

«Мне часто снятся площадь, эшафот...»

«Над ночи тьмою и сияньем дня...»

«Когда-то в угасающем сиянье...»

«К его руке твоя скользнет рука...»

«Иди – встают, асфальт разворотив...»

«Острее страдания не было и нет...»

«Из лжи и вони...»

«Неведомая прежде глубина...»

«Благословенны – та из жизней, миг...»

«Искусства благородней в мире нет...»

Введение во храм

«Благословен Господь, Кто сотворил...»

«Поэзия – бессмертия залог...»

«Дарующей бессмертие любви...»

Над временем

«Судьба, какими далями ты шла...»

Раздел В. Поэтические циклы (в виде отдельных тетрадей)

В-1

Песни Моря (октябрь 1943 г. – декабрь 1946 г.)

Содержание:

Сквозь лом веков

Корабль

Фиорд

Бездна

Подводный город

Великий Лес

Саргассово море
 Victoria regia
 Sequoia sempervirens
 Халеакала
 Тайфун
 Рапа-Нуи
 Встреча
 Забытый клад
 Город в джунглях
 Атолл
 Затонувший корабль
 Летучие рыбки
 Хо-Твэк
 Ночью
 Дыхание цветов
 Ты помнишь?
 Прибой
 Лагуна
 Свет Моря
 Пробуждение
 Бог Солнце
 Зеленый луч

В-2

Jolly Rodgers (октябрь 1945 г. – июль 1947 г.)

Содержание:

I
 Плененный Цезарь
 Похищение
 Галерный раб
 Набег
 Викинг
 Конквистадоры

II
 Серебряный остров
 Удача
 Призрак
 Старики

Казнь
Сэр Вальтер Ралей
Искатели
Надменным
Адмирал Сатана
Старый порт
Сэр Генри Морган
Кошмар
Корабль повешенных
На грани
Похороны
Капитан Инглэнд
В угаре
Младшие Сыновья
Таверна
Белый раджа
Док Казней
Судьба корабля
Хождение по доске
Бунт
Морские рыцари
Абордаж
Зов Моря
«Золотая лилия»
Черное дерево
Морская волшебница
Король пиратов
В порту
Путь мертвых
Чайный Домик
Курс – ост
Белые дьяволы
Ночной посетитель
Парусный мастер
Мыс Духов
Береговой праздник
Старый корсар
Капитаны
Смерть джэнтльмена
Веселый Роджер

Эотен (март 1946 г.- май 1948 г.)

Содержание:

Народ Моря
 Карта мира
 Рах Britanica
 Неизбежное
 Это – превыше всего
 На заре
 Прогресс
 Пороги
 Пиккадили
 Блиц
 Земля предков
 Топот пришельцев
 Потерянное поколение
 Галерея предков
 Свобода... Свобода...
 Пути Грядущего
 Великий раскол
 Наследие
 Старый Корабль
 Путь один
 Мы придем
 Голос расы
 Пределов нет
 Крушение
 Ветер с моря
 Морю

В4

Harmonices Mundi (Музыка Сфер). Февраль 1947 г. – октябрь 1949 г.

Содержание:

Красное смещение
 Загадка материи
 Тупик Становления
 Птолемей – Эйнштейн
 Прозрение
 Звезды говорят

Рождение
 Жизнь
 Жизнь Дающему
 Рассвет
 Марс
 Луна
 Куда?
 Созвездия

B5

Изольда. Июнь 1947 г. – январь 1950 г.

Содержание:

Те годы
 Возвращение (октябрь 46)
 Чужая
 Я жду
 Встречные
 Желанная
 Изольда
 Последняя встреча
 Нищие
 «За ночью приходит день как всегда...»
 Стихи, которых ты не знаешь
 Сегодня снова нет
 Ожидание
 Холод
 «Исполнены все желанья...»
 Верить
 Нет. 1942 – 1949
 То, что бесспорно
 В море
 «Я не ждал, но лишь глухо верил...»
 Все так просто...
 Тьма
 Диспут. Поэма
 Лабиринт

B6

Шопот песчинок. Январь 1947 г. – август 1955 г. Танки.

Содержание:

I

«Короткая песнь»

II

«Спутаны даты...»

«Звездно-зеленым...»

«Жутки чащи трав...»

«Время прибоем...»

«В гуле моторов...»

«Пещерный череп...»

«В жилах моих ты...»

«Свой крошечный миг...»

«Рисунки пещер...»

Пирамиды

«Во вздохе одном...»

III

Мудрость опиума

«Песчинку мечты...»

Души Востока

«Пусть мир – только тень...»

Поэт

Из Паскаля

«Исканье, всегда...»

«Каждый из них – враг...»

Стук в дверь

«В освежающих...»

«Освобождение...»

IV

«Мечтают одни...»

«Здесь встретишь ее...»

«Свершится когда...»

«Но почему же...»

«Не видели вы...»

«С вишен цветущих...»

«Когда я найду...»

«К милой все пути»

«Нежной былинкой...»

«Даже слепому...»

«Красные листья...»

V

«Не променяет...»
 «Головку склонив...»
 Из персидских поэтов
 «О, любимая!»
 «Ты опустила...»
 «Девочка-цветок...»
 «Над жизнью, долгом...»
 «Глаза опустив...»
 Из Гафиза
 «Боишься иль нет...»
 Аромат любви
 «О, слезы стыда!»

VI

«Верно ль, что я – я?»
 «Целуй же меня!»

1

2

3

«Отдать навсегда...»
 «Любимая, как...»
 «Да, я, конечно...»
 Ты знаешь
 «Не потому, что...»

Из Платона

VII

«Что же мне выбрать...»
 «За обреченность...»
 «Я губы эти...»
 «Но поцелуй...»
 «Скажи, что любовь?»
 «Слиянья экстаз...»
 «Лишь поцелуй...»
 «В объятьях ее...»
 «Тебя целовал...»
 «Мечта, урони...»
 «Твердили: мой, мой...»

VIII

«Ко мне ты пришла...»
 «Ветка цветущей...»
 «Что же делать мне...»
 «Пусть же за окном...»
 «Из-за фиалки...»

«Все, что проклятье...»

«Помню, сидел я...»

«Улыбкою слов...»

«Целительна боль...»

«Нет, ты не моя...»

«Ну что ж, исцеляй...»

IX

«Дни моей жизни...»

«Необитаем...»

Из персидских поэтов

«Помни, что в мире...»

«Один о любви...»

Часы

«Черная гордость...»

«Сбросить в пыль мое...»

Amor fati

«Сколько обличий!»

«Над волей богов...»

X

«Зеленый жучок...»

Не звучавшие стихи

«Забытых стихов...»

«И этих стихов...»

«Который в тот день...»

«В чем твоё счастье...»

«В сапфире озер...»

«Да, но умереть...»

«В пустыне ночной...»

«Благословляй же...»

«Засмейся и встань»

XI

«Как влить в жалкий миг...»

B7

Лики Вечности. Ноябрь 1949 г. – февраль 1958 г.

Содержание:

I

И стало так... (Рождение Земли)

Рождение Океана
 Архигония
 «Господа Бога квантовая механика». Эозой

II

Всегда. Кембрий
 Родословная. Силур
 Последний. Девон
 Плен. Карбон
 Встреча. Диас

III

Страсбургский собор. Триас
 Наследники. Юра
 Раскопки. Мел

IV

Закаты. Палеоцен
 Зори. Эоцен
 Бессонница. Олигоцен
 Балки костей. Миоцен
 Подтекст. Плиоцен

V

Тени. Плейстоцен

Раздел «С». Рукописная книга стихов «Верность» (стихи отобраны и систематизированы К.С.Герасимовым).

С-001 Цветной лист с названием «Верность (Salva fide)»

С-002 Лист с пометками

С-003 Лист с названием: «Верность. Тексты»

С-004 Лист с названием: «Nunc dimittis. Верность Автора»

С-005 Лист с названием: «Самосожжение» и эпитафией

С-006 I «Без сожаленья думаю, что в прах...»

С-007 II «Что день, что век – настигнет смерть...»

С-008 III «Пусть мимолетною была...»

С-009 Лист с названием: «Из глубины»

С-010 Из глубины

С-011 Из глубины. (Окончание)

С-012 Лист с названием: «Жемчужина из тления» и эпитафией

С-013 I «Простор. Безмолвие пустыни»

С-014 II «Глух стук подков, глух на заре...»

С-015 III «Нет гостиничной одиночки...»

С-016 IV «Папирусов о Трисмегисте...»

С-017 Лист с названием: «Иов»

С-018 I «У подножья престола Предвечного он возник...»

С-019 II «И охватил великий ветер из пустыни...»

С-020 III «Духовной жаждою томим...»

С-021 IV «О высоте моих небес что знаешь ты?»

С-022 V «Предсмертной мукою томим...»

С-023 VI «И тьме забвения, где в медленных извивах...»

С-024 VII «Кольца Змия неспешны, Эдема листва густа...»

С-025 Лист с названием: «Хранитель» и эпиграфом

С-026 I «В придорожной таверне...»

С-027 II «Когда синеву небес Иудеи застлал дым...»

С-028 III «Подо мною, все ниже...»

С-029 IV «Горой темнеющей листвы священный дуб...»

С-030 V «Чернеют грозно руины...»

С-031 VI «Когда испустил последний вздох, обратив лицо...»

С-032 VII «В придорожной таверне...»

С-033 Мы

С-034 Кораблик

С-035 «Смеркается. Какую даль...»

С-036 Прозрение

С-037 Перед концом

С-038 На облачном берегу

С-039 Лист с латинской цитатой

С-040 Лист с названием: «Диалог» и эпиграфом

С-041 I «Ну, эпитафии не буду...»

С-042 II Она: Еще не высохли чернила...

С-043 III Я: Не чудо ли – из миллионов...

С-044 Лист с названием: «Странник»

С-045 Странник. 1

С-046 Странник 2

С-047 Лист с названием: «У подножья. Поэма-антология» и эпиграфами

С-048 1. Говорит Даравайауш, царь...

С-049 2. Господь велел Моисею (и Ост-индской компании – Он)...

С-050 3. Тому, что калам Аллаха – раз так суждено...

- С-051 4. Нет, недаром во мраке Золотое сияло Руно...
- С-052 5. В мира пределах пустынных...
- С-053 6. Кто избран перед Судным днем, перед лицом конца...
- С-054 7. Рагой ли? Антропатеной?
- С-055 8. Миссионер, консул, археолог, посол, монах...
- С-056 9. Лезвию был обречен в день избиения магов...
- С-057 10. «На una terra» - помнишь Барбаро? А может быть...
- С-058 11. В дымную тьму спеша...
- С-059 12. В Багдад – через Каср – и – Ширин – из Бисутуна путь...
- С-060 13. Минуешь эвксинские дали...
- С-061 14. Рече Господь Моисею – и кое-кому еще...
- С-062 15. Те, что взяты могилой, вовеки будут мертвы...
- С-063 «В мертвой стране забытых караванных путей...»
- С-064 «Говорю я, поэт...»

- С-065 Лист с названием: «Третья смерть» и эпиграфом
- С-066 Первая
- С-067 Вторая
- С-068 Третья

- С-069 Лист с названием: «Прогресс (этюды)»
- С-070 Век XVI
- С-071 Век XVII
- С-072 Век XX

- С-073 Лист с названием: «Да будет (терцины)»
- С-074 I «В конце дороги подводя итог...»
- С-075 II «Нет, не признался я в своей вине...»
- С-076 III «Земное уходило в сумрак дно...»

- С-077 Лист с названием: «Summa Fidelitas» и пометками

- С-078 Лист с названием: «Да будет. Терцины»

- С-079 Лист с авторской таблицей-структурой поэтического цикла

- С-080 I «В конце дороги подводя итог...». На обратной стороне – авторские пометки
- С-081 II «Нет, не признался я в своей вине...»
- С-082 III «Земное уходило в сумрак дно...»

- С-083 «Не верю. Как могла ты, как могла?»

C-084 Авторский список названий 30-ти стихотворений «Salva fide»

Раздел «D». «Ars moriendi». Книга сонетов

D1 – Первый черновик «Ars moriendi»

D1 – Первый черновик «Ars moriendi»

D1-001 Ars moriendi

D1-002 Книга сонетов

Декабрь 1977 – апрель 1981

D1-003 Кто на путях к невоплотимой цели

D1-004 «Кто на путях к невоплотимой цели...» (первый черновик)

D1-005 «Кто на путях к невоплотимой цели...» (второй черновик)

D1-006 I Ars hermetica

D1-007 Incipit... «Что юности конца не будет, верь...» (содержание раздела)

D1-008 Incipit...

D1-009 «Что юности конца не будет, верь...»

D1-010 «В просторах звездной пустоты блуждая...»

D1-011 «Темнея, меркнет марево заката...»

D1-012 «Звуча в бессонной глубине столетий...»

D1-013 «Мой дом, обитель нерожденных душ...»

D1-014 «Мой город мертвецов, который раз...»

D1-015 «Какая затаившаяся мощь...»

D1-016 «Заговори со мною, тишина...»

D1-017 «Рассвет. Еще одной бессонной ночи...»

D1-018 Ars hermetica ...vita novissima (содержание раздела)

D1-019 «Минувшего забытые могилы...»

D1-020 «Как дьяволом, стихами одержим...»

D1-021 «Я не дерзнул бы взяться за перо...»

D1-022 «Как часто не хватает нам ума...»

D1-023 «Вы не были, о нет, мои стихи...» (первый вариант)

D1-024 «Вы не были, о нет, мои стихи...» (второй вариант)

D1-025 «Поэзия – бессмертия залог...»

D1-026 «Ночь погрузит в слепую глубину...»

D1-027 «То, чего нет, напрасно я искал...»

D1-028 «Чем ни была бы ты, любовь моя...»

D1-029 II Ars vitae

D1-030 Ars vivat. Mundus Subterraneus (содержание раздела)

D1-031 «Пренебрегая наготою тел...»

D1-032 Сны

D1-033 «Пока рассвета мутное сегодня...»

D1-034 «Какой неумолимой ты была...»

- D1-035 «Мелькая, ночь за ночью, день за днем...»
- D1-036 «Когда? Когда? Не вспомнить мне сейчас...»
- D1-037 «Не ждал уже, не верил я, в веках...»
- D1-038 «Когда любая гнилью пахнет снесь...»
- D1-039 «За что я каждой ночью осужден...»
- D1-040 *Ars vitae*. Тогда... (содержание раздела)
- D1-041 Отдельный листок – таблица названий сонетов и пометки
- D1-042 «Судьба, какими далями ты шла...»
- D1-043 «Судьба, какими далями ты шла...» (1 вариант)
- D1-044 «Абу Нурра был и да будет мне...»
- D1-045 «Тогда – весною – мертвый среди мертвых...»
- D1-046 «Что о глухие своды бьется дух...»
- D1-047 «Последним память смутную хранящий...»
- D1-048 «За что, в неистолкуемо жестоком...»
- D1-049 «С тех пор как, мрамор, мрамором ты стал...»
- D1-050 «Так долго биться было суждено...»
- D1-051 «Ещё закат последний не угас...»
- D1-052 *Ars moriendi*. Далеко от Эдема (содержание раздела)
- D1-053 «Когда-то в угасающем сознание...» + Отдельный листок – таблица названий сонетов и пометки
- D1-054 «Ты – соприкосновение миров...»
- D1-055 «О мертвые мои, напрасно к вам...». На обороте – цитата из «Макбета» У. Шекспира на английском и русском языках
- D1-056 «Исход из темной одиночки «я»...»
- D1-057 «Дарующий бессмертие любви...» (первый черновик)
- D1-058 «Дарующий бессмертие любви...» (второй черновик)
- D1-059 «Дарующий бессмертие любви...» (третий черновик)
- D1-060 «Чему не сбыться и что не сбылось...»
- D1-061 «Бессильно – день за днем, за ночью ночь...»
- D1-062 «Темнеет запад. Сумерек слепое...»
- D1-063 «И я блуждал в пустыне сорок лет...»
- D1-064 *Ars moriendi*. Всё о Змие (содержание раздела)
- D1-065 «Свой путь земной пройдя до половины...»
- D1-066 «Иди – встают, асфальт разворотив...»
- D1-067 «С улыбкой Боттичеллевой Весны...»
- D1-068 «Что изменилось, что уже не то...»
- D1-069 «Последние не даровали боги...»
- D1-070 «Всю жизнь я верил в то, что далеко...»
- D1-071 «Неведомая прежде глубина...»
- D1-072 «Вещей, лишенных сути, оболочки...»
- D1-073 «Мне зеркалом служа, сонет Петрарки...»
- D1-074 *Ars moriendi*. Грехопадение (содержание раздела)
- D1-075 «Круговорот размерен бытия...»
- D1-076 «На многих полках выстроившись чинно...»
- D1-077 Введение во храм
- D1-078 «Иди со мной в готический простор...»
- D1-079 «Бог сотворил тебя – глаза твои...»
- D1-080 «Как было странно после стольких лет...»

- D1-081 «К его руке твоя скользнет рука...»
- D1-082 «Молчанью стен – безмолвию камней...»
- D1-083 «Не видеть – как ее темнеет взгляд...»
- D1-084 III *Ars moriendi*
- D1-085 *Ars moriendi*. Искушение (содержание раздела)
- D1-086 «Искусства благородней в мире нет...»
- D1-087 Искушение
- D1-088 «Ты снишься мне, любимая. Но мечет...»
- D1-089 «Острее страданья не было и нет...»
- D1-090 «Мне часто снятся площадь, эшафот...»
- D1-091 «Знать не желая о заботах черни...»
- D1-092 «Знать не желая о заботах черни...» (первый вариант)
- D1-093 «Над ночи тьмою и сияньем дня...»
- D1-094 «Тебя, которой нет, я ждал всегда...»
- D1-095 «Тебя искал я, зная, что ты – мука...»
- D1-096 IV *Ars magna. Viatorum Spagyricum* (содержание раздела)
- D1-097 Отдельный листок - наброски
- D1-098 *Viatorum Spagyricum*
- D1-099 «Был Иерусалим – и ныне в Тир...»
- D1-100 «Неизрекома жизни одинокой...»
- D1-101 «Не загнан волшебством Цирцеи в хлев...»
- D1-102 «Себе не веря, шепоту судьбы...»
- D1-103 «Запрету внявший твоему, с тех пор...»
- D1-104 «Сжигаем тщетной жаждою бессмертья...»
- D1-105 «Несбыточного бытие так странно...»
- D1-106 «С тех пор, как мир живых мне стал чужим...»
- D1-107 V *Ars poetica*
- D1-108 *Ars poetica*. Реликварий (содержание раздела)
- D1-109 Отдельный листок – перечень содержания, наброски
- D1-110 Езда в остров любви I
- D1-111 «Мне из ладоней сложенных твоих...»
- D1-112 «Я, кто земное воплощенье чуда...»
- D1-113 «Нет, не всосали с молоком волчицы...»
- D1-114 Езда в остров любви II
- D1-115 «Нет у Шираза меда и вина...»
- D1-116 «Сродни любви поэзия: они...»
- D1-117 «Когда, пытая ужасом, придут...»
- D1-118 Езда в остров любви III
- D1-119 *Ars poetica. Thesaurus Thesaurorum*
- D1-120 Отдельный листок – план цикла
- D1-121 «До неба звезд, горя в любви, в огне я...»
- D1-122 «Я «радостной науки» трубадуrows...»
- D1-123 «Не умолкают и не смотрят вслед...»
- D1-124 «Благословен день, месяц, лето, час...»
- D1-125 «Как тот – в свой век преступный и постыдный...»
- D1-126 «Три женщины. Хмель первого бокала...»
- D1-127 «Глухой, слепой, со сцены брел и я...»
- D1-128 «Дань заплатив собою стольким зимам...»
- D1-129 «Шекспировских сонетов смуглой леди...»
- D1-130 *Ars poetica*. Магия сонета (содержание раздела)
- D1-131 Отдельный листок – композиция цикла

- D1-132 «Строга огранка – ярче слов сиянье...». Рождение Венеры
- D1-133 «Познав с недетским ужасом когда-то...»
- D1-134 «Катрена равнодушие немое...»
- D1-135 «Катрена равнодушие немое...» (первый вариант)
- D1-136 «Я знаю, что отравлен твой напиток...»
- D1-137 «Мелькну как тень и растворюсь как тень я...»
- D1-138 «Не помню сколько жизней ждал – придет...»
- D1-139 «Еще огнем не стало наше небо...»
- D1-140 Сонет судьбы
- D1-141 Ars poetica. Сублимация (содержание раздела)
- D1-142 «Пусть вечности бесстрастной все равно...»
- D1-143 Хирон
- D1-144 «Ночь, ночь. В ее могильной тишине...»
- D1-145 Трижды
- D1-146 «Я так давно вкус этого напитка...»
- D1-147 «Я смог прожить бесчисленные жизни...»
- D1-148 «Рече Господь – и я ушел из Ура...»
- D1-149 «Шеренги книг, мерцанье бронзы старой...»
- D1-150 «Все ближе срок, назначенный судьбою...»
- D1-151 VI Ars sacra
- D1-152 Ars sacra. Афродита Пандемос (содержание раздела)
- D1-153 Отдельный листок – пометки
- D1-154 «Божественная сущность бытия...»
- D1-155 «Казалось, узы навсегда порвав...»
- D1-156 «Ты совершенство мира, благодать...»
- D1-157 «О Движущей светилами вселенной...»
- D1-158 «О сколькими бессонными ночными...»
- D1-159 «Не проклиная, хоть ты и черна...»
- D1-160 «Будь проклята за то, что ты черна...»
- D1-161 «Глядится пустота из всех углов...»
- D1-162 «Ползи во тьме с уступа на уступ...»
- D1-163 «Земли и неба так миры темны...»
- D1-164 Ars sacra. Афродита Урания (содержание раздела)
- D1-165 Отдельный листок – таблица содержания
- D1-166 «Песок струится – в горсти старой мне...»
- D1-167 «С тех пор, как над собою синевы...»
- D1-168 «Что противопоставлю темноте...»
- D1-169 «В слепом полете от звезды к звезде...»
- D1-170 «Любовь себе не ведает измен...»
- D1-171 «О том, что начинается в Шумере...»
- D1-172 «Червей могильных досыта кормя...»
- D1-173 «В свои общедоступные орбиты...»
- D1-174 «Любовь моя – безумие мое...»
- D1-175 VII Ars amandi
- D1-176 Ars amandi ...servum tuum (содержание раздела)
- D1-177 «Все дольше тьмы бессонная тоска...»
- D1-178 «Втопчи в небытие, убей, забудь...»
- D1-179 «Что мне до вод Сейхуна и Джейхуна...»
- D1-180 «Природы нестареющей уловки...»
- D1-181 «Презрение ко всему, что лично. Стиль...»
- D1-182 «Там, где смыкались вековые кроны...»

- D1-183 «Благословен Господь, Кто сотворил...»
- D1-184 «Она любить другого рождена...»
- D1-185 Встреча
- D1-186 *Ars amandi ...verbum tuum...*(содержание раздела)
- D1-187 «Земля и небо; ропот полувнятный...»
- D1-188 «Благословенны – та из жизней, миг...»
- D1-189 «Благословенны – та из жизней, миг...» (перечеркнутый текст)
- D1-190 «С тобою Тайным, о дитя, делясь...»
- D1-191 «О Господи, караешь Ты сурово...»
- D1-192 «Ни молодости вечной, ни бессмертья...»
- D1-193 «Я выскользну из тела душной кельи...»
- D1-194 «Я – голос из ничто, из ниоткуда...»
- D1-195 «Когда исчезнуть навсегда придет...»
- D1-196 «Пусть времени всезвездная река...»
- D1-197 Прикрепленный листок - пометка

D2 – Второй черновик «Ars moriendi»

- D2-001 Лист с названием: «Ars moriendi»
- D2-002 Лист со списком разделов цикла
- D2-003 Лист с названием: «Ars moriedi» и эпитафиями
- D2-004 Лист с названием: «I Ars hermetica»
- D2-005 Лист с названием: «1. Incipit...»
- D2-006 1. «Кто на путях к невоплотимой цели...»
- D2-007 2. «Что юности конца не будет – верь...»
- D2-008 3. «В просторах звездной пустоты блуждая...»
- D2-009 4. «Темнея, меркнет марево заката...»
- D2-010 5. «Звезда в бессонной глубине столетий...»
- D2-011 6. «Мой дом, обитель нерожденных душ...»
- D2-012 7. «Мой город мертвецов, который раз...»
- D2-013 8. «Какая затаившаяся мощь...»
- D2-014 9. «Заговори со мною, тишина...»
- D2-015 10. «Рассвет. Еще одной бессонной ночи...»
- D2-016 Лист с названием: «2. ... vita novissima» и эпитафией
- D2-017 11. «Минувшего забытые могилы...»
- D2-018 12. «Как дьяволом, стихами одержим...»
- D2-019 13. «Я не дерзнул бы взяться за перо...»
- D2-020 14. «Как часто не хватает нам ума...»
- D2-021 15. «Вы не были, о нет, мои тихи...»
- D2-022 16. «Поэзия – бессмертия залог...»
- D2-023 17. «Ночь погрузит в слепую глубину...»
- D2-024 18. «То, чего нет, напрасно я искал...»
- D2-025 19. «Чем ни была бы ты, любовь моя...»
- D2-026 Лист с названием: «II Ars vitae»
- D2-027 Лист с названием: «3. Mundus Subterraneus» и эпитафией
- D2-028 20. «Пренебрегая наготою тел...»
- D2-029 21. Сны
- D2-030 22. «Пока рассвета мутное сегодня...»
- D2-031 23. «Какой неумолимой ты была...»
- D2-032 24. «Мелькая, ночь за ночью, день за днем...»
- D2-033 25. «Когда? Когда? Не вспомнить мне сейчас...»

- D2-034 26. «Не ждал уже, не верил я в веках...»
- D2-035 27. «Когда любая гнилью пахнет снесь...»
- D2-036 28. «За что я каждой ночью осужден...»
- D2-037 Лист с названием: «4. Тогда...» и эпитафией
- D2-038 29. «Судьба, какими далями ты шла...»
- D2-039 30. «Абу Нурра был и да будет мне...»
- D2-040 31. «Тогда – весною – мертвый среди мертвых...»
- D2-041 32. «Что о глухие своды бьется дух...»
- D2-042 33. «Последним память смутную хранящий...»
- D2-043 34. «За что в неистолкуемо жестоком...»
- D2-044 35. «С тех пор, как, мрамор, мрамором ты стал...»
- D2-045 36. «Так долго биться было суждено...»
- D2-046 37. «Еще закат последний не угас...»
- D2-047 Лист с названием: «III. Ars moriendi»
- D2-048 Лист с названием: «5. Далеко от Эдема» и эпитафией
- D2-049 38. «Когда-то в угасающем сиянии...»
- D2-050 39. «Ты – соприкосновение миров...»
- D2-051 40. «О мертвые мои, напрасно к вам...»
- D2-052 41. «Исход из темной одиночки «я»...»
- D2-053 42. «Дарующей бессмертие любви...»
- D2-054 43. «Чему не сбыться и что не сбылось...»
- D2-055 44. «Бессильно – день за днем, за ночью ночь...»
- D2-056 45. Темнеет запад. Сумерек слепое...»
- D2-057 46. «И я блуждал в пустыне сорок лет...»
- D2-058 Лист с названием: «6. Все о Змие» и эпитафией
- D2-059 47. «Свой путь земной пройдя до половины...»
- D2-060 48. «Иди – встают, асфальт разворотив...»
- D2-061 49. «С улыбкой Боттичеллевой Весны...»
- D2-062 50. «Что изменилось, что уже не то...»
- D2-063 51. «Последние не даровали боги...»
- D2-064 52. «Всю жизнь я верил в то, что далеко...»
- D2-065 53. «Неведомая прежде глубина...»
- D2-066 54. «Былых вещей бесплотные названия...»
- D2-067 55. «Мне зеркалом служа, сонет Петрарки...»
- D2-068 Лист с названием: «7. Грехопадение» и эпитафией
- D2-069 56. «Круговорот размерен бытия...»
- D2-070 57. «На многих полках выстроившись чинно...»
- D2-071 58. Введение во храм
- D2-072 59. «Иди со мной в готический простор...»
- D2-073 60. «Бог сотворил тебя – глаза твои...»
- D2-074 61. «Как было странно после стольких лет...»
- D2-075 62. «К его руке твоя скользит рука...»
- D2-076 63. «Молчанью стен – безмолвию камней...»
- D2-077 64. «Не видеть, как ее темнеет взгляд...»
- D2-078 Лист с названием: «8. Искупление» и эпитафией
- D2-079 65. «Искусства благородней в мире нет...»
- D2-080 66. Искупление
- D2-081 67. «Ты снишься мне, любимая. Но мечет...»
- D2-082 68. «Острее страданья не было и нет...»
- D2-083 69. «Мне часто снятся площадь, эшафот...»
- D2-084 70. «Знать не желая о заботах черни...»

- D2-085 71. «Над ночи тьмою и сияньем дня...»
 D2-086 72. «Тебя, которой нет, я ждал всегда...»
 D2-087 73. «Тебя искал я, зная, что ты – мука...»
 D2-088 Лист с названием: «Ars magna»
 D2-089 Лист с названием: «9. Viatorium Spagyricum» и эпитафией
 D2-090 74. Viatorium Spagyricum
 D2-091 75. «Был Иерусалим – и ныне в Тир...»
 D2-092 76. «Неизрекомо жизни одинокой...»
 D2-093 77. «Не загнан волшебством Цирцеи в хлев...»
 D2-094 78. «Себе не веря, шепоту судьбы...»
 D2-095 79. «Запрету внявший Твоему, с тех пор...»
 D2-096 80. «Сжигаем тщетной жаждою бессмертья...»
 D2-097 81. «Несбыточного бытие так странно...»
 D2-098 82. «С тех пор, как мир живых мне стал чужим...»
 D2-099 Лист с названием: «V. Ars poetica»
 D2-100 Лист с названием: «10. Реликварий» и эпитафией
 D2-101 83. Езда в остров любви. II
 D2-102 84. «Мне из ладоней сложенных твоих...»
 D2-103 85. «Я, кто земное воплощение чуда...»
 D2-104 86. «Нет, не всосали с молоком волчицы...»
 D2-105 87. Езда в остров любви. II
 D2-106 88. «Нет у Шираза меда и вина...»
 D2-107 89. «Сродни любви поэзия: они...»
 D2-108 90. «Когда, пытая ужасом, придут...»
 D2-109 91. Езда в остров любви. III
 D2-110 Лист с названием «Thesaurus Thesaurorum» и эпитафией
 D2-111 92. «До неба звезд, горя в любви огне, я...»
 D2-112 93. «Я «радостной науки» трубадуров...»
 D2-113 94. «Не умолкают и не смотрят вслед...»
 D2-114 95. «Благословен день, месяц, лето, час...»
 D2-115 96. «Как тот – в свой век преступный и постыдный...»
 D2-116 97. «Три женщины. Хмель первого бокала...»
 D2-117 98. «Глухой, слепой, со сцены брел и я...»
 D2-118 99. «Дань заплатив собою стольким зимам...»
 D2-119 100. «Шекспировских сонетов смуглой леди...»
 D2-120 Лист с названием: «Магия сонета» и эпитафией
 D2-121 101. «Строго огранка – ярче слов сиянье...»
 D2-122 102. Рождение Венеры
 D2-123 103. «Познав с недетским ужасом когда-то...»
 D2-124 104. «Катрена равнодушие немое...»
 D2-125 105. «Я знаю, что отравлен твой напиток...»
 D2-126 106. «Мелькну как тень и растворюсь как тень я...»
 D2-127 107. «Не помню, сколько жизней ждал – придет...»
 D2-128 108. «Еще огнем не стало наше небо...»
 D2-129 109. Сонет судьбы
 D2-130 Лист с названием: «13. Сублимация» и эпитафией
 D2-131 110. «Пусть вечности бесстрастной все равно...»
 D2-132 111. Хирон
 D2-133 112. «Ночь, ночь. В ее могильной тишине...»
 D2-134 113. Трижды
 D2-135 114. «Я так давно вкус этого напитка...»

- D2-136 115. «Я смог прожить бесчисленные жизни...»
 D2-137 116. «Рече Господь – и я ушел из Ура...»
 D2-138 117. «Шеренги книг, мерцанье бронзы старой...»
 D2-139 118. «Все ближе срок, назначенный судьбою...»
 D2-140 Лист с названием: «VI. Ars sacra»
 D2-141 Лист с названием: «14. Афродита Пандемос» и эпитафия
 D2-142 119. «Божественная сущность бытия...»
 D2-143 120. «Казалось, узы навсегда порвав...»
 D2-144 121. «Ты совершенство мира, благодать...»
 D2-145 122. «О Движущей светилами вселенной...»
 D2-146 123. «О сколькими бессонными ночными...»
 D2-147 124. «Не проклиная, хоть ты и черна...»
 D2-148 125. «Глядится пустота из всех углов...»
 D2-149 126. «Ползи во тьме с уступа на уступ, но...»
 D2-150 127. «Земли и неба так миры темны...»
 D2-151 Лист с названием: «15. Афродита Урания»
 D2-152 128. «Песок струится – в горсти сжатой мне...»
 D2-153 129. «С тех пор, как над собою синевы...»
 D2-154 130. «Что противопоставлю темноте...»
 D2-155 131. «В слепом полете от звезды к звезде...»
 D2-156 132. «Любовь себе не ведает измен...»
 D2-157 133. «О том, что начинается в Шумере...»
 D2-158 134. «Червей могильных досыта кормя...»
 D2-159 135. «В свои общедоступные орбиты...»
 D2-160 136. «Любовь моя – безумие мое...»
 D2-161 Лист с названием: «VII. Ars amandi»
 D2-162 Лист с названием: «16. ... servum tuum ...» и эпитафией
 D2-163 137. «Все дольше тьма, бессонная тоска...»
 D2-164 138. «Втопчи в небытие, убей, забудь...»
 D2-165 139. «Что мне до вод Сейхуна и Джейхуна?»
 D2-166 140. «Природы нестареющей уловки...»
 D2-167 141. «Презренье ко всему, что низко. Стиль»
 D2-168 142. «Там, где смыкались вековые кроны...»
 D2-169 143. «Благословен Господь, Кто сотворил...»
 D2-170 144. «Она любить другого рождена...»
 D2-171 145. «Мечта напрасна о кивке одном...»
 D2-172 Лист с названием: «17. ... verbum tuum...» и эпитафией
 D2-173 146. «Земля и небо; ропот полувнятный...»
 D2-174 147. «Благословенны та из жизней, миг...»
 D2-175 148. «С тобою Тайным, о дитя, делаясь...»
 D2-176 149. «О Господи, - карашь Ты сурово...»
 D2-177 150. «Ни молодости вечной, ни бессмертья...»
 D2-178 151. «Я выскользну из тела душевной кельи...»
 D2-179 152. «Я – голос из ничто, из ниоткуда...»
 D2-180 153. «Когда исчезнуть навсегда придет...»
 D2-181 154. «Пусть времени всезвездная река...»
 D2-182 Примечания
 D2-183 Примечания (продолжение)
 D2-184 Примечания (продолжение)
 D2-185 Примечания (продолжение)
 D2-186 Примечания (продолжение)

D2-187 Примечания (продолжение)

D2-188 Примечания (окончание)

Раздел «Е». Прозаические произведения и наброски

E1 «Воды Леты» (повесть; июль 1941 г.)

E1-001 Карта острова, нарисованная К.С. Герасимовым

E2 «Воды Леты» (окончание повести; июль 1941 г.)

E3 «Стратегия»; «Предсказание»; «Ошибка Фредди»; «Пять центов» (рассказы; май 1943 г. – июнь 1944 г.)

E4 «Война на море» (черновик повести; 1943 г.)

E4-001 Карта звездного неба (печатная)

E5 «Первая иллюзия» (рассказ)

E6 Синописис романа. На обложке – карандашный рисунок корабля К.С. Герасимова

Содержание:

I Вестлэнд

1. Встреча

2. Договор

3. Дары моря

4. Кастль

II Асунсион

1. Форт Кристоаль

2. Бунт

3. Флибустьеры

4. Абордаж

III Голденхолл

1. Это он!

2. Пир моряков

3. Ауденция

4. Абордаж

IV Кастль

1. Заговор

2. Письмо

3. Принцесса

4. Казнь

E6-001 Лист с «Планом романа» и рисунком К.С. Герасимова

Раздел «F». Записные книжки (10 блокнотов)

(Сохранена хронология, нумерация страниц и записок К.С. Герасимова)

F1 Записная книжка №1. 1943 г. – 1944 г. стр. 1-133. 150 записок.

В записной книжке №1 хранятся:

F1-001 листок с записями к заметкам от июня-августа 1944 г.

F1-002 листок с записями к заметкам №41-42.

- F1-003 листок с записями к заметкам от января 1947 г.
 F1-004 фотография К.С. Герасимова от 1947 г.
 F1-005 газетная вырезка с портретом Эредиа.
 F1-005 газетная вырезка с портретом А. Грина.
 F1-007 Рисунок К.С. Герасимова к заметке № 66.
F2 Записная книжка №2. 1944 г. – 1945 г. стр. 134-223. 73 заметки.
F3 Записная книжка №3. Май 1945 г. – май 1947 г. Стр. 224-309. 153 заметки.
F4 Записная книжка №4. Май 1947 г. – март 1948 г. стр.310-406. 156 заметок.
F5 Записная книжка №5. Март 1948 г. – апрель 1949 г. стр. 4970506. 127 заметок.
F6 Записная книжка №6. Апрель 1949 г. – август 1954 г. стр. 507-602. 145 заметок.
F7 Записная книжка №7. Август 1954 г. – февраль 1962 г. стр. 603-702. 115 заметок.
F8 Записная книжка №8. Февраль 1962 г. – декабрь 1972 г. стр. 703-800. 55 заметок.
F9 Записная книжка №9. Неоконченная. Январь 1972 г. – ... Стр. 801 - ... 179 заметок.
F10 Блокнот с рабочими заметками, не пронумерованный К.С. Герасимовым. 1967 г.

Раздел «G». Поэтические циклы (в виде отдельных листов)

G1 Habeas tibi

- G1-001 Лист с названием «Habeas tibi»
 G1-002 Лист с названием «Habeas tibi (Книга Питера)», эпиграфом и содержанием цикла
 G1-003 Лист с названием «I. Рассвет» и эпиграфом
 G1-004 Скальд
 G1-005 Триптих
 G1-006 Купание Дианы
 G1-007 Робость
 G1-008 Леди Эллен
 G1-009 Паж
 G1-010 Прекрасные знатные дамы
 G1-011 Рассвет
 G1-012 Лист с названием «II. Solo tu» и эпиграфом
 G1-013 «За ночью приходит день, как всегда»
 G1-014 Ты одна
 G1-015 Она
 G1-016 Гроза
 G1-017 «Тебя напрасно было ждать...», «Навеки осужден я ждать...», «О том, что тщетно было ждать...»
 G1-018 «Года, в ревущей быстрине...»
 G1-019 «На берегах Евфрата, Тигра...»
 G1-020 Купанье
 G1-021 «Я губы твои целовал...»
 G1-022 Оковы рук
 G1-023 Мы одни...
 G1-024 «Тяжелые ресницы ночи...»
 G1-025 Лист с названием «III. Uno solo» и эпиграфом
 G1-026 Вечно
 G1-027 «Знаю, небо расторгнет созвездий узор...»
 G1-028 Любимой
 G1-029 «Повторяя одно и то же...»
 G1-030 «Холодной злобой возвращений...»
 G1-031 Игра

- G1-032 Еще одна
- G1-033 Женщины
- G1-034 Потом
- G1-035 Ньюбери - Честерхилл
- G1-036 Одиночество
- G1-037 «Больше о чуде...»
- G1-038 «Я не знал ее поцелуев...»
- G1-039 Вечерняя молитва
- G1-040 «У черта душу я купил...»
- G1-041 Хеппи энд
- G1-042 Лист с названием «IV. Habeas tibi» и эпитафией
- G1-043 «Саван дня, и сутана ночи...»
- G1-044 Зов
- G1-045 Красота (триптих)
- G1-046 Звезда пустыни
- G1-047 «Давно уже все не ново...»
- G1-048 Немой
- G1-049 Тайное право (стихи о себе)
- G1-050 «Мычания жертвенных тельцов...»
- G1-051 Все твоё
- G1-052 Лист с названием «Свобода (Верность Питера)»
- G1-053 Свобода (Верность Питера) I
- G1-054 II «Белый свет... Свет не так уж бел...»
- G1-055 Лист с названием «Пути. Триптих»
- G1-056 Пути. Триптих. I Dulce et decorum
- G1-057 II Жертвоприношение
- G1-058 III Орфей
- G1-059 Как вам угодно
- G1-060 Лист с названием «Путь паломника. Триптих»
- G1-061 Путь паломника. Триптих. I Молча
- G1-062 II Шепотом
- G1-063 III Вполголоса
- G1-064 Встреча
- G1-065 «Россыпи звезд воссозданы...»
- G1-066 Habeas tibi

G2 Третий Завет

G2-001

Тетрадь стихов «Третий Завет»

Содержание:

Вступление

Слон

Камбала

Мартышка

Змея

Павиан

Какаду

Акула

Страус

Жаворонок
Горилла
Жираф

Рукописные листы, вложенные в тетрадь стихов «Третий Завет»:

G2-002 Для одного
G2-003 Холизм, или de l'infinito, universo e mondo
G2-004 «К прозрению Вечности стремясь, молил я каждый том...»
G2-005 «Спеши до темноты...»
G2-006 Noli tangere circulos meos

G3

Посвящение

G3-001 Лист с названием Посвящение
G3-002 Лист с названием Посвящение и авторским описанием цикла. На обороте - содержание цикла
G3-003 Лист с названием День
G3-004 Лист I с эпиграфом
G3-005 Джен: В день этот жаркий середины лета...
G3-006 Джен: О так! Ну что же, пусть уходит снова..."
G3-007 Лист II с эпиграфом
G3-008 Джен, м-р Уэст: Скользнуть домой тихонько... Нет, за садом...
G3-009 Песня о трех Благородных, но Объятых скорбью Девах
G3-010 Те же: Вот, наконец... Но почему смолкает...
G3-011 Песня о Тщете всех Высоких Стремлений
G3-012 Те же: Все ж исчезать и прятаться - нечестно?
G3-013 Песня о дерзком малом
G3-014 Те же: Ну вот и гонг к обеду. Долгий снова...
G3-015 Лист III с эпиграфом
G3-016 Джен: Лег на холмы дрожащей дымкой зной...
G3-017 Лист с названием Лазурная с золотом Баллада об Осуществлении Мечты
G3-018 Лазурная с золотом Баллада об Осуществлении Мечты
G3-019 "Синими крабами пальмовых веток..."
G3-020 "Отравлен зовом островов..."
G3-021 Лист с названием Ночь
G3-022 Лист IV с эпиграфом
G3-023 Питер: Ночь. Душная дремотна тишина...
G3-024 Черная с алым Баллада о Благе Бытия
G3-025 Питер: Ночные выются бабочки и льнут...
G3-026 Лист с названием Баллада об Англичанине
G3-027 Баллада об Англичанине
G3-028 Баллада об Англичанине (второй рукописный вариант)
G3-029 Баллада об Англичанине (окончание)
G3-030 Питер: Безмолвия неодолимый зов...
G3-031 Лист с названием Баллада об Адмиральском Дубе
G3-032 Баллада об Адмиральском Дубе
G3-033 Баллада об Адмиральском Дубе (окончание)
G3-034 Питер: Бела дорога в резком лунном свете...
G3-035 Лист V с эпиграфом
G3-036 Питер: Взгляни же с перекрестка всех путей...
G3-037 Питер: Дано ли всем постичь, как бредит тьма...

- G3-038 Питер: Узка тропинка. Черною скал...
- G3-039 "Струи серебряной туники..."
- G3-040 Питер: Ты - шорох мертвых, вздох живых - отмечен...
- G3-041 Лист VI с эпитафией
- G3-042 Питер: Лесная тишь застигнута врасплох ...
- G3-043 Лист с названием Баллада о слепом капитане
- G3-044 Баллада о слепом капитане
- G3-045 Баллада о слепом капитане (окончание)
- G3-046 Питер: Чернеющий пещерами обрыв...
- G3-047 Лист с названием Баллада-мистерия о Тайне Святого Причастия
- G3-048 Баллада-мистерия о Тайне Святого Причастия
- G3-049 Баллада-мистерия о Тайне Святого Причастия (продолжение)
- G3-050 Баллада-мистерия о Тайне Святого Причастия (продолжение)
- G3-051 Баллада-мистерия о Тайне Святого Причастия (окончание)
- G3-052 Питер: Так этой ночью заводи реки...
- G3-053 Баллада о Молчании Провидца
- G3-054 Питер: О, что сравнится с нежностью оков...
- G3-055 Лист с названием Третий хор
- G3-056 Ночь 1
- G3-057 Река 1
- G3-058 Хор звезд 1
- G3-059 Хор светляков 1
- G3-060 Хор зеленых гномов 1
- G3-061 Хор черных гномов 1
- G3-062 Хор эльфов 1
- G3-063 Ветер 1
- G3-064 Шепот травы
- G3-065 Ветер 2
- G3-066 Хор эльфов 2
- G3-067 Хор черных гномов 2
- G3-068 Хор зеленых гномов 2
- G3-069 Хор светляков 2
- G3-070 Хор звезд 2
- G3-071 Река 2
- G3-072 Ночь 2
- G3-073 Хор эльфов 3
- G3-074 Питер: Это бред? Это явь? Или я...
- G3-075 Хор эльфов 4
- G3-076 Ночь 3
- G3-077 Жаворонок
- G3-078 Лист с названием Утро
- G3-079 Лист VII с эпитафией
- G3-080 Питер: Сон. Утро. Явь. Туман еще не тает...
- G3-081 Лист с названием Действо о рабстве. Баллада-миракль
- G3-082 Действо о рабстве. Баллада-миракль
- G3-083 Действо о рабстве. Баллада-миракль (продолжение)
- G3-084 Действо о рабстве. Баллада-миракль (продолжение)
- G3-085 Действо о рабстве. Баллада-миракль (продолжение)
- G3-086 Действо о рабстве. Баллада-миракль (продолжение)
- G3-087 Действо о рабстве. Баллада-миракль(окончание)
- G3-088 Джен: Пусть затаились глухо тени ночи...

- G3-089 Отчасти апокалиптическая Баллада о Задумчивом Полисмене
- G3-090 Питер, Джен: Летят лесные голуби... В дрожащей...
- G3-091 Баллада о Неизбежности Грехопадения
- G3-092 Джен, Питер: (Пусть... будет... все. Ведь... большее есть счастье?)
- G3-093 Лист с названием Вечер
- G3-094 Лист VIII с эпиграфом
- G3-095 М-р Уэст, Питер, Джен: Что к вечеру, пожалуй, будет ветер...
- G3-096 Лист с названием Баллада о Мертвом Капитане
- G3-097 Баллада о Мертвом Капитане
- G3-098 Баллада о Мертвом Капитане (окончание)
- G3-099 Питер, Джен, м-р Уэст: Куда, над самой проносясь дорогой...
- G3-100 Лист с названием Баллада о Крысолове
- G3-101 Баллада о Крысолове
- G3-102 Баллада о Крысолове (продолжение)
- G3-103 Баллада о Крысолове (окончание)
- G3-104 Джен, м-р Уэст, Питер: В темнеющей листве притихли птицы...
- G3-105 Лист с названием Баллада о Выборе
- G3-106 Баллада о Выборе
- G3-107 Баллада о Выборе (окончание)
- G3-108 Автор и все остальные: Нерасторжим несбыточного плен...
- G3-109 Заключительная Баллада Автора о Последнем Кабаке
- G3-110 Джен, Холден: Ну вот и хмельник... Ферма... Норта лай...
- G3-111 Баллада о брауни
- G3-112 Те же: Дубовых балок копать, белизна...
- G3-113 Лист с названием Звездно-синяя Баллада о Недостойном Избраннике
- G3-114 Звездно-синяя Баллада о Недостойном Избраннике
- G3-115 Звездно-синяя Баллада о Недостойном Избраннике (окончание)
- G3-116 Джен: Прозрачен золотой закатный свет...

G4

Поэзия – акт познания

- G4-001 Лист с названием «Поэзия – акт познания»
- G4-002 «Кто на путях к неплотимой цели...»
- G4-003 Аррефор
- G4-004 Созвучия
- G4-005 Преемственность
- G4-006 I Русская поэзия
- G4-007 II Русская поэзия
- G4-008 Поэзия – слова, слова, слова...
- G4-009 IV Баллада-антиутопия «Suum cuique»
- G4-010 «Я обретал следы былого...»
- G4-011 Во благополучное плавание

G5

Пролог к прологу

- G5-001 Лист с названием «Пролог к прологу»
- G5-002 Пролог к Прологу. Первый шут. Второй шут. Третий шут
- G5-003 Четвертый шут. Пятый шут

G6**Два мира. Часть 2**

- G6-001 Лист с названием «IV Два мира. Часть 2»
- G6-002 Лист-вкладыш с пометками
- G6-003 Лист-вкладыш с пометками
- G6-004 Лист-вкладыш с пометками
- G6-005 Лист с названием «Два мира» и пометками
- G6-006 Лист с названием «Трое»
- G6-007 Лист с названием «I Недалеко от Эдема»
- G6-008 Лист с названием «Трое в одной лодке»
- G6-009 Трое в одной лодке
- G6-010 Трое в одной лодке (продолжение)
- G6-011 Трое в одной лодке (окончание)
- G6-012 Лист с названием «У старой реки»
- G6-013 У старой реки
- G6-014 У старой реки (окончание)
- G6-015 Лист с названием «Вечер»
- G6-016 Лист с заметками «Нонкоформизм. Залог успеха литературного произведения»
- G6-017 Вечер
- G6-018 Вечер (окончание)
- G6-019 Лист с названием «II Кое-что о змие»
- G6-020 Лист с пометками
- G6-021 Лист с названием «Та, другая»
- G6-022 Та, другая
- G6-023 Та, другая (окончание)
- G6-024 Лист с названием «Два мира»
- G6-025 Два мира
- G6-026 Два мира (продолжение)
- G6-027 Два мира (продолжение)
- G6-028 Два мира (окончание)
- G6-029 Лист с названием «Равенство»
- G6-030 Равенство
- G6-031 Лист с названием «III Грехопадение»
- G6-032 Лист с названием «Венок»
- G6-033 Венок
- G6-034 Венок (окончание)
- G6-035 Лист с названием «Грехопадение»
- G6-036 Грехопадение I, II
- G6-037 Грехопадение III, IV
- G6-038 Грехопадение V
- G6-039 Лист с названием «Юность»
- G6-040 Лист с пометками
- G6-041 Юность
- G6-042 Юность (окончание)
- G6-043 Лист с названием «IV Изгнание»
- G6-044 Лист с названием «Попутчик»
- G6-045 Попутчик
- G6-046 Попутчик (окончание)
- G6-047 Лист с названием «Ложь»
- G6-048 Ложь
- G6-049 Лист с названием «Еще раз трое»

G6-050 Еще раз трое

G7

Два мира. Часть 3 (Все подробности)

G7-001 Лист с названием «IV Два мира. Часть 3 (Все подробности)»

G7-002 Часть 1. Стр. 1 прозаического текста

G7-003 Стр. 2

G7-004 Стр. 3

G7-005 Стр. 4

G7-006 Стр. 5

G7-007 Стр. 6

G7-008 Стр. 7

G7-009 Стр. 8

G7-010 Стр. 9

G7-011 Стр. 10

G7-012 Стр. 11

G7-013 Стр. 12

G7-014 Стр. 13

G7-015 Стр. 14

G7-016 Стр. 15

G7-017 Стр. 16

G7-018 Стр. 17

G7-019 Стр. 18

G7-020 Стр. 19

G7-021 Стр. 20

G7-022 Стр. 21

G7-023 Стр. 22

G7-024 Стр. 23

G7-025 Стр. 24

G7-026 Стр. 25

G7-027 Стр. 26

G7-028 Стр. 27

G7-029 Стр. 28

G7-030 Стр. 29

G7-031 Часть 2. Стр. 30

G7-032 Стр. 31

G7-033 Стр. 32

G7-034 Стр. 33

G7-035 Стр. 34

G7-036 Стр. 35

G7-037 Стр. 36

G7-038 Стр. 37

G7-039 Стр. 38

G7-040 Стр. 39

G7-041 Стр. 40

G7-042 Стр. 41

G7-043 Стр. 42

G7-044 Стр. 43

G7-045 Стр. 44

G7-046 Стр. 45
 G7-047 Стр. 46
 G7-048 Стр. 47
 G7-049 Стихотворение «Бессмыслицею стало для меня...»
 G7-050 Стр. 49 прозаического текста
 G7-051 Стр. 50
 G7-052 Стр. 51
 G7-053 Стр. 52
 G7-054 Стр. 53
 G7-055 Стр. 54
 G7-056 Стихотворение «Ждать должен был все жизни, все века я...»
 G7-057 Стр. 56 прозаического текста
 G7-058 Стр. 57
 G7-059 Стр. 58
 G7-060 Стр. 59
 G7-061 Стр. 60
 G7-062 Стихотворение «Горящие в Эребе помня реки...»

G8

Извиняющаяся Авторская Баллада о Балладах

G8-001 Лист с названием «Извиняющаяся Авторская Баллада о Балладах»
 G8-002 Извиняющаяся Авторская Баллада о Балладах
 G8-003 Извиняющаяся Авторская Баллада о Балладах (окончание)

G9

Пролог на земле

G9-001 Пролог на Земле (лист с названием)
 G9-002 Пролог на Земле (лист с названием и содержанием раздела)
 G9-003 I Давно (лист с названием)
 G9-004 Из родословной автора
 G9-005 Мужество без награды
 G9-006 Credo
 G9-007 «Иного уже не вспомнить...»
 G9-008 «Я не ждал – только верил...»
 G9-009 Шепот
 G9-010 Смутные воспоминания
 G9-011 Remember (лист с названием)
 G9-012 1.«Всеобщее счастье...»
 G9-013 2.«Свист ветра...»
 G9-014 3. «Завтра слякоть бессонная...»
 G9-015 4.«На берег брошен...»
 G9-015 5.«Рассвет. Нарастая, слышен...»
 G9-017 Воплощение (лист с названием)
 G9-018 1.Рай
 G9-019 2.«Так пусть искупление медлит...»
 G9-020 3.Чистилище
 G9-021 4.«Пусть выжжены...»
 G9-022 5.Ад
 G9-023 6.«Но пусть оболванен...»

- G9-024 Больше (лист с названием)
- G9-025 I «В начале была злоба». II «Меркнули неба алмазы...»
- G9-026 III «Не дано никому...»
- G9-027 Мой сад (лист с названием)
- G9-028 Мой сад I «Воспоминаньем детства был...». II «Но, но! Есть общие сады...»
- G9-029 III «Таинственный, заглохший сад...». IV «Я мальчуганом, верно, был...»
- G9-030 V «Как тем, чья поступь тяжела...». VI «Бетон сковал поля...»
- G9-031 Давно
- G9-032 II Плен (лист с названием)
- G9-033 Адрес Авроры
- G9-034 «Час. Три. Четыре...»
- G9-035 «Стандартизированной жратвою...»
- G9-036 Ноктюрн первый
- G9-037 Ноктюрн второй
- G9-038 Хотя бы
- G9-039 Бессонница
- G9-040 «Напрасно корчишься на нарах...»
- G9-041 Поэзия. XX век
- G9-042 «Пусть ужас голыми когтями...»
- G9-043 Ноктюрн третий
- G9-044 Ноктюрн четвертый
- G9-045 «Сухие русла мертвых рек...»
- G9-046 Призвание (лист с названием)
- G9-047 I Ловец перед Господом исполин...»
- G9-048 II «Что ж, переплыть не суждено...»
- G9-049 III Pereat (лист с названием)
- G9-050 Noli tangere circulos meos
- G9-051 У столба
- G9-052 Выживают худшие
- G9-053 До времени
- G9-054 Динарий кесарю (лист с названием)
- G9-055 «Одна лишь тупость...»
- G9-056 «Врезается ль в зловонье закоулков...»
- G9-057 «Не знаю, при каком очередном...»
- G9-058 Бессмертие (лист с названием)
- G9-059 «Пусть воет вечность...»
- G9-060 «Вот каменная чаша с ядом...»
- G9-061 «Не верю в царское бессмертье...»
- G9-062 Pereat (лист с названием)
- G9-063 Тимей
- G9-064 «Спеши, двадцатый век, спеши...»
- G9-065 Критий I
- G9-066 «Сорной травой забвенья...»
- G9-067 Критий II
- G9-068 «Уже Плеяды – Атлантиды...»
- G9-069 Критий III
- G9-070 Чужбина
- G9-071 IV Исход
- G9-072 Нет
- G9-073 Камни (лист с названием)
- G9-074 «Вот каменная россыпь храма...»

- G9-075 «С осыпи горной кручи...»
 G9-076 «Прозрачной дымкою едва...»
 G9-077 «Вновь долины былого...»
 G9-078 «Все заросло – переплелись боярышник и ежевика...»
 G9-079 Из новой Книги Джунглей
 G9-080 Requiem (лист с названием)
 G9-081 Requiem atternam
 G9-082 Dii tui, Izrael
 G9-083 Cum ferro
 G9-084 Агония
 G9-085 Верь
 G9-086 Вместе со всеми
 G9-087 Один из множества
 G9-088 Умолкшие
 G9-089 «Это было – этого не было...»
 G9-090 «Был день. И пламенел закат...»
 G9-091 Et resurtexit
 G9-092 Клад (лист с названием)
 G9-093 Клад
 G9-094 Клад (окончание)
 G9-095 Конец рабства
 G9-096 Из Книги Ночи (лист с названием)
 G9-097 «Восторженным захлебываясь визгом...»
 G9-098 Ноктюрн с книгами
 G9-099 Еще ноктюрн с книгами
 G9-100 Вопреки
 G9-101 Звездный ноктюрн
 G9-102 Opus magnum
 G9-103 Псалом свободы (лист с названием)
 G9-104 Псалом свободы
 G9-105 Псалом свободы (окончание)
 G9-106 Преображение (лист с названием)
 G9-107 Преображение
 G9-108 Nulla dies...
 G9-109 ... sine linea
 G9-110 «Неведомого никому – не знать...»
 G9-111 До рассвета
 G9-112 Сновидец (лист с названием)
 G9-113 «В неизреченной тьме, под сводом гробовым...»
 G9-114 Служение Ричарда
 G9-115 Верность Джен
 G9-116 Знание Хьюберта...»
 G9-117 Призвание Питера
 G9-118 «И были сны. И я под сводом гробовым...»
 G9-119 К востоку от Суэца (из дневника Автора) (лист с названием)
 G9-120

I

1. В пустыне, тишина, ты разобьешь свой стан...»

G9-121

II

2.«Что ж, если все, чему слов не нашел язык...»

- 3.«Все свято веруют: нет бога, кроме лжи...»
- 4.«Без ненависти нет любви...»
- 5.«О, правоверный, страстью воспылав горячей...»
- 6.Тюремный цветок

G9-122

III

- 7.«Среди пирующих – и в потаенной мгле...»
- 8.«Надежды трепетной твердя еще слова
- 9.«Еще вчера был мир прекрасных полон чар...»
- 10.«Мне от себя уйти отрада не дана...»
- 11.«Рассвет. Закат. Рассвет...»

G9-123

IV

- 12.Пустыня
- 13.«Налито, пролито, осушено до дна...»
- 14.«Смешались черепки заздравных чаш давно...»
- 15.«Династии и царства канули в века...»
- 16.«Диван стихов моих раскрой...»

G9-124 Дельфы (лист с названием)

G9-125 «Мы шли к Дельфинию Священною дорогой...»

G9-126 «Паломников брели когда-то сонмы тут...»

G9-127 «В бреду безумной девы...»

G9-128 Сны – это сны

G10

Из цикла «Голоса»

G10-001 Лист с названием: «Из цикла «Голоса»»

G10-002 Три скрепленных листа с пометками

G10-003 Лист с надписью «Голоса»

G10-004 I «Ряды томов над томами... В смешение языков...»

G10-005 II Первый голос

G10-006 IV Второй голос

G10-007 VI Третий голос

G10-008 VIII Четвертый голос

G10-009 X Пятый голос

G10-010 XII Шестой голос

G10-011 XIV Седьмой голос

G10-012 XV «Смолкая, за Голосом Голос в океан тишины влились...»

G11

In saecula saeculorum (Книга Книг)

G11-001 Лист с названием «In saecula saeculorum»

G11-002 Лист с названием «In saecula saeculorum (Книга Книг)» и содержанием цикла

G11-003 Лист с названием «I. Во множестве мудрости...» и эпиграфом

G11-004 Из Книги Чисел. Познание

G11-005 Из Книги Творения. «В первомраке беззвездном...»

G11-006 Из Книги Царств. Чтобы...

G11-007 Из Книги Бытия. «В запекшейся крови закатов...»

G11-008 Из Книги Познания. Добро

- G11-009 Лист с названием «Из Книги Пророков»
 G11-010 Из Книги Пророков. 1. «Под юной синевою дня...» 2. «Был Александр. И Цезарь. Был...»
 G11-011 3. «Слиянье губ, и шепот книг...»
 G11-012 Лист с названием «II. И царствию Его...» и эпитафией
 G11-013 Из Книги Мертвых. Страх
 G11-014 Из Книги Заветов. Кровь
 G11-015 Из Книги Созидания. «Я хаос трепетной стихии...»
 G11-016 Из Книги Льва и Единорога. Клятва
 G11-017 Из Книги Знамений. Fuit Ilium
 G11-018 Лист с названием «Из Книги Упований»
 G11-019 Из Книги Упований. Эта Страна
 G11-020 Из Книги Упований. Эта Страна (продолжение)
 G11-021 Лист с названием «III. Едина есть...» и эпитафией
 G11-022 Из Книги Вождений. «За мельканьем видений...»
 G11-023 Из Книги Бессмертия. Спасение
 G11-024 Из Книги Безнадежности. Враг
 G11-025 Из Книги Целомудрия. «Во тьме бесстыдно...»
 G11-026 Из Книги Судеб. De profundis
 G11-027 De profundis (окончание). Из Книги Предначертаний. «Мерцанием праха бездонным...»
 G11-028 Лист с названием «И Слово было...» и эпитафией
 G11-029 Из Книги Благовествований. Благовещение Боттичелли
 G11-030 Из Книги Откровений. Бессмертие
 G11-031 Из Книги Милосердия. Воплощения
 G11-032 Из Книги Благодати. То, чего нет
 G11-033 Из Книги Заповедей. «В кишенье безысходной злобы...»
 G11-034 Из Книги Верности. Во веки веков

G12

Lumen cordis

- G12-001 Лист с названием «Lumen cordis»
 G12-002 Вложенный лист со списком циклов данной тетради
 G12-003 Introitus. I «Мистер Родд, а вы и не знали...»
 G12-004 Лист с названием «I De civitate animi»
 G12-005 Лист с названием «За краем тьмы»
 G12-006 I На круги своя
 G12-007 II По звездам
 G12-008 III О бессмертии
 G12-009 IV «Не смертию умру...»
 G12-010 V За краем
 G12-011 VI Похищенный
 G12-012 Вложенная визитная карточка: «Герасимов Константин Сергеевич Вице-предводитель
 Межнародного Дворянского Собрания Грузии»
 G12-013 VI Похищенный (вариант)
 G12-014 Лист с названием «II The Book»
 G12-015 Лист с названием «Запечатление»
 G12-016 Век XIII Век XIV
 G12-017 Век XV
 G12-018 Век XVI
 G12-019 Век XVII
 G12-020 Век XVIII

- G12-021 Век XIX
- G12-022 Век XX Век XXI (с рисунками автора)
- G12-023 Лист с названием «Голоса»
- G12-024 I «Ряды томов над рядами...»
- G12-025 II Первый голос III «Старой верностью верен...»
- G12-026 IV Второй голос V «Тьму обнажая...»
- G12-027 VI Третий голос VII Едва «величие мессии...»
- G12-028 VIII Четвертый голос IX «Из-за Семи Морей...»
- G12-029 X Пятый голос XI «Страницы Творения...»
- G12-030 XII Шестой голос XIII «Мягко во тьме и тверд...»
- G12-031 XIV Седьмой голос
- G12-032 XV «Смолкая, за Голосом Голос...»
- G12-033 Лист с названием «De magno lapide sapientum»
- G12-034 I Сонет Ричарда
- G12-035 II Второй сонет Ричарда
- G12-036 III Вчера
- G12-037 IV Сонет Хьюберта
- G12-038 V Сонет Хромого Джентльмена
- G12-039 VI Завтра
- G12-040 VII Сонет Автора
- G12-041 VIII Третий сонет Ричарда
- G12-042 Лист с названием «III Несбыточное»
- G12-043 Участь
- G12-044 Обладание
- G12-045 Возвращение
- G12-046 Поздно
- G12-047 Никогда
- G12-048 Desidarata
- G12-049 «Sovely nula hands»
- G12-050 Неизбежное
- G12-051 Ведь...
- G12-052 «Так долго за любой строки...»
- G12-053 Лист с названием «IV Слова»
- G12-054 Лист с названием «Восхождение»
- G12-055 Infantia
- G12-056 Pueritia
- G12-057 Adolescentia
- G12-058 Juventus
- G12-059 Aetas senior
- G12-060 Senectus
- G12-061 Immortalitas
- G12-062 Остров Голосов
- G12-063 Старая книга
- G12-064 В библиотеке
- «С тех пор как сражались Белый и Красный Драконы...»
- «Лишь Солнце покинет Овна...»
- «Грядет век изобилья некий...»
- «С тех пор как сплелись и Белый и Красный драконы...»
- G12-065 Остров Блаженных
- G12-066 Лист названием «Филобиблон – XX»
- G12-067 Наука любви

- G12-068 Еще о любви
 G12-069 Лорд Хранитель Рукописей
 G12-070 Наследник
 G12-071 Во имя...
 G12-072 Наука любви (черновик)
 G12-073 Еще о любви (черновик)
 G12-074 Лист с названием «Обретение»
 G12-075 I «Их ели черви, грызли мыши...»
 G12-076 II «Размазывая беспечно...»
 G12-077 III «Нас ели черви, грызли мыши...»
 G12-078 «Укутана мантией звездной...»
 G12-079 «Губили черви, мыши, люди...»
 G12-080 Лист с названием «Сумеа»
 G12-081 1. «Он сгинет...»
 G12-082 2. Плафон – 1
 G12-083 3. «Так ты в свой век...»
 G12-084 4. Плафон – 2
 G12-085 5. «Один, распластан под нависшим сводом...»
 G12-086 6. Плафон – 3
 G12-087 7. «Все было: юный небосвод. И Ева...»
 G12-088 8. Пророки
 G12-089 9. «Когда-то и пророки, и поэты...»
 G12-090 10. Сивиллы
 G12-091 11. «Пророчествуй один во тьме бездонной...»
 G12-092 12. Алтарная стена
 G12-093 13. «Что Гордецу до мертвых - миллионов...»
 G12-094 Лист с названием «После «Бури»
 G12-095 I Остров
 G12-096 II Они
 G12-097 III Ариель
 G12-098 IV Книга
 G12-099 Любовь среди развалин
 1. «Когда последней империи...»
 2. «Полукровка, туземный ублюдок...»
 3. «Скользнут ли снова...»
 G12-100 Deus factus sum

G13

Ex voto

- G13-001 Лист с названием «Ex voto. «Верность Ричарда»»
 G13-002 Лист с названием «Баллада о Безмолвии Королевы»
 G13-003 Баллада о Безмолвии Королевы
 I «Пусть опрокинет статуи война...»
 G13-004 II «Мятеж развеет каменщиков труд...»
 G13-005 III «Но – если за мессой мессу...»

G14

Три песни Орфея

- G14-001 Лист с названием «Три песни Орфея»

G14-002 I В аду
 G14-003 II Вместе
 G14-004 III Слово

G15

In hoc signo

G15-001 Лист с названием «In hoc signo»
 G15-002 I «Закалена в огне подземном...»
 G15-003 II «Стало дымом низкое небо...»
 G15-004 III «На темной проступая стали»

G16 Отдельные листы со стихами (1978-1981)

Содержание:

G16-001 «Кто на путях к невоплотимой цели...»
 G16-002 «Что юности конца не будет – верь...»
 G16-003 «В просторах звездной пустоты блуждая...»
 G16-004 «Темнея, меркнет марево заката...»
 G16-005 «Звуча в бессонной глубине столетий...»
 G16-006 «Мой город мертвецов...»
 G16-007 «Какая затаившаяся мощь...»
 G16-008 «Заговори со мною, тишина...»
 G16-009 «Рассвет. Еще одной бессонной ночи...»
 G16-010 «Минувшего забытые могилы...»
 G16-011 «Как дьяволом, стихами одержим...»
 G16-012 «Я не дерзнул бы взяться за перо...»
 G16-013 «Как часто не хватает нам ума...»
 G16-014 «Вы не были, о нет, мои стихи...»
 G16-015 «Поэзия – бессмертия залог...»
 G16-016 «Ночь погрузит в слепую глубину...»
 G16-017 «То, чего нет, напрасно я искал...»
 G16-018 «Чем ни была ли ты, любовь моя...»
 G16-019 «Пренебрегая наготою тел...»
 G16-020 Сны
 G16-021 «Когда? Когда? Не вспомнишь ли...»
 G16-022 «Не ждал уже...»
 G16-023 «Когда любая гнилью пахнет снесь...»
 G16-024 «Судьба, какими далями ты шла...»
 G16-025 «Что о глухие своды бьётся дух...»
 G16-026 «За что в неистолкуемо жестоком...»
 G16-027 «Так долго биться было суждено...»
 G16-028 «Когда-то в угасающем сиянье...»
 G16-029 «О мертвые мои, напрасно к вам...»
 G16-030 «Дарующей бессмертия любви...»
 G16-031 «Бессильно – день за днем за ночью ночь...»
 G16-032 «Свой путь земной пройдя до половины...»
 G16-033 «Иди – встают, асфальт разворотив...»
 G16-034 «С улыбкой Боттичеллевой Весны...»
 G16-035 «Что изменилось, что уже не то...»
 G16-036 «Последние не даровали боги...»

- G16-037 «Всю жизнь я верил в то, что далеко...»
 G16-038 «Неведомая прежде глубина...»
 G16-039 «Былых вещей бесплотные названия...»
 G16-040 «Мне зеркалом служа, сонет Петрарки...»
 G16-041 Введение во храм
 G16-042 «Иди за мной в готический простор...»
 G16-043 «Бог сотворил тебя – глаза твои...»
 G16-044 «К его руке твоя скользнет рука...»
 G16-045 «Искусства благородней в мире нет...»
 G16-046 «Искусства благородней в мире нет...» (вариант)
 G16-047 Искушение
 G16-048 «Ты снишься мне, любимая. Но мечет...»
 G16-049 «Острей страдания не было и нет...»
 G16-050 «Мне часто снятся площадь, эшафот...»
 G16-051 «Знать не желая о заботах черни...»
 G16-052 «Над ночи тьмою и сияньем дня...»
 G16-053 «Тебя, которой нет, я ждал всегда...»
 G16-054 «Тебя искал я, зная, что ты – мука...»
 G16-055 «Не загнан волшебством Цирцеи в хлев...»
 G16-056 «Несбыточного бытие так странно...»
 G16-057 «Как тот – в свой век преступный и постыдный...»
 G16-058 «Как тот – в свой век преступный и постыдный» (вариант)
 G16-059 «Глухой, слепой, со сцены брел и я...»
 G16-060 «Дань заплатив собою стольким зимам...»
 G16-061 «Строга огранка – ярче слов сиянье...»
 G16-062 Рождение Венеры
 G16-063 «Мелькну как тень и растворяюсь как тень я...»
 G16-064 Сонет судьбы
 G16-065 «Пусть вечности бесстрастной все равно...»
 G16-066 «Ночь, ночь. В ее могильной тишине...»
 G16-067 «Я смог прожить бесчисленные жизни...»
 G16-068 «О, сколькими бессонными ночными...»
 G16-069 «Песок струится – в горсти сжатой мне...»
 G16-070 «С тех пор, как над собою синевы...»
 G16-071 «Что противопоставлю темноте...»
 G16-072 «В слепом полете от звезды к звезде...»
 G16-073 «Любовь моя – безумие мое...»
 G16-074 «Втопчи в небытие, убей, забудь...»
 G16-075 «Благословен Господь, Кто сотворил...»
 G16-076 «Благословен Господь, Кто сотворил...» (вариант)
 G16-077 «Она любить другого рождена...»
 G16-078 «Земля и небо; ропот полувнятный...»
 G16-079 «Благословенны – та из жизней, миг...»
 G16-080 «Когда исчезнуть навсегда придет...»
 G16-081 «Пусть времени всезвездная река...»

G17

Судьба

- G17-001 Лист с названием «Судьба»
 G17-002 I «Шепот ночи бессонной...»
 G17-003 II «Едва дождем весенним сбрызнет...»

G17-004 III «Остаться вопреки себе – собой...»

G18

Архив. Два мира

- G18-001 IV Два мира (лист с названием)
- G18-002 IV Два мира. План цикла «Два мира» (лист с названием)
- G18-003 Два мира (лист с названием)
- G18-004 I Недалеко от Эдема (лист с названием)
- G18-005 Трое в одной лодке
- G18-006 Трое в одной лодке (продолжение)
- G18-007 Трое в одной лодке (окончание)
- G18-008 У старой реки
- G18-009 У старой реки (окончание)
- G18-010 Вечер
- G18-011 Вечер (окончание)
- G18-012 II Кое-что о змие (лист с названием)
- G18-013 Та, другая
- G18-014 Та, другая (окончание). Два мира
- G18-015 Два мира (продолжение)
- G18-016 Два мира (продолжение)
- G18-017 Два мира (продолжение) Равенство
- G18-018 Два мира (окончание). Равенство
- G18-019 Равенство (окончание)
- G18-020 III Грехопадение (лист с названием)
- G18-021 Венок
- G18-022 Грехопадение (лист с названием)
- G18-023 I «Не сдвинуться с мест...»
- G18-024 II «Над темными холмами вечерняя звезда...»
- G18-025 III «Раскачиваясь на дроке...»
- G18-026 IV «Была трава зеленой и небо – голубым...»
- G18-027 V «Зреет запретный плод...»

- G18-028 Юность (лист с названием)
- G18-029 1.«Пусть над мягкой линией склонов зеленых...»
- G18-030 2.«Древес немало красных...»
- G18-031 3.«Замкнут мягкой линией склонов зеленых...»
- G18-032 4.«Опасней знать немного...»
- G18-033 IV Изгнание (лист с названием)
- G18-034 Попутчик
- G18-035 Попутчик (продолжение)
- G18-036 Попутчик (окончание)
- G18-037 Ложь
- G18-038 Еще раз трое
- G18-039 Еще раз трое (окончание)

G19

Архив. Пролог на Земле

- G19-001 Лист с названием Пролог на Земле
- G19-002 Лист с названием Пролог на Земле
- G19-003 Лист с названием Давно

G19-004 Из родословной Автора
 G19-005 Мужество без надежды
 G19-006 Credo
 G19-007 "Иного уж не вспомнить..."
 G19-008 "Я не ждал - только верил, верил..."
 G19-009 Шепот
 G19-010 Смутное воспоминание
 G19-011 Лист с названием Remember
 G19-012 Лист с пометками
 G19-013 "Всеобщее счастье. Ублюдки -..."
 G19-014 "Свист ветра в парусах и гром орудий..."
 G19-015 "Завтра слякоть бессонная..."
 G19-016 "На берег брошен пенною волною..."
 G19-017 "Рассвет. Нарастая, слышен..."
 G19-018 Лист с названием Воплощение
 G19-019 "Кирпич, асфальт и булыжник..."
 G19-020 "Так пусть искупление медлит..."
 G19-021 Чистилище
 G19-022 "Пусть выжжены, пусть каменисты, бесплодны..."
 G19-023 Ад
 G19-024 "Но пусть оболванен, обобран, оболган..."
 G19-025 Лист с черновыми пометками
 G19-026 Больше
 G19-027 Листок с пометками
 G19-028 Мой сад
 G19-029 Мой сад (продолжение)
 G19-030 Мой сад (окончание)
 G19-031 Давно
 G19-032 Лист с названием Плен
 G19-033 Адрес Автора
 G19-034 "Час. Три. Четыре..."
 G19-035 "Стандартизированной жратвою..."
 G19-036 Ноктюрн первый
 G19-037 Ноктюрн второй
 G19-038 Хотя бы
 G19-039 Бессоница
 G19-040 "Напрасно корчиться на нарах..."
 G19-041 Поэзия. XX век.
 G19-042 "Пусть ужас голыми когтями..."
 G19-043 Ноктюрн третий
 G19-044 Ноктюрн четвертый
 G19-045 "Сухие русла мертвых рек..."
 G19-046 Лист с названием Призвание
 G19-047 Призвание
 G19-048 Призвание (окончание)
 G19-049 Лист с названием Repeat
 G19-050 Noli tangere circulos meos
 G19-051 У столба
 G19-052 Выживают худшие
 G19-053 До времени
 G19-054 Лист с названием Динарий кесарю

- G19-055 I "Одна лишь тупость в каждом выкрике и стоне..."
- G19-056 II "Врезается ль в зловонье закоулков..."
- G19-057 III "Не знаю, при каком очередном..."
- G19-058 Лист с названием Бессмертие
- G19-059 4 скрепленных листа с пометками
- G19-060 I "Пусть веет вечность над могилой..."
- G19-061 II "Вот каменная чаша с ядом..."
- G19-062 III "Не верю в царское бессмертье..."
- G19-063 Лист с черновыми записями
- G19-064 Лист с черновыми записями
- G19-065 Лист с названием Pereat
- G19-066 1. Тимей
- G19-067 2. "Спеши, двадцатый век, спеши..."
- G19-068 3. Критий I
- G19-069 4. "Сорной травой забвенья..."
- G19-070 5. Критий II
- G19-071 6. "Уже Плеяды-Атлантиды..."
- G19-072 7. Критий III
- G19-073 Чужбина
- G19-074 Лист с названием Исход
- G19-075 Нет
- G19-076 Лист с названием Камни
- G19-077 Лист с черновыми пометками
- G19-078 I "Вот каменная россыпь храма..."
- G19-079 II "С осыпи голой кручи..."
- G19-080 III "Прозрачной дымкою едва..."
- G19-081 IV "Вновь долины былого..."
- G19-082 "Все заросло - переплелись боярышник и ежевика..."
- G19-083 Из новой Книги Джунглей
- G19-084 Лист с названием Requiem
- G19-085 I Requiem aeternam
- G19-086 II Dii tui Ysrael
- G19-087 III Cum ferro
- G19-088 IV Агония
- G19-089 V Верь
- G19-090 VI Вместе со всеми
- G19-091 VII Один из множества
- G19-092 VIII Умолкшие
- G19-093 IX ...erat involutus liber...
- G19-094 X ...veni foras.
- G19-095 XI Et resurrexit...
- G19-096 Клад
- G19-097 Конец рабства
- G19-098 Лист с названием Из Книги Ночи и содержанием данного раздела
- G19-099 1. "Восторженным захлебываясь визгом..."
- G19-100 2. Ноктюрн с книгами
- G19-101 3. Еще ноктюрн с книгами
- G19-102 Вопреки
- G19-103 Звездный ноктюрн
- G19-104 Opus magnum

G19-105 Лист с названием Псалом свободы. Русской поэзии посвящая. На развороте - "Поток, чуть слышный в толще скал..."

G19-106 Лист с названием Поэзия (Псалом свободы). На развороте - развернутые авторские комментарии

G19-107 Лист с названием Преображение

G19-108 Преображение

G19-109 Nilla dies...

G19-110 ... sine linea

G19-111 "Неведомого никому - не знать..."

G19-112 До рассвета

G19-113 Лист с названием Сновидец

G19-114 Лист с авторскими комментариями

G19-115 Сновидец. 1. "В неизреченной тьме, под сводом гробовым..."

G19-116 2. Служение Ричарда

G19-117 3. Верность Джен

G19-118 4. Знание Хьюберта

G19-119 5. Призвание Питера

G19-120 6. "И были сны. И я под сводом гробовым..."

G19-121 Лист с названием К востоку от Суэца

G19-122 Лист с пометками

Цикл четверостиший:

G19-123 "В пустыне, тишина, ты разобьешь свой стан..."

G19-124 "Что ж, если все, чему слов не нашел язык..."

G19-125 "Все свято веруют: нет бога, кроме Лжи..."

G19-126 "Без ненависти нет любви, и дня без ночи..."

G19-127 "О, правоверный, страстью воспылав горячей..."

G19-128 Тюремный цветок

G19-129 "Среди пирующих и в потаенной келье..."

G19-130 "Надежды трепетной твердя еще слова..."

G19-131 Страсть

G19-132 "Мне от себя уйти отрада не дана..."

G19-133 "Рассвет. Закат. Рассвет..."

G19-134 Пустыня

G19-135 "Налито, пролито, осушено до дна..."

G19-136 "Смешались черепки заздравных чаш давно..."

G19-137 "Династии и царства канули в века..."

G19-138 "Диван стихов моих раскрой - не я ли сам..."

G19-139 Лист с названием Дельфы

G19-140 Лист с авторскими пометками

G19-141 Лист с авторскими пометками

G19-142 Лист с авторскими пометками

G19-143 Лист с авторскими пометками

G19-144 4 скрепленных листа с развернутыми авторскими комментариями

G19-145 3 скрепленных листа. Стихотворение из трех частей "Мы шли к Дельфинию Священного дорогой..."

G19-146 Лист с названием Сны - это сны

G19-147 сны - это сны

G19-148 Лист с авторскими комментариями

G19-149 Листок с черновыми записями

G19-150 Листок с черновыми записями

G20**Архив. Habeas tibi**

- G20-001 Habeas tibi (лист с названием)
- G20-002 Habeas tibi (Книга Питера). На развороте – примечания и пометки К.С. Герасимова
- G20-003 Habeas tibi (черновой план цикла)
- G20-004 Habeas tibi (черновой план цикла)
- G20-005 Habeas tibi (черновой план цикла)
- G20-006 Habeas tibi (лист с названием)
- G20-007 Эпиграфы Habeas
- G20-008 Эпиграфы Habeas
- G20-009 Habeas tibi. Вариант 1970 г.
- G20-010 Habeas tibi (Книга Питера)
- G20-011 Купание Дианы
- G20-012 Скальд. Леди Эллен
- G20-013 Леди Эллен (окончание). Паж
- G20-014 Паж (окончание)
- G20-015 «Прекрасные знатные дамы...»
- G20-016 Рассвет. Робость
- G20-017 Гроза
- G20-018 Ньюберн – Честерхилл. «Россыпи звезд воссозданы...». Встреча. Парусник. Habeas tibi
- G20-019 Рассвет (лист с названием)
- G20-020 Скальд
- G20-021 Триптих
- I «О, юный бог прекрасноликий...»
- II «Прозрачный, легкий, золотой...»
- III «На теплый мрамор наготы...»
- G20-022 Купание Дианы
- G20-023 Робость
- G20-024 Леди Эллен
- G20-025 Паж
- G20-026 «Прекрасные знатные дамы...»
- G20-027 Рассвет
- G20-028 Solo tu (лист с названием)
- G20-029 «За ночью приходит день, как всегда...»
- G20-030 Ты одна
- G20-031 Она
- G20-032 Гроза
- G20-033 «Тебя напрасно было ждать...». «Навеки осужден я ждать...». «О том, что тщетно было ждать...»
- G20-034 «Года, в ревающей быстрине...»
- G20-035 «На берегах Евфрата, Тигра...»
- G20-036 Купанье
- G20-037 «Я губы твои целовал...»
- G20-038 Оковы рук
- G20-039 Мы одни...
- G20-040 «Тяжелые ресницы ночи...»
- G20-41 Uno solo (лист с названием)
- G20-042 Вечно
- G20-043 «Знаю, небо расторгнет созвездий узор...»
- G20-044 Любимой
- G20-045 «Повторяя одно и то же...»

- G20-046 «Холодной злобой возвращений...»
 G20-047 Игра
 G20-048 Еще одна (машинописный текст)
 G20-049 Женщины
 G20-050 Потом
 G20-051 Ньюберн – Честерхилл
 G20-052 Одиночество
 G20-053 «Больше о чуде не молю я судьбу...»
 G20-054 «Я не знал ее поцелуев...»
 G20-055 Вечерняя молитва
 G20-056 «У черта душу я купил...»
 G20-057 Хеппи энд
 G20-058 Habeas tibi
 G20-059 «Саван дня, и сутана ночи...»
 G20-060 Зов
 G20-061 Красота (триптих второй)
 I «Я насмерть ранен Красотою...»
 II «О, Красота! Не веришь ты...»
 III «Влюбленный в Красоту умрет...»
 G20-062 «Звезда пустыни...»
 G20-063 «Давно уже все не ново...»
 G20-064 Немой
 G20-065 Тайное право (стихи о себе)
 G20-066 «Мычання жертвенных тельцов...»
 G20-067 Все твоё
 G20-068 Свобода (Верность Питера) (лист с названием)
 G20-069 Пути (триптих третий) (лист с названием)
 G20-070 I Dolce et desogum (на обороте – «последние шестистишия», схема)
 G20-071 II «Уверовать в обетованный...»
 G20-072 Примечания К.С. Герасимова (отдельный листок)
 G20-073 III Орфей
 G20-074 Как вам угодно
 G20-075 Путь паломника (триптих четвертый)
 G20-076 I Молча
 G20-077 II Шепотом
 G20-078 III Вполголоса
 G20-079 Встреча
 G20-080 «Россыпи звезд воссозданы...»
 G20-081 Habeas tibi

Раздел «Н». Рукописная книга стихотворений «Из глубины» (идентична изданной К.С.Герасимовым в издательстве «Мерани», Тбилиси, 1992 – не содержит цикла «Ars moriendi»; содержит два стихотворения, не вошедшие в книгу) (август 1947 – январь 1987)

Содержание:

- N-001 Скальд
 N-002 Женщины
 N-003 Вечерняя молитва
 N-004 Лист с названием «Из цикла сонетов Harmonices Mundi (Музыка сфер)»
 N-005 Красное смещение

Н-006 Тупик Становления
 Н-007 Прозрение
 Н-008 Луна
 Н-009 Созвездия
 Н-010 Ты одна
 Н-011 «Давно уж все не ново...»
 Н-012 Камбала
 Н-013 Habeas tibi
 Н-014 Немой
 Н-015 Рассвет
 Н-016 Fuit Ilium
 Н-017 «У черта душу я купил...»
 Из цикла сонетов Лики Вечности
 Н-018 «И стало так...» (Рождение Земли)
 Н-019 «Господа Бога квантовая механика» (эзотой)
 Н-020 Родословная (Силур)
 Н-021 Последний (девон)
 Н-022 Страсбургский собор (триас)
 Н-023 Зори (эоцен)
 Н-024 Подтекст (илиоцен)
 Н-025 Верую
 Н-026 Баллада о Последнем Кабаке
 Н-027 Отчасти Апокалипсическая Баллада о Задумчивом Полисмене
 Н-028 Не сегодня
 Н-029 Триптих I Молча
 Н-030 II Шепотом
 Н-031 III Вполголоса
 Н-032 Старая книга
 Н-033 Русская поэзия
 Н-034 Русская поэзия (окончание)
 Н-035 «Credo in unum Deum...»
 Н-036 Deus factus sum
 Н-037 «Мерцанием праха бездонным...»
 Н-038 Клятва
 Н-039 Добро
 Н-040 Эта страна
 Н-041 Эта страна (окончание)
 Н-042 Поэзия. XX век
 Н-043 Обладание
 Н-044 Из цикла «Запечатление»
 Н-045 Ноктюрн – 1
 Н-046 Ноктюрн – 2
 Н-047 Хотя бы
 Н-048 Из «Книги заповедей»
 Н-049 «Благовещение» Боттичелли
 Н-050 «Затих зловонный обезьянник...»
 Н-051 Из цикла De magno lapide sapientum 1
 Н-052 Из цикла De magno lapide sapientum 2
 Н-053 Из Книги Пророков. 1. «Под юной синевою дня...»
 2. «Был Александр и Цезарь...»
 Н-054 3. «Слиянье губ, и шепот книг...»

- Н-055 Познание
 Н-056 «В запекшейся крови закатов...»
 Н-057 Из цикла «Pereat». 2. «Спеши, двадцатый век, спеши...»
 Н-058 Из цикла «Pereat». 4. «Сорной травой забвения...»
 Н-059 Из цикла «Pereat». 6. «Уже Плеяды – Атлантиды...»
 Н-060 Сонет Хромого Джентльмена
 Н-061 *Noli tangere circulos meos*
 Н-062 Давно
 Н-063 «Случайно уцелевший в бойне...»
 Н-064 «Напрасно корчишься на нарах...»
 Н-065 Орфей
 Н-066 Остров Голосов
 Н-067 Псалом Свободы
 1. «Поток, чуть слышный в толще скал...»
 2. «С глухим журчаньем чрево гор...»
 Н-068 3. «Дождутся ли живой воды...»
 4. «Пуста пещера – черепки...»
 Н-069 «Так долго – за любой строки ...»
 Н-070 Нет
 Н-071 Лист с названием «Камни»
 Н-072 I «Вот каменная россыпь храма...»
 Н-073 II «С осыпи голой кручи...»
 Н-074 III «Прозрачной дымкою едва...»
 Н-075 IV «Вновь долины былого...»
 Н-076 *Opus Magnum*
 Н-077 Мужество без надежды
 Н-078 Из цикла «Remember»
 Н-079 «Пусть ужас голыми когтями...»
 Н-080 Самосожжение. I «Без сожаленья думаю, что в прах...»
 Н-081 II «Что день, что век – настигнет смерть...»
 Н-082 III «Пусть мимолетною была...»
 Н-083 Из цикла ДЕЛЬФЫ
 Н-084 Звездный ноктюрн
 Н-085 «Неведомого никому – не знать...»
 Из цикла *Requiem*
 Н-086 1. *Requiem aeternam*
 Н-087 2. *Dii tui, Izrael*
 Н-088 3. II *Cum ferro*
 Н-089 4. Агония
 Н-090 5. Верь
 Н-091 6. Вместе со всеми
 Н-092 7. Один из множества
 Н-093 8. Умолкшие
 Н-094 9. «Это было – этого не было...»
 Н-095 10. «Был день. И пламенел закат...»
 Н-096 10. «Был день. И пламенел закат...» (вариант)
 Н-097 11. *Et resurrexit*
 Н-098 *Desiderata*
 Н-099 Мы
 Н-100 Лист с названием «Из цикла ИЗ КНИГИ НОЧИ»

- Н-101 «Восторженный, захлебываясь визгом...»
- Н-102 Ноктюрн с книгами
- Н-103 Еще ноктюрн с книгами
- Н-104 Из цикла ЮНОСТЬ. «Древес немало красных...»
- Н-105 Из цикла ЮНОСТЬ. «Опасней знать немного...»
- Н-106 Клад
- Н-107 Клад (продолжение)
- Н-108 Клад (окончание)
- Н-109 Лист с названием «За краем тьмы»
- Н-110 I На круги своя
- Н-111 II По звездам
- Н-112 III О бессмертии
- Н-113 IV «Не смертию умрете»
- Н-114 V За краем
- Н-115 VI Похищенный
- Н-116 Аррефор
- Н-117 Преемственность
- Н-118 Из глубины
- Н-119 Прозрение
- Н-120 «На темной проступая стали»
- Н-121 Из цикла «Память». Сосуд благодати
- Н-122 Из цикла «Память». Круговорот перевоплощений
- Н-123 «Я обретал следы былого...»
- Н-124 «Лишь тиканья чуть слышными стежками...»
- Н-125 Лист с названием «Из цикла Прогресс»
- Н-126 Век XVIII
- Н-127 Век XIX
- Н-128 Век XXI
- Н-129 Орфей в аду
- Н-130 Слово
- Н-131 Из цикла «Орфей». «Золотая ветвь» (ad Calliopen). «Склоняясь к западу, Квадрига...»
- Н-132 Из цикла «Орфей». «Все было – сумрак леса, золотая...»
- Н-133 Из цикла «Орфей». «Что, обреченный смене воплощений...»
- Н-134 Лист с названием «Восхождение»
- Н-135 1. Infancia
- Н-136 2. Pueritia
- Н-137 3. Adolescentia
- Н-138 4. Juventus
- Н-139 5. Aetas senior
- Н-140 6. Senectus
- Н-141 7. Immortalitas

- Из цикла «Cumea»
- Н-142 «Он сгинет...»
- Н-143 Сивиллы Сикстинской капеллы
- Н-144 Алтарная стена
- Н-145 «Что Гордецу до мертвых...»
- Н-146 Участь
- Н-147 «Остаться вопреки себе...»
- Н-148 «Расстояния, расстояния...»
- Н-149 «Поэзия – слова, слова, слова...»

- Н-150 Лист с названием «Из книги ВСЕ ПОДРОБНОСТИ»
 Н-151 «Бессмыслицею стало для меня...»
 Н-152 «Ждать должен был все жизни, все века...»
 Н-153 «Горящие в Эребе помня реки...»
 Н-154 «Не верю. Как могла ты...»
 Н-155 «Когда оборваны все связи...»
 Н-156 Лист с названием «ЗНАНИЕ. Венец сонетов»
 Н-157 1. «Знать, что есть небо, и полетом жить...»
 Н-158 «Знать, что есть небо, и полетом жить...»
 Н-159 «Знать, что есть небо, и полетом жить...»
 Н-160 «Стань прахом я, стань высью навсегда...»
 Н-161 Лист с названием «ДА БУДЕТ. Созвездие сонетов»
 Н-162 1. «Вещей, лишенных сути, оболочки...»
 Н-163 2. «В тупик загнав, пытается меня...»
 Н-164 3. «Кто полною ценой за избавленье...»
 Н-165 4. «Благословенны – чудо тишины...»
 Н-166 5. «Ребенком я, старинных книг вдыхая...»
 Н-167 6. «Уже не корчась – пусть еще дыша...»
 Н-168 7. «Ночь. Тишины благословенной чуду...»
 Н-169 Лист с названием «ВЫСОТА. Корона сонетов»
 Н-170 Сонет к Мудрости
 Н-171 Сонет к Форме
 Н-172 Сонет к Неведомому
 Н-173 Сонет к Интуиции
 Н-174 Сонет к Высоте
 Н-175 Сонет к верности
 Н-176 Терцины
 Н-177 «Суровый Дант не презирал сонета...»
 Н-178 Сонеты с Понта. 6. «Над вырожденками, коим несть числа...»
 Н-179 «Сплелась моя – когда-то, где-то...»
 Н-180 «Мой мудрый кот, собрат, коллега...»
 Н-181 «Алисы Кэрролловой профиль...»
 Н-182 Льву Кропивницкому
 Н-183 «И меркнущая даль былого...»
 Н-184 «Немое красноречье книг...»
 Н-185 «Благословенным не был год...»
 Н-186 Лист с названием «Из цикла СВЕТ»
 Н-187 2. «Благословенны – час, день, лето...»
 Н-188 7. Смотрю, смотрю, считая дни...»
 Н-189 10. «Грозит ее проклятье всем...»
 Н-190 12. «Суровый Дант не презирал сонета...»
 Н-191 «Есть некая земля...»

Раздел "I". Стихотворения разных лет 1947 - 1994 гг. (на отдельных листах в рукописном виде).

- I-001 Из Книги мертвых. Страх
 I-002 Из Книги заветов. Кровь
 I-003 Из Книги Безднадежности. Враг
 I-004 Из Книги созидания. "Я хаос трепетной стихии..."
 I-005 Из Книги Знамений. Fuit Pium

- I-006 Из Книги Благодати. То, чего нет
- I-007 Из Книги Откровений. Бессмертие
- I-008 Credo
- I-009 Credo...
- I-010 "Эпохи приговор - к стене..."
- I-011 Русская поэзия
- I-012 "Чугунна ль поступь солдатни..."
- I-013 Лирический этюд о свободе, равенстве, братстве
- I-014 Из Книги Предначертаний. "Мерцанием праха бездонным..."
- I-015 Из Книги Судеб. De profundis
- I-016 Из Книги Льва и Единорога. Клятва
- I-017 Баллада-басня Хромого Джентльмена о Храме Счастья
- I-018 Из Книги Познания. Добро
- I-019 Из Книги Бессмертия. Спасение
- I-020 Из Книги Упований. Эта страна
- I-021 Поэзия. XX век
- I-022 Откровение от св. Томаса
- I-023 Откровение от св. Томаса
- I-024 Ноктюрн четвертый
- I-025 Ноктюрн второй
- I-026 Из Книги Вождедений. "За мельканьем видений..."
- I-027 Из Книги Целомудрия. "Во тьме бесстыдно..."
- I-028 Хотя бы
- I-029 Из Книги Заповедей. "В кишенье безысходной злобы..."
- I-030 Из Книги Благовествований. Благовещение Боттичелли
- I-031 Из Книги Верности. Во веки веков
- I-032 Чужбина
- I-033 Выживают худшие
- I-034 До времени
- I-035 Утренний гимн
- I-036 "Большой". Гремит "Иван Сусанин"...
- I-037 Из Книги Милосердия. Воплощения
- I-038 Из Книги Пророков. "Под юной синевою дня..."
- I-039 Из Книги Чисел. Познание
- I-040 Из Книги Бытия. "В запекшейся крови закатов..."
- I-041 Из Книги Творения. "В первомраке беззвездном..."
- I-042 Из Книги Царств. Чтобы...
- I-043 В духе Уолта Уитмена (Олень)
- I-044 "Подонков бог и ублюдков..."
- I-045 Из родословной Автора
- I-046 Баллада-антиутопия
- I-047 А.А. Китлову
- I-048 "Одна лишь тупость в каждом выкрике и стоне..."
- I-049 "Не знаю, при каком очередном..."
- I-050 "Врезается в зловонье закоулков..."
- I-051 Давно
- I-052 Русская поэзия - II
- I-053 "Напрасно корчишься на нарах..."
- I-054 Аквариум
- I-055 "Белый свет..."
- I-056 Свиное

- I-057 Юность
- I-058 Юность (окончание)
- I-059 "Буравили распухший мозг..."
- I-060 В лесу
- I-061 Конец рабства
- I-062 Она
- I-063 Над временем
- I-064 Арид
- I-065 "Всем, кому дорога шкура..."
- I-066 "Что было?.."
- I-067 "Что было? Зеленая трава весной..."
- I-068 1. "Люд по улицам, по переулкам живет..." 2. "Титан, прикованный к скале..." 3. "Тупик - не Елисейские поля..."
- I-069 4. "Чад и галдение. Хмелеет "Метрополь"... 5. "Пусть не титан, но не пигмей..."
- I-070 Экспромт. Из Гейне
- I-071 "Калам, что прежде всех вещей Аллахом сотворен..."
- I-072 Рубай
- I-073 "Пусть низвергается металл..."
- I-074 К благосклонному читателю. "Шевели, шевели мозгами..."
- I-075 "Тысячелетия в немом круговороте..."
- I-076 "Земля. И кости. И пластинка золотая..."
- I-077 "В простор сияющей вселенной..."
- I-078 К благосклонному читателю. "Таращся, таращся тупо..."
- I-079 "Ревет взбесившийся металл..."
- I-080 Иву
- I-081 Льву Кропивницкому
- I-082 "Туземный город. Обезьяний гам Набившихся в машины недоумков..."
- I-083 "Туземный город. Обезьяний гам Уже невнятен, молкнет в тьме глубокой..."
- I-084 "Когда любая гнилью пахнет снесь..." (машинописный вариант)
- I-085 "Последние не даровали боги..."
- I-086 "Темнея, меркнет марево заката..."
- I-087 "Когда бы мог, приникнув..."
- I-088 "Какая затаившаяся мощь..."
- I-089 "Чем ни была бы ты, любовь моя..."
- I-090 "О нет, не все давным-давно..."
- I-091 "Случаен, предсказуем ли удел..."
- I-092 "Расстояния, расстояния..."
- I-093 "Там, где ручьев звонко..."
- I-094 "Песок струится - в горсти старой мне..."
- I-095 "Хотел бы и я быть девой..."
- I-096 "Ночь, ночь. В ее могильной тишине..."
- I-097 "Ночь погрузит в слепую глубину..."
- I-098 "Втопчи в небытие, убей, забудь..."
- I-099 Последнее
- I-100 "Я смог прожить бесчисленные жизни..."
- I-101 А.А. Китлову. "В пустыне мрачной и глухой..."
- I-102 "Бессмыслицею стало для меня..."
- I-103 "Доверчивые птицы, мы вдвоем..."
- I-104 "Поэзия - слова, слова, слова..."
- I-105 "Ждать должен был все жизни, все века я..."
- I-106 "Горящие в Эребе помня реки..."

- I-107 "Не вер. Как могла ты, как могла?"
- I-108 "В тупик загнав, пытается меня..."
- I-109 "Тусклее солнце с каждой весною..."
- I-110 "Ребенком я, старинных книг вдыхая..."
- I-111 "Как хорошо, в жилетку друга..."
- I-112 "Благословенны - чудо тишины..."
- I-113 "Благословенный - чудо тишины..."
- I-114 Знание. I "Знать, что есть небо, и полетом жить..."
- I-115 "Вещей, лишенных сути, оболочки..."
- I-116 "Когда оборваны все связи..."
- I-117 "Уже не корчась - пусть еще дыша..."
- I-118 Знание. I "Знать, что есть небо, и полетом жить..." (машинописный вариант)
- I-119 Знание. I "Знать, что есть небо, и полетом жить..." (рукописный вариант)
- I-120 "Но как ни давят немостою стены..."
- I-121 "Все, чтобы не могли земные стены..."
- I-122 Знание. II "Знать, что есть небо, и полетом жить..."
- I-123 Знание. III "Знать, что есть небо, и полетом жить..."
- I-124 Знание. IV "Стань прахом я, стань высью навсегда..."
- I-125 "Кто полною ценой за избавленье..."
- I-126 "Кто полною ценой за избавленье..." (машинописный вариант)
- I-127 "Кто полною ценой за избавленье..." (машинописный вариант)
- I-128 "Ночь. Тишины благословенной чуду..."
- I-129 Сонет к интуиции
- I-130 Сонет к Неведомому
- I-131 Сонет к Верности
- I-132 Сонет к Мудрости (машинописный вариант)
- I-133 Сонет к мудрости
- I-134 Терцины
- I-135 Сонет к высоте
- Высота. Корона сонетов (машинописный вариант):
- I-136 Лист с названием Высота. Корона сонетов
- I-137 1. Сонет к Мудрости
- I-138 2. Сонет к Форме
- I-139 3. Сонет к Неведомому
- I-140 4. Сонет к Интуиции
- I-141 Сонет к Высоте
- I-142 Сонет к Верности
- I-143 Терцины
- I-144 Поэзия. Сонет-акростих
- I-145 Лист с черновыми записями
- I-146 "Суровый Дант не презирал сонета..."
- I-147 "Червей, кишащих в яме выгребной..."
- I-148 Сонеты с Понта
- I-149 "Казавшегося бесконечным детства..."
- I-150 Хокку
- I-151 Эпиграммы
- I-152 Неравный брак
- I-153 Неравный брак
- I-154 К объявлению в газете о разводе Интрилигатора с Фрумой Криц
- I-155 Memento
- I-156 "Одиночество - тысячеливо..."

- I-157 Ф.П.
- I-158 Сонеты с Понта
- I-159 "Не то, чтоб я был так уж нелюдим..."
- I-160 "Сплелась моя - когда-то, где-то..."
- I-161 "Сплелась моя - когда-то, где-то..."
- I-162 "Алисы Кэрроловой профиль..."
- I-163 "Благословенны - час, день, лето..."
- I-164 "Благословенны- час, день, лето..."
- I-165 "Живой мертвец, марионетка..."
- I-166 Автоэпиграмма
- I-167 Эпиграммы
- I-168 "Мой мудрый кот, собрат, коллега..."
- I-169 "Твердил, к небытию спеша..."
- I-170 "Твердил, к небытию спеша..."
- I-171 "Лаура, лавр..."
- I-172 "Бледная дева со взором горящим..."
- I-173 Эпиграмма
- I-174 "О почему, любимая, родная..."
- I-175 С.Т.
- I-176 "Светогода, светогода..."
- I-177 Послание неприступной возлюбленной
- I-178 "Проклятие тебе, что меч и кубок..."
- I-179 Тебе, знающей сонет о старости в пьесе Марины Цветаевой "Феникс"
- I-180 Надпись на книге
- I-181 Свет
- I-182 Свет
- I-183 Свет
- I-184 Льву Кропивницкому
- I-185 "О, Мать, Жена, Ученый Секретарь..."
- I-186 "О, Мать, Жена, Ученый Секретарь..."
- I-187 "Лобик Боттичеллевой мадонны..."
- I-188 "Рожденный на Земле не виноват..."
- I-189 "Есть некая земля - где с Океаном..."
- I-190 "Есть некая Земля - где с Океаном..."
- I-191 "Кошунственно? Но твоя власть..."
- I-192 "Кошунственно, но твоя власть..."
- I-193 "Немое красноречье книг..."
- I-194 "И меркнущая даль былого..."
- I-195 "Лабиринта непроглядной..."
- I-196 "Лабиринта непроглядной..."
- I-197 Глоток синевы
- I-198 Глоток синевы
- I-199 "Итак, тебе не целовать меня?"
- I-200 Надпись для Г. Подольской
- I-201 "Благословенным не был год..."
- I-202 "Бормочет весна..."
- I-203 "Бормочет весна..."
- I-204 "Когда из подворотни тянут руку..."
- I-205 "Когда из подворотни тянут руку..."
- I-206 "Я благодарен моей судьбе..."
- I-207 "Неотвратимый, как проклятье..."

- I-208 "Просторы Понта..."
- I-209 Не посвящаю никому
- I-210 Театр. Льву Кропивницкому
- I-211 Театр. Льву Кропивницкому посвящаю
- I-212 "За что, за что мне все сказала?"
- I-213 "За что, за что мне все сказала?"
- I-214 Марку Уральскому
- I-215 "Моя душа целует твою душу..."
- I-216 "Моя душа целует твою душу..."
- I-217 "Уходит жизнь по каплям - день за днем..."
- I-218 "Кто возрастом своим приговорен..."
- I-219 "Нет смысла в неизбежности. ни в споре..."
- I-220 Жизнь и Поэзия - одно
- I-221 "Пусть право выбора дано..."
- I-222 "Слиянье душ? Союз сердец?"
- I-223 "Слиянье душ? Союз сердец?"
- I-224 "Дарует Бог шестое чувство тем..."
- I-225 Посвящаю Т. Кошемчук
- I-226 "Рече Господь - да будет свет..."
- I-227 В письме к Фризмону
- I-228 В.С. Баевскому
- I-229 "Как тридцать лет назад, бреду..."
- I-230 "Благословенны час, и день, и лето..."
- I-231 "Благословенны час, и день,и лето..."
- I-232 Моим сонетным грациям Светлане, Татьяне, Галине
- I-233 Русской поэтессе Александре Тулуповой-Кожевниковой
- I-234 "Из пены моря ли..."
- I-235 Сонеты с Понта
- I-236 "Нам задано писать сонет об Одиссее..."
- I-237 "В стране Аэта - из вселенной всей..."
- I-238 "Не пой, красавица, при мне..."
- I-239 "Ты памятник себе воздвиг нерукотворный..."
- I-240 "Ты памятник себе воздвиг нерукотворный..."
- I-241 "Это утро, горечь эта..."

Раздел «J» – Научный архив

- J-001 – J-025 Рукопись статьи «Научная поэзия Валерия Брюсова». 25 листов.
- J-026 – J-043 Рукопись статьи «Образы будущего в поэзии Валерия Брюсова». 18 листов.
- J-044 – J- 110 Машинописный текст статьи «Происхождение и философские истоки русского символизма». 57 листов.
- J-111 – J-132 Машинописный текст статьи «Вячеслав Иванов: вчера и сегодня». 22 листа.
- J-133 – J-159 Статья «Сонет Вячеслава Иванова Поэт в русской поэтической традиции». Ксерокопия с печатного варианта. 27 листов.
- J-160 Черновой рукописный вариант доклада «Идея познаваемости мира в поэтическом пространстве (из истории русской поэзии)». 22 листа.
- J-161 Рецензия на годовую научную работу доцента кафедры №14 К.С.Герасимова «Идея познаваемости мира в поэтическом творчестве (из истории русской поэзии)». Машинописный вариант.
- J-162 – J- 195 Беловой рукописный вариант доклада «Идея познаваемости мира в поэтическом пространстве (из истории русской поэзии) на I научной сессии по проблемам комплексного изучения

художественного творчества. 15 июня 1972 г. Тбилиси. В 1973 г. использовано как годовая научная работа в ГПИ. (в кавычках – текст автора). 34 листа.

J-196 – J-197 Идея познаваемости мира в поэтическом творчестве (из истории русской поэзии). Тезисы. Машинописный вариант. 2 листа.

J-198 – J- 233 Грузинский политехнический институт имени В.И.Ленина. Кафедра русского и грузинского языков. История познаваемости мира в поэтическом творчестве (из истории русской поэзии). Годовая научная работа за 1973 год. Машинописный вариант. 36 листов.

J-234 «Проблемы комплексного исследования искусства». Статья. Вырезка из газеты «Вечерний Тбилиси», 16 июня 1972 г.

J-235 Проблемы комплексного изучения художественного творчества. Статья. Газета «Литературная Грузия», 23 июня 1972 г. на груз. яз. («ლიტერატურული საქართველო», «მხატვრული შემოქმედების კომპლექსური შესწავლის პრობლემები»).

J-236 Программа Первой научной сессии по проблемам комплексного изучения художественного творчества. Тбилиси, 1972.

J-237 Программа Первой научной сессии по проблемам комплексного изучения художественного творчества. Тбилиси, 1972.

J-238 К.С. Герасимов. Научные интересы Валерия Брюсова в его поэтическом творчестве. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1964.

J-239 К.С. Герасимов. Научные интересы Валерия Брюсова в его поэтическом творчестве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Научный руководитель – доктор филологических наук, проф. В.С. Шадури. Тбилиси, 1964. Машинописный вариант в твердом переплете. 358 страниц.

J-240 – J-283 Грузинский государственный театральный институт имени Ш. Руставели. Кафедра общей филологии. Стихотворение И.В. Гете «Ночная песня странника» и его русские переводы. Ст. пр. Н. Герасимова. Тбилиси, 1974/1975 гг.

J-284 Стихотворение И.В. Гете «Ночная песня странника» и его русские переводы. Тезисы. Машинописный вариант. 4 листа.

J-285 Рецензия старшего преподавателя Д. Канделаки на годовую работу старшего преподавателя кафедры общей филологии Грузинского гос. Театрального института им. Руставели Н. Герасимовой «Стихотворение И.В. Гете «Ночная песня странника» и его русские переводы». 4 листа.

J-286 Майкл Вахтель, Принстонский Университет, США. Доклад «К проблеме перевода размером подлинника у Вячеслава Иванова». 13 листов.

J-287 Черновой рукописный вариант статьи о В. Брюсове. Фрагменты. 11 листов.

J-288 Сонет Вячеслава Иванова «Поэт» в русской поэтической традиции. Машинописный вариант с авторскими исправлениями. 12 листов.

J-289 Сонет Вячеслава Иванова «Поэт» в русской поэтической традиции. Ксерокопия с машинописного текста. Беловик. 36 листов.

J- 290 Сонет Вячеслава Иванова «Поэт» в русской поэтической традиции. Ксерокопия с машинописного текста. Неправленный текст. 12 листов.

J-291 «Вопросы литературы», №12, 1987. (Часть журнала).

J- 292 Папка «План моих статей о сонете». Внутри – более 100 черновых заметок на листах полного формата, а также на обрывках и обрезках бумаги.

«План моих статей о сонете.

1. Двуетдинство сути сонета (плюс аполлонич[еское] и дионис[ийское] начала сонета)
2. Сонет – модель мироздания (плюс сонет и собор)
3. Магия чисел в сонете (сакральные числа сонета)
4. Сонет и онегинская строфа
5. Эволюция представлений о сонете (плюс будущее сонета) (плюс S[сонет] в русск[ой] критич[еской] лит[ературе])
6. Сонеты Бунина
7. Теория венка сонетов

8. Первые русские венки
9. Предисловие к «Гармонии-П»
10. Сонеты-послания (посвящения) Серебряного века
11. Сонет и другие «твердые формы»
12. Сонеты о сонетах (с моими SS [сонетами])
13. Сонеты Брюсова и Эредиа
14. Сонеты Себ[астьяна] Грифиуса (с моими переводами его SS [сонетов])
15. Сонет в русской любовной лирике
16. Астрофил и Стелла (англ[ийский] сонет)
17. Волошин и Эредиа
18. Сонет как жанр научно-философской п[оэзии] рус[ской] п[оэзии] Серебряного века
19. Сонет Казановы в «Фениксе»
20. Венок сонетов М.Волошина Lunaria
21. Философия символизма и диалектика S [сонета]
22. S [сонет] и творческий акт (Грузенберг)»

J-293 СД. Титаренко (Кемерово). Доклад «Венок сонетов в творчестве Валерия Брюсова». 10 листов.

J-294 С.Д. Титаренко. Доклад «Сонет к форме» В.Я. Брюсова и эстетические идеи русского символизма.

J-295 Определения сонета в Литературной энциклопедии. Машинописный вариант. 6 листов.

J-296 Папка «1. Двудеиство сути сонета. «плюс аполл. и дионис. начала)». 18 листов с черновыми заметками.

J-297 Папка «2. Сонет и собор (плюс сонет – модель мироздания)». 23 листа с черновыми заметками.

Статья Ю. Степанова «Семантика цветного сонета Артюра Рембо» (в печатном виде на 7 листах).

J-298 Папка «3. Магия чисел в сонете». 14 листов с черновыми заметками.

J-299 Папка «4. Сонет и онегинская строфа». 1 лист с заметками. Статья В. Берестова «Тени в волшебном фонаре» (в печатном виде).

J-300 Папка «5. Эволюция представлений о сонете. (Эволюция сонета и представлений о нем. Плюс будущее сонета. Плюс сонет в русской критике. Библиография работ о сонете». 39 листов с заметками. Газетная заметка «Неизвестные сонеты» в печатном виде.

J-301 Папка «6. Сонеты Бунина». Владислав Ходасевич. О поэзии Бунина. Журнальная статья в печатном виде.

J-302 Папка «8. Первые русские венки». 5 листов с заметками. 3 письма о работе над русскими венками от В. Тюкина на 5 листах, 1 письмо на 2 листах в конверте. Таблица «Венки сонетов периода 1909-1960 годов по датам написания или издания», составленная В. Тюкиным. Список В. Тюкина «Венки этого периода в поиске».

J-303 Папка «9. Предисловие к Гармонии-П». 6 листов с заметками.

J-304 Папка «10. Сонеты – послания Серебряного века». 4 листка с заметками. Ксерокопия с первой страницы журнальной статьи В.К. Лукницкой «Сонеты девятого года» в альманахе «Белые ночи».

J-305 Папка «11. Сонет и другие «твердые формы». 4 листка с заметками.

J-306 Папка «12. Сонеты о сонетах (и мои)». 3 листка с заметками.

J-307 Папка «13. Сонеты Брюсова и Эредиа». 1 листок с заметками.

J-308 Папка «14. Сонеты Себ. Грифиуса». 1 листок с заметками.

J-309 Черновик статьи «Циолковский русской поэзии». Рукопись. 127 листов.

J-310 Опись избранных стихотворений В. Брюсова. Рукопись. 7 листов.

J-311 Черновик статьи «Очерк научных интересов русских поэтов XVIII века». Рукопись. 28 листов.

Раздел «К». Таблицы

К-001 Таблица тезисов «Что придает лит[ературному] произв[едению] интерес, дает успех»

К-002 Таблица-список стихотворений автора с комментариями (на трех листах) «Цикл 11 Хронолог и arsy» (имеется в виду 11 стихотворений из «Всеобщего Хронолога» и стихотворения из цикла «Ars moriendi»)

К-003 Таблица «Цикл из 4 сонетов»

- К-004 Таблица-указатель стихотворений Валерия Брюсова
 К-005, К-006 Таблица поэтического цикла со схемами стихотворных размеров и комментариями
 К-007 Таблица плана и композиции поэтического цикла «Верность»
 К-008 Таблица характеристик героев поэтического цикла (Автор, Ричард, Питер, Хью, Дженни, Мрачный джентльмен, Хромой джентльмен)
 К-009 Таблица характеристик вышеуказанных героев по разделам: Имя, этимология; Планета; Пол; Цвет; Металл и т.д. А также раздел, озаглавленный автором «Хронократория»
 К-010 Таблица астрологических характеристик вышеуказанных персонажей
 К-011 Таблица характеристик вышеуказанных персонажей, озаглавленная автором «Мифология»
 К-012 Таблица характеристик вышеуказанных персонажей по разделам: Что представляют по сути дела; Главные в характере; Чему верен; Цель; Трагедия; Отношение к науке; Любимый герой; Подсознательное; Эпиграф

Раздел «L». Материалы на немецком и английском языках.

- L-001 Rolf-Dieter Kluge. Der russische Symbolismus. (Begleitheft zur Vorlesung: Bibliographie - Kommentar - Texte). In: Skripten des slavischen Seminars der Universitaet Tuebingen.
 Рольф-Дитер Клуге. Русский символизм. (Материал к лекции Библиография - Комментарии - Тексты). В: Труды семинара славистики Тюбингенского университета
 L-002 Hosrt Meller (Heidelberg). Lesegeschwindigkeiten mit einem modernen Gedicht: E.E. Cummings' "pity this busy monster, manukind" und die Frage "Soll das etwa ein Sonett sein?"
 Хорст Меллер (Хайдельберг). Скорость чтения [на примере] современного стихотворения E.E. Cummings' "pity this busy monster, manukind" и вопрос "Это - сонет?"
 L-003 Письмо Хорста (Меллера) на бланке семинара по англистике Хайдельбергского университета
 L-004 Armin T.Wegner. Fuenf Finger ueber Dir. Aufzeichnungen einer Reise durch Russland, den Kaukasus und Persien 1927/28. Nachwort von Reinhard M.G.Nikisch
 Пять пальцев над Тобой. Записки путешествия по России, Кавказу и Персии 1927/28. Послесловие Райнхарда М.Г.Никиша
 L-005 Einladung zu einem Gastvortrag von Herrn Dr. Dmitrij Ivanov / Rom
 Приглашение на гостевой доклад Д-ра Дмитрия Иванова / Рим
 L-006 Sonett-Symposium un Transkaukasien // Закавказский симпозиум по сонету
 L-007 Sonderausdruck aus: Deutsche Vierteljahrs Schrift fuer Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte
 Отдельный оттиск из: Ежеквартальные труды по вопросам литературоведения и гуманитарной истории
 L-008 Zukunftsdenken und Perspektivegestaltung in der spaeten russischen und fruehen sowjetischen Literatur. Wissenschaftliche Konferenz
 Мысли о будущем и представление перспективы /развития/ в русской литературе позднего /предсоветского/ и раннего советского времени. Научная конференция
 L-009 iV. Internationales Vjaceslav-Ivanov-Symposium 4.-10. September 1989
 4-й международный Вячеслав-Иванов-Симпозиум . 4.-10. сентября 1989
 L-010 Fels in Georgien // Скала Грузии
 L-011 Rolf-Dieter Kluge. Rolf Kellner. Aspekte der science fiction in Ost und West
 Рольф-Дитер Клуге. Рольф Кельнер. Аспекты научной фантастики на Востоке и Западе
 L-012 Gerhard Schaumann (Jena). Die Zeit der grossen Erwwartungen – Entwuerfe fuer eine neue Welt in der fruehen Sowjetliteratur
 Герхард Шауманн (Йена) Время больших ожиданий - эскизы нового мира в ранней советской литературе
 L-013 Письмо-соболезнование от Маргарет и Хорста (на англ. яз.)
 L-014 Проф. Константин С. Герасимов. Программа в Гейдельберге 21.10.1995 (в 4-х экз.)
 L-015 Константин Сергеевич Герасимов в Германо-Американском Институте в Гейдельберге. (Из выступления к литературному вечеру 24-го октября 1995 г.) (на 5-ти стр.)

L-016 Михаэль Вегнер (Йена). В поисках будущего. Утопия и реальность в предреволюционном русском реализме (на 3-х стр.)

L-017 Герлинд Вегенер. Утопии Заболоцкого в точке пересечения истории природы и истории общества [Пересечение истории природы и истории общества в утопиях Заболоцкого]

L-018 Штеффи Хотивари-Юнгер. Перспективное мышление {М.Б. - видимо имеется в виду рассмотрение/обсуждение предмета описания с различных точек зрения?} в произведениях Микхеила Джавахишвили и Константинэ Гамсахурдиа, написанных до 1935-го года

L-019 Беате Керстан (Йена). Видение [поэтическое видение мира] и реальность: роман Замятина "Мы"

L-020 Франк Гёпфер (Потсдам). От пережитой повседневности к литературному замыслу. О ранних рассказах Лидии Сейфуллиной

L-021 Биргит Май (Берлин). Утопические элементы в ранней советской сатирической литературе

L-022 Ханс-Юрген Ленерт (Берлин). Работа и коммунистическое будущее в произведениях Гастева, Платонова и Галина {М.Б. - у Гастева были труды, лит. произведений не было}

L-023 Ральф Гёбнер (Берлин). "Сигнал в будущее". Проекты и открытия украинских футуристов 20х-годов

L-024 Новое в программе: Проф. Константин Герасимов (Тифлис). Хаос на Кавказе? К ситуации в Грузии после покушения на Шеварднадзе.

Понедельник, 23. октября 1995 г., 20:00 часов. Германо-Американский Институт. Софиенштрассе 12, 69115 Гейдельберг (в 8-ми экз.)

L-025 Из глубины. Проф. Константин Герасимов (Тифлис) читает свои стихотворения 1947-1997 гг.

Вступление: Проф. Хорст Меллер (Гейдельберг)

Вторник, 24. октября 1995 г., 20:00 часов. Германо-Американский Институт. Софиенштрассе 12, 69115 Гейдельберг (в 3-х экз.)

Раздел «М». Фотографии разных лет

М-001 – М-029 К.С. Герасимов (фотографии, где он изображен один) – 29 шт.

М-030 – М-057 К.С. Герасимов с друзьями, коллегами и родственниками – 28 шт.

М-058 – М-066 К.С. Герасимов с супругой, Нателой Манафовой Герасимовой (Гусейновой) – 9 шт.

М-067 – М-071 К.С. Герасимов с супругой и друзьями – 5 шт.

М-072 – М-084 Супруга К.С. Герасимова, Н.М. Герасимова (Гусейнова) – 13 шт.

М-085 Дед К.С. Герасимова, Авдей Герасимов.

М-086 Нелли Манафова Гусейнова с сыном Гарри.

М-087 Нелли Манафова Гусейнова.

М-088 Сергей Параджанов.

М-089 Фотопортрет неизвестного военного.

М-090 – М-131 К.С. Герасимов в Германии – 42 шт.

М-132 – М-138 К.С. Герасимов в Армении, на Брюсовских чтениях-1983.

М-139 Семейный фотопортрет с надписью «Дорогой Гидочке от сухумских племянников. 20 марта 1924 г.»

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Саришвили. Константин Герасимов. *Uno solo*. 2

Мария Кшондзер. «Поэзия, единственное чудо...». 21

Жемчужинка эпистолярного искусства. 24

Нина Зардалишвили-Шадури. Слово о Мастере слова. 29

Константин Герасимов. Посвящение. Поэма-феерия. 44

Каталог архива К.С. Герасимова

Схема классификации архива. 109

Раздел «А» 111

Раздел «В» 142

Раздел «С» 150

Раздел «D» 153

Раздел «Е» 161

Раздел «F» 161

Раздел «G» 162

Раздел «H» 183

Раздел «I» 187

Раздел «J» 192

Раздел «K» 194

Раздел «L» 195

Раздел «M» 196